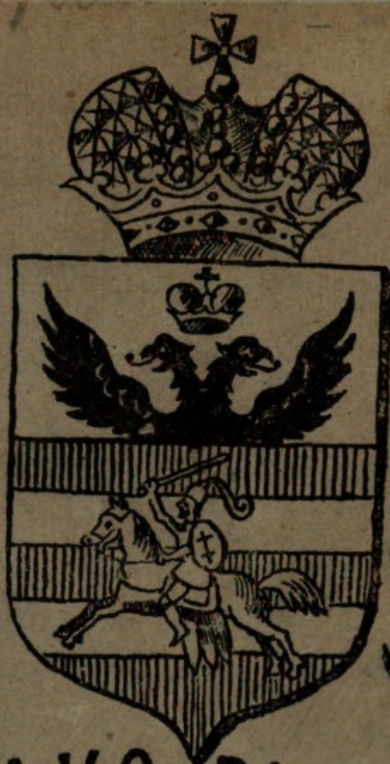

Полоцко-Витебская старина

Изданіе Витебской ученой архивной комиссіи

ѣна 1 р. 25 к.

ПОЛОЦКО-ВИТЕБСКАЯ СТАРИНА.

Изданіе Витебской Ученой Архивной Комиссіи.

Кн. I.

ВИТЕБСКЪ.
Типографія Насл. М. Б. Неймана.
1911 г.

Отъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи.

Измѣняя названіе своего періодическаго изданія „Труды Витебской Ученой Архивной Коммиссіи“ на названіе „ПОЛОЦКО-ВИТЕБСКАЯ СТАРИНА“, Витебская Ученая Архивная Коммиссія желаетъ этимъ расширить программу своего изданія.

Въ составъ первой Книги „Трудовъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи“ вошли статьи исключительно научнаго содержанія, посвященныя изслѣдованію прошлаго Полоцко-Витебской области, и прежнее названіе вполнѣ выражало его содержаніе.

Въ виду того, что отъ наблюденія Витебской Ученой Архивной Коммиссіи не ускользнуло значеніе нѣкоторыхъ современныхъ, переживаемыхъ нами событій, Коммиссія, увѣренная въ томъ, что эти событія со временемъ будутъ возбуждать у нашихъ потомковъ историческій интересъ, идетъ на встрѣчу будущимъ ученымъ изслѣдователямъ, отводя мѣсто въ своемъ изданіи для современной Полоцко-Витебской лѣтописи.

Но при такомъ объемѣ содержанія, прежнее названіе уже не будетъ умѣстно. Вотъ причины измѣненія названія.

Коммиссія считаетъ долгомъ извѣстить интересующихся ея изданіями, что Полоцко-Витебская Старина будетъ выходить періодически отъ двухъ до трехъ выпусковъ въ годъ.

Во второмъ выпускѣ Полоцко-Витебской Старины предположено помѣстить:

1) Изслѣдованіе Д. С. Леонардова „Всеславъ, князь Полоцкій и его время“.

2) Матеріалы, касающіеся войны 1812 года, извлеченные М. А. Мельниковой изъ Витебскаго Губернскаго Архива;

3) Статью И. С. Рябинина „Историческій очеркъ о м. Бѣшенковичахъ;

4) Акты, касающіеся реликвій ксендза Андрея Боболія, хранящихся въ Полоцкомъ Доминиканскомъ костелѣ;

5) Матеріалы о Польскомъ возстаніи 1863 года, извлеченные изъ архивовъ Витебской губерніи **и другія статьи, которыя Редакціонная Коммиссія найдетъ возможнымъ сдать въ печать**.

Первая книга «Полоцко-Витебской Старины» издана на средства почетнаго члена Витебской Ученой Архивной Коммиссіи

Ивана Хрисанфовича Колодѣева.

Г. Витебскъ

Декабрь, 1911 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Часть I.

Часть II.

Современная Полоцко-Витебская лѣтопись.

Часть III.

Приложенія.

Часть I.

Историческій очеркъ

Витебской Бѣлоруссіи.

Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію историческихъ судебъ Витебской Бѣлоруссіи, необходимо, хотя вкратцѣ, сказать: что же такое Бѣлоруссія и кто такіе бѣлоруссы?

Польскіе этнографы записывали (да и записываютъ) въ провинціальную разновидность націи польской, наряду съ мазурами и малополяками, и народность бѣлорусскую; недавно же одна изъ польскихъ газетъ заявила, что „бѣлоруссъ" и „литовецъ"—это-де только крестныя имена при общей фамиліи „полякъ". Нѣкоторые литовско-латышскіе публицисты, въ послѣднее время, ничтоже сумняся, въ свою очередь, заявляютъ, что „бѣлоруссы—славянизированные литовцы".

Да и въ нашей русской литературѣ недавно еще возникалъ вопросъ: существуетъ ли самая бѣлорусская народность? Вопросъ этотъ не покажется страннымъ, если мы вспомнимъ, что до послѣдняго времени для русскаго общества „знакомство съ Бѣлоруссіей, по выраженію И. С. Аксакова,—что-то въ родѣ Колумбова открытія Новаго Свѣта", и началось оно только въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Колумбомъ нашимъ явился бѣлоруссъ—проф. М. О. Кояловичъ, своими „Чтеніями по Исторіи Западной Россіи"...

Насколько русское общество первой половины прошлаго вѣка вообще имѣло смутныя представленія о Западномъ краѣ, показываютъ

путевыя записки ученаго академика Севергина. Проѣзжая по Бѣлоруссіи (въ 1803 г.), встрѣчая здѣсь православныя церкви, присутствуя въ нихъ на богослуженіи, Севергинъ самымъ серьезнымъ и простодушнымъ образомъ считалъ православныхъ бѣлоруссовъ „схизматиками“ (какъ называли бѣлоруссовъ православнаго исповѣданія поляки) и удивлялся, что богослуженіе «очень похоже на греко-россійское богослуженіе» .. Не больше пониманія дѣйствительнаго положенія вещей въ Бѣлоруссіи обнаруживали тогда и высшія правящія сферы. Самъ Н. М. Карамзинъ въ своей „Исторіи Государства Россійскаго“ проглядѣлъ существованіе подъ не-русскою династіей Гедиминовичей русскихъ національныхъ элементовъ. Даже возставая противъ плана Императора Александра I возстановить подъ своимъ скипетромъ Польшу въ границахъ 1772 года, черезъ присоединеніе къ новообразованному королевству (царству) Польскому Литвы, Бѣлоруссіи и Правобочной Украйны, Карамзинъ признаетъ этотъ планъ великодушнымъ, но только невыгоднымъ для Россіи,—при чемъ упоминаетъ о правѣ меча, о старой династической принадлежности этихъ краевъ Россіи, но ни словомъ не упоминаетъ о непольскихъ народностяхъ этихъ краевъ. „Литва, Волынь, пишетъ Карамзинъ, хотятъ возстановленія королевства польскаго, а мы желаемъ единства государства россійскаго“... О бѣлоруссахъ ни слова!

Необходимо, однако, отмѣтить, что историкъ Устряловъ уже въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка, указавъ на упущенія Карамзина, настаивалъ на русскомъ характерѣ населенія бывшаго великаго княжества Литовскаго. Но новыя идеи туго усвоивала даже офиціальная русская наука, не говоря уже о массѣ русскаго общества, въ которомъ всегда такъ слабо историческое самосознаніе.

Въ существѣ своемъ, понятія Карамзина остались и до сихъ поръ понятіями средняго русскаго образованнаго человѣка, для котораго и до сихъ поръ за Смоленскомъ начинается „Польша“...

Только въ самое послѣднее время въ массу русскаго образованнаго общества стало проникать сознаніе, что Западная Русь не по одному только преданію носитъ такое названіе, что особенности языка бѣлоруссовъ, ихъ нравы и обычаи, богатая народная литература и

т. д. воочію доказываютъ существованіе отдѣльнаго бѣлорусскаго племени. Настоитъ, притомъ, вопіющая нужда знать Бѣлоруссію—(эту, по выраженію Императора Николая I, „красавицу, но безприданницу"), знать ее по-русски, понимать ее по-русски, т. е. съ русской точки зрѣнія.

Посмотримъ же, гдѣ живутъ бѣлоруссы, сколько ихъ и какимъ языкомъ говорятъ они.

Отвѣтить на эти вопросы нетрудно, благодаря „Первой всеобщей переписи населенія Россійской имперіи 1897 г." и особенно трудамъ покойныхъ профессоровъ Кояловича и Пыпина и здравствующихъ: акад. А. И. Соболевскаго, проф. Е. Ѳ. Карскаго, проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго и другихъ*).

Живутъ Бѣлоруссы въ семидесяти двухъ уѣздахъ слѣдующихъ 14 губерній: Витебской, Минской, Могилевской, Виленской, Гродненской, Ковенской, Смоленской, Черниговской, Псковской, Тверской, Орловской, Калужской, Сувалкской и Курляндской.

Проф. Колосовъ находитъ бѣлорусскія особенности даже въ нѣкоторыхъ уу. Московской губ., именно, въ уу. Рузскомъ, Волоколамскомъ и Можайскомъ.

Западная граница бѣлорусскаго племени идетъ отъ гор. Августова, Сувалкской губерніи, прямо на югъ до г. Суража, Гродненской губ.; сѣверная — отъ ст. Корсовка, Витебской губ., на востокъ — на Великія-Луки, Псковской губ., до г. Зубцова, Тверской губ., гдѣ граница поворачиваетъ прямо на югъ и идетъ нѣсколько западнѣе гг. Брянска и Трубчевска, Орловской губ., до Новгородъ-Сѣверска, Черниговской губ.; здѣсь граница поворачиваетъ на западъ; самымъ южнымъ пунктомъ будетъ впаденіе р. Припяти въ рѣку Днѣпръ.

Территорія эта, имѣющая протяженіе съ в. на з. около 750 верстъ, а съ с. на ю. около 600 вер. (по вычисленію А. Киркора, Бѣлоруссія

---

*) Прекрасный трудъ проф. Е. Ѳ. Карскаго „Бѣлоруссы", (Варшава, 1903 г., оттискъ изъ „Виленскаго Временника", № 1) долженъ быть настольной книгой для всѣхъ интересующихся Бѣлоруссіей.

занимаетъ 180,402 кв. версты), при началѣ русскаго государства была заселена слѣдующими славянскими племенами: кривичами, сидѣвшими по верховьямъ рр. Двины, Днѣпра и Волги; часть кривичей называлась полочанами: „рѣчки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота“, по которой сидѣли они; затѣмъ дреговичами, жившими между рр. Припятью и Двиною; рядомъ съ дреговичами, за Днѣпромъ, по р. Сожу, жили радимичи, имѣя къ востоку сосѣдей—сродныхъ имъ вятичей, а къ югу—сѣверянъ; послѣдніе тоже были сродни радимичамъ; сосѣдями дреговичей съ юга были древляне и бужане или волыняне, а съ запада сосѣдили уже литовскія племена.

Изъ перечисленныхъ русскихъ племенъ полностью вошли въ составъ нынѣшней бѣлорусской территоріи только дреговичи и радимичи; значительной долей—кривичи, полочане.

Уже въ историческое время бѣлорусское племя развило свою колонизацію на востокъ—къ Поволжью; такимъ образомъ, оно является однимъ изъ основныхъ элементовъ въ образованіи великорусскаго племени. Эту-то мысль проводитъ недавно скончавшійся И. Е. Забѣлинъ въ своей „Исторіи русской жизни“, а также акад. А. И. Соболевскій („Лекціи по исторіи русскаго яз.“) и акад. А. А. Шахматовъ (въ 55 полут. Энцикл. слов. Брокгауза).

Изъ всѣхъ указанныхъ выше племенъ самыми интересными являются для насъ кривичи.

Что собственно значитъ имя кривичи—трудно сказать: одни производятъ его отъ бѣлорусскаго слова „кроў“—„криви“, и тогда кривичи будетъ значить „кровные“, родственники; другіе производятъ это названіе отъ „криве“, литовскаго первосвященника.

Литовское и бѣлорусское племена съ незапамятныхъ временъ жили въ ближайшемъ сосѣдствѣ; возможно, что часть, по крайней мѣрѣ, бѣлоруссовъ вмѣстѣ съ литовцами находились въ нѣкоторой зависимости отъ одного верховнаго жреца, литовскаго „криве-кривейто“. Литовцы, въ свою очередь, впослѣдствіи легко подчинились христіанству, когда оно распространилось между бѣлоруссами.

Трудно сказать что-либо опредѣленное и относительно названія «Бѣлоруссія», «бѣлоруссы»; трудно даже сказать, когда въ первый разъ появилось имя «Бѣлой Руси». Офиціальное употребленіе этого имени—въ царскомъ титулѣ—начинается съ 50-хъ годовъ XVII в., именно, со времени литовскаго похода царя Алексѣя Михайловича, въ 1654 г. Нѣкоторые ученые думаютъ, что офиціальное названіе „Бѣлая Русь“ въ титулѣ русскихъ царей явилось послѣ терминовъ „Великая Русь“, „Малая Русь“ и въ подражаніе имъ. Но у писателей сосѣднихъ нѣмецкихъ племенъ и у поляковъ это названіе встрѣчается уже во второй половинѣ XIV вѣка, причемъ о Бѣлой Руси говорится, какъ о чемъ-то вполнѣ извѣстномъ, всѣмъ понятномъ. Отсюда естественно слѣдуетъ заключить, что это названіе было общеизвѣстнымъ, живымъ народнымъ выраженіемъ, издавна употребительнымъ.

Первые русскіе историки (напр., Татищевъ) названіе Бѣлой Руси относили къ древнему времени и включали въ границы ея Ростовско-Суздальскую область. Князей владимирскихъ они именуютъ «б ѣ л о р у с с к и м и». Это, замѣтимъ кстати, вполнѣ совпадаетъ съ указаніями И. Е. Забѣлина, акад. А. И. Соболевскаго и А. А. Шахматова на колонизацію Ростовско-Суздальской области бѣлорусскими племенами. Карамзинъ говоритъ, что онъ нигдѣ не встрѣчалъ имени Бѣлой Руси до Ивана III; этотъ государь назвалъ свое государство Бѣлой Россіею, т. е. великою или древнею по смыслу этого слова въ языкахъ восточныхъ. И теперь на востокѣ называютъ русскаго царя «акъ—падышахъ», т. е. бѣлый царь. Но нельзя отвергать и того, что названіе Руси Бѣлой существовало издревле; эпитетъ этотъ извѣстенъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ: уже въ VI в. существовала Бѣлая Сербія, Бѣлая Хорватія.

Въ настоящее время простой народъ въ Бѣлоруссіи не знаетъ этого названія; на вопросъ, кто ты? простолюдинъ, если онъ православный, отвѣчаетъ—«русській», а если онъ католикъ, то называетъ себя или полякомъ, или просто скажетъ «тутэйшій» (здѣшній).

Но какъ могъ появиться терминъ «Бѣлая Русь» и что онъ означаетъ? Терминъ этотъ пріурочивается или къ физическому признаку—цвѣту, или же истолковывается въ переносномъ смыслѣ, означая

„независимый“, „свободный“. Въ древнихъ актахъ мы находимъ выраженія: «бѣлая земля»; въ противоположность «черносошной» землѣ, „бѣлая земля“ означаетъ землю, освобожденную отъ податей и повинностей; „бѣлое мѣсто, не тяглое“, т. е. вольное, свободное. Въ такомъ смыслѣ „бѣлый свѣтъ“—вольный міръ, „бѣлый царь“—вольный, независимый царь; въ этомъ-же смыслѣ, быть можетъ, и „Бѣлая Русь“, какъ не покоренная татарами, свободная.

Не лишено значенія и ходячее объясненіе эпитета „Бѣлая Русь“ по внѣшнему виду бѣлоруссовъ; любимый цвѣтъ бѣлоруссовъ—бѣлый: одѣваются они въ бѣлые кожухи, бѣлые насовы, носятъ бѣлые магерки (шапки), а женщины—бѣлые платки. Такое одѣяніе удержалось до сихъ поръ въ глухихъ углахъ Бѣлоруссіи; въ старину такая одежда была повсемѣстной.

Перейдемъ теперь къ подсчету бѣлоруссовъ. Къ 1903 году бѣлоруссовъ было около 8½ милліоновъ (8.317.900). Цифра эта, по заявленію проф. Карскаго, представляетъ лишь минимумъ; слѣдовательно, въ настоящее время мы смѣло можемъ поднять эту цифру, по крайней мѣрѣ, до 9 милліоновъ. *)

Необходимо замѣтить, что подсчетъ этотъ, сдѣланный проф. Карскимъ на основаніи этнографическихъ данныхъ, нѣсколько отличается отъ цифръ Переписи 1897 года. Именно, по Переписи, во всей Россіи бѣлоруссовъ около 6 милліоновъ (5.885,000) или 4,6% всего населенія Россіи; въ бѣлорусско-литовскомъ краѣ (губ. Витебской, Могилевской, Минской, Виленской, Гродненской и Ковенской), по Переписи 1897 г., живутъ почти 5½ милліоновъ (5.546,200) бѣлоруссовъ**).

На 5½ милліоновъ бѣлоруссовъ въ бѣлорусско-литовскомъ краѣ живетъ: не много болѣе ½ милл. поляковъ (565,700),--ровно столько

---

*) Губерніи, по количеству въ нихъ бѣлорусскаго населенія, согласно изслѣдованіямъ проф. Е. Ѳ. Карскаго, идугъ въ нижеслѣдующемъ порядкѣ: 1) Минская—1.755,069, 2) Могилевская - 1.650,069, 3) Виленская—1.076,435. 4) Витебская—976,638. 5) Смоленская—947,826, 6) Гродненская—861,640, 7) Черниговская—700,000, 8) Тверская—125,000, 9) Ковенская—60,000, 10) Псковская—42,400, 11) Калужская--41,029, 12) Орловская—38,484, 13) Сувалкская--22,390, 14) Курляндская—20,981.

**) 1) Минской—1.633,100, 2) Могилевской—1.389,800, 3) Виленской—891,900, 4) Витебской—788,600, 5) Гродненской—705,000, 6) Ковенской—37.800, 7) Черниговской—151,500, 8) Смоленской—101,000, 9) Сувалкской—26,600, 10) Курляндской—12,300, 11) Орловской—3,000, 12) Псковской--2,300, 13) Калужской—700, 14) Тверской—400.

же, сколько и великоруссовъ (566 т.),—не много болѣе $1^1/_2$ милліоновъ литовцевъ, латышей и жмудинъ (1.618,600), менѣе $1^1/_2$ милл. евреевъ (1.414,000); другихъ народностей ничтожное сравнительно количество.

По вѣроисповѣданіямъ, населеніе бѣлорусско-литовскаго края распредѣляется, по Переписи 1897 г., такъ: православныхъ со старообрядцами—$5^1/_2$ милл. (5.384,000), прочихъ христіанскихъ исповѣданій, преимущественно католиковъ—$3^1/_4$ милл. (3.281,000), въ томъ числѣ бѣлоруссовъ-католиковъ до 800 т., іудейскаго $1^1/_2$ милліона (1.414,000).

Чѣмъ же объяснить разницу между исчисленіемъ бѣлоруссовъ Переписи 1897 г. и подсчетомъ проф. Карскаго? Разница эта, по всей вѣроятности, явилась вслѣдствіе указанной выше причины: бѣлоруссы-простолюдины не называютъ себя бѣлоруссами, а потому во время Переписи, при вопросѣ о народности, бѣлоруссы-православные отвѣчали, что они „русськіе", а бѣлоруссы-католики, что они „польской вѣры", а не всегда разборчивые счетчики записали ихъ „поляками". Даже въ офиціальномъ языкѣ народность нерѣдко отожествляется съ вѣроисповѣданіемъ: православные—русскіе, католики—поляки. Особенно досадно и важно по своимъ послѣдствіямъ смѣшеніе словъ полякъ и католикъ. Вѣдь это же нелѣпость: не всѣ вѣдь поляки католики, а тѣмъ болѣе не всѣ католики—поляки.

Поляковъ, какъ основной народности, въ Западномъ Краѣ нѣтъ вовсе, да и не было никогда!

Не болѣе трехъ вѣковъ тому назадъ все населеніе Бѣлоруссіи было сплошь бѣлорусскимъ, сплошь православнымъ. Я говорю здѣсь о Бѣлоруссіи, какъ болѣе мнѣ извѣстной, но то же положеніе дѣла было и во всемъ Западномъ краѣ. (О латышахъ и литовцахъ тутъ рѣчь не идетъ, то—особь статья).

Въ силу историческихъ данныхъ, въ Бѣлоруссіи въ настоящее время есть бѣлоруссы-католики, хотя и не особенно много, не болѣе 10%.

Высшій классъ бѣлоруссовъ-католиковъ, болѣе или менѣе крупные землевладѣльцы, въ теченіе трехъ вѣковъ усвоили себѣ польскій

языкъ, пріобщились польской культурѣ и въ настоящее время, проникнутые польскимъ духомъ, величаютъ себя поляками. Но и такихъ поляковъ надо считать только сотнями, а ужъ никакъ не десятками тысячъ.

Правда, и они, вотъ эти поляки, называютъ себя иногда бѣлоруссами; но это только тогда, когда такое заявленіе можетъ принести имъ въ томъ или иномъ отношеніи выгоду. Такія слова ихъ, конечно, ни къ чему не обязываютъ, это только слова, слова! Но разъ они хотятъ быть поляками, пусть будутъ поляками,—это ихъ дѣло.

Но мелкая шляхта и крестьяне-католики въ домашнемъ быту говорятъ, обыкновенно, по бѣлорусски и почти ничѣмъ не отличаются отъ своихъ собратій—православныхъ бѣлоруссовъ. Зачислять въ число поляковъ этихъ бѣлоруссовъ только потому, что они католики, это ужъ прямо этнографическій грабежъ, если позволительно такъ выразиться.

Вотъ какъ въ жизни сказывается иногда столь желанная свобода совѣсти: пожелалъ человѣкъ быть католикомъ, а, смотришь, его записали уже и въ поляки. Да это уже почти совершившійся фактъ: вѣдь, Законъ Божій римско-католическаго исповѣданія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Западнаго края преподается исключительно на польскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, наши бѣлоруссы-католики исподоволь полонизируются...

Имѣя въ виду все вышесказанное, необходимо число бѣлоруссовъ, указанное Переписью 1897 г., въ бѣлорусско-литовскомъ краѣ значительно повысить, а число поляковъ понизить. Отожествленіемъ понятій православнаго и русскаго объясняется и то явленіе, что, напримѣръ, въ Тверской губ., по исчисленію проф. Карскаго, 125 тысячъ бѣлоруссовъ, а по Переписи 1897-года—ихъ всего 400: остальное число, очевидно, сошло за «русскихъ», т. е., по мнѣнію счетчиковъ, непремѣнно великоруссовъ.

Исчисленіе проф. Карскаго, сдѣланное на основаніи этнографическихъ данныхъ, несомнѣнно, точнѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ данныя Переписи 1897 г.

На всемъ вышесказанномъ пространствѣ 72 уѣздовъ господствуетъ бѣлорусскій языкъ. «Бѣлорусское нарѣчіе,—говоритъ извѣстный славистъ Срезневскій,—принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ мѣстныхъ видоизмѣненій русскаго народнаго языка; оно важно и по обширности пространства, на которомъ господствуетъ, какъ языкъ народный».

Я не буду вдаваться въ подробности относительно особенностей бѣлорусскаго языка и только вкратцѣ отмѣчу историческія судьбы этого языка.

Авторъ начальной лѣтописи нигдѣ не касается отличій тѣхъ или другихъ русскихъ племенъ въ языкѣ; всѣ они у него «словѣнескъ языкъ въ Руси». Но различіе въ говорахъ начало сказываться въ древней Руси довольно рано. Уже въ XII—XIII в.в. выдѣляются говоры кіевскій, галицко-волынскій, новгородскій и смоленско-полоцкій. Смоленско-полоцкій говоръ былъ очень близокъ къ говору дреговичей и радимичей. Этимъ и объясняется то явленіе, что эти три племени выработали съ теченіемъ времени одно нарѣчіе и слились въ одну бѣлорусскую народность.

Итакъ, главнѣйшія особенности современныхъ бѣлорусскихъ говоровъ въ большей или меньшей степени сложились не позже XIII в. Въ большинствѣ особенностей бѣлорусское нарѣчіе является „прямымъ носителемъ общерусскихъ чертъ“.

Бѣлорусское нарѣчіе было нѣкогда языкомъ мѣстныхъ дѣловыхъ актовъ и грамотъ. По завоеваніи западнаго края Литвою, оно осталось государственнымъ языкомъ литовско-русскаго великаго княжества. Языкомъ дѣловой офиціальной жизни бѣлорусское нарѣчіе оставалось съ XIV вплоть до XVIII вѣка. Такъ, этому языку принадлежитъ такой замѣчательный памятникъ, какъ Литовскій Статутъ (правильнѣе—Бѣлорусскій, такъ какъ онъ—плодъ генія бѣлорусскаго народа), напечатанный въ Вильнѣ въ 1588 году, и та масса историческихъ документовъ, какая появляется въ новѣйшихъ археографическихъ изданіяхъ.

Вотъ образчикъ языка Литовскаго Статута: „Што продокъ нашъ славное памети, король его милость и велики князь литовъскій, Жик-

гимонтъ Августъ выдаючи ку вжыванью обывателемъ того паньства, князства литовъскаго, сесь статутъ права посполитого земскаго и т. д.“... Особенно замѣчательно въ Статутѣ слѣдующее мѣсто: «А писаръ земски маетъ по русски, литерами и словы русскими вси листы, выписы и позвы писати, а не иншимъ езыкомъ и словы»...*)

На томъ же бѣлорусскомъ языкѣ написаны такъ-называемыя литовскія (точнѣе, западно-русскіе) лѣтописи: „Лѣтопись Быховца“ (изд. Нарбутомъ въ 1827 г.), «Лѣтопись вел. кн. литовскихъ» (изд. Марциновскимъ въ 1827 г., а затѣмъ А. Поповымъ въ 1854 г.), «Варколабовская лѣтопись» (охватывающая событія 1526—1608 гг.; издана нѣсколько разъ: Кулишемъ, М. В. Довнаръ-Запольскимъ, Е. Р. Романовымъ); Скориною, уроженцемъ Полоцка, издана Библія въ 1517 г. въ Прагѣ; имъ же изданы Псалмы и Дѣянія Апостольскія въ 1526 г.; Василіемъ Тяпинскимъ, полоцкимъ шляхтичемъ, переведена на бѣлорусскій языкъ и напечатана около 1580 г. въ своей типографіи (въ Лепельскомъ у.) Библія; многія изъ политическихъ сочиненій въ эпоху религіознаго движенія XVII в. также написаны на бѣлорусссскомъ нарѣчіи. **)

Въ послѣднее время въ Западномъ краѣ взялись за изданіе и разработку памятниковъ древней западно-русской письменности. Путь этотъ оказывается самымъ счастливымъ. Имъ можно дойти до самаго вѣрнаго пониманія западно-русской жизни. Въ этихъ памятникахъ вездѣ и во всемъ—одно великое, объединяющее всѣхъ русскихъ, слово—Русь и Русь. «Литовская Русь, говоритъ одинъ изъ ученыхъ,—исконная Русь, сидѣвшая на старомъ корню».

Да, наконецъ, объ этомъ,—что край нашъ искони русскій,—буквально «камни вопіютъ»: я имѣю въ виду такъ-называемые „Борисовы камни“, находящіеся по берегамъ и въ руслѣ рѣки Зададной Двины, а также и въ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи; славянскія над-

*) Замѣчательно, что когда впослѣдствіи Статутъ былъ переведенъ на польскій языкъ (впервые въ 1648 г.), то во всѣхъ изданіяхъ его вышеприведенныя слова повторяются безъ всякаго измѣненія: „A Pisarz Ziemski ma po ruski literami y słowy Ruskiemi wszystkie listy, wypisy y pozwy pisac, a nie inszym jezykom y slowy“.

**) Интересно мнѣніе объ этомъ и нѣкоторыхъ польскихъ публицистовъ. „Никто не станетъ отвергать, пишетъ „Gazeta Polska“, что языкъ могилевскаго или витебскаго бѣлорусса есть русскій языкъ. Не отвергали этого и въ польскія времена; наоборотъ, этотъ языкъ былъ языкомъ государственныхъ актовъ“... Но далеко не вся польская поріодическая печать относится такъ добросовѣстно къ этому вопросу.

писи на этихъ камняхъ приписываются полоцкому князю Борису Всеславичу, скончавшемуся въ 1128 г.; сюда же слѣдуетъ отнести и „Рогволодовъ камень“, близъ г. Орши, съ славянскою надписью 1171 г.*)

Нынѣшніе бѣлорусскіе говоры до послѣдняго времени не имѣли, да и теперь, въ сущности, не имѣютъ литературной обработки. Попытки ввести въ бѣлорусскій языкъ легкую литературу дѣлались, однако, и съ польской стороны, и съ бѣлорусской.

Но особенно цѣнны и важны новѣйшіе сборники бѣлорусской народной поэзіи**). Теперь, послѣ прекрасныхъ трудовъ Е. Р. Романова и покойныхъ: Гильтебрандта, Безсонова, Шейна, недавно скончавшагося Н. Я. Никифоровскаго и др., ясно всѣмъ желающимъ видѣть, какія богатыя духовныя силы таятся въ душѣ бѣлоруcса; капитальные труды упомянутыхъ этнографовъ опровергли ходячее мнѣніе о хилости и дряблости натуры потомковъ «оныхъ грозныхъ полочанъ», какъ называетъ ихъ пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ»... Вѣдь, именно, бѣлоруссы дали полякамъ и ихъ величайшаго поэта, и ихъ величайшаго героя: и Мицкевичъ, и Костюшко по происхожденію бѣлоруссы. Такъ было въ прошломъ; есть, значитъ, основаніе, что въ будущемъ бѣлоруссы и для себя выдѣлятъ изъ нѣдръ своихъ такихъ же великихъ людей.

„Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край“,

изъ котораго вышли, какъ вышеупомянутые, такъ и многіе другіе великіе люди...

---

*) См. мою брошюру: „Двинскіе или Борисовы камни“. Витебскъ, 1890.

**) Вотъ отрывки изъ двухъ бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ:

Прылецѣли гуси
Ды зъ чужей Руси,
Сѣли яны надъ вадою,
Стали яны ваду пици,
Абъ ледъ крыльлимъ бици.
Яны вады ни папили,
Крылья паразбили...

Щибитау салавей у бару,
А на калининкѣ сидзючы,
Горку ягадку клюючы:
„Ай кабъ-жа ка мнѣ зязюля,
„А умѣу бы я зъ ей щибитаць,
„На аднэй вѣтачкѣ сиздючы,
„Адну калинку клюючы“...

Бѣлорусскій край извѣстенъ съ древнѣйшихъ временъ. Здѣсь пролегалъ знаменитый путь «изъ Варягъ въ Греки». Въ древнихъ сагахъ скандинавскихъ также находится любопытныя свѣдѣнія о нашемъ краѣ. Въ этихъ сагахъ, задолго до Рюрика, есть извѣстія о Полоцкѣ, какъ о богатомъ и сильномъ владѣніи, имѣвшемъ своего государя, по имени Палтеса. Въ русскихъ лѣтописяхъ Полоцкъ впервые упоминается подъ 862 г., когда онъ былъ отданъ Рюрикомъ одному изъ его мужей. Полочане принимали участіе въ походахъ на Грецію при Олегѣ и Игорѣ. Въ 980 г. въ Полоцкѣ является самостоятельный князь Рогволодъ, пришедшій, по словамъ лѣтописи, изъ-за моря. Рогволодъ и его сыновья пали въ битвѣ съ кіевскимъ кн. Владиміромъ; дочь же Рогволода, Рогнѣду, кіевскій князь взялъ себѣ въ супруги. Впослѣдствіи Владиміръ отдалъ Полоцкъ въ удѣлъ своему сыну отъ Рогнѣды, Изяславу, который и былъ родоначальникомъ полоцкаго княжескаго дома. Въ XI—XII в. Полоцкое княжество является однимъ изъ самыхъ могущественныхъ на Руси. Самымъ знаменитымъ княземъ здѣсь былъ внукъ Изяслава, Всеславъ, княжившій во второй половинѣ XI вѣка. Этотъ князь слылъ чародѣемъ. Пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ» такъ вспоминаетъ о немъ. (Слова древняго пѣвца и великаго русскаго патріота я приведу въ переводѣ на современный языкъ):

„Князь Всеславъ народу
Судъ давалъ и рядилъ князьямъ города; а самъ волкомъ
Рыскалъ въ ночи. Кидался изъ Кіева къ Тьмутаракани
И перерыскивалъ волкомъ дорогу великому Хорсу.
Въ Полоцкѣ стольномъ ему позвонили къ заутренѣ рано
Въ колокола у Софіи святой, а онъ въ Кіевѣ слышалъ
Благовѣстъ тотъ“.

При этомъ-то князѣ-чародѣѣ въ составъ Полоцкаго княжества входили: нынѣшняя Витебская губернія, значительныя части губерній— Могилевской, Минской и Виленской, а также нѣкоторыя части губерній: Ковенской, Курляндской и Лифляндской.

Вскорѣ послѣ смерти Всеслава, между его многочисленнымъ потомствомъ начались безконечныя распри. Тотъ же пѣвецъ „Слова“ возмущенно поетъ:

...„Вы, внуки Всеслава, склоните долу знамена,
Вложите мечи притупленные:
Вы помрачили славу могучаго дѣда.
Не вы-ль принимали поганыхъ (т. е. литовцевъ)
Вашей крамолой на Русскую землю,
На племя Всеслава, чтобъ и отъ нихъ мы узнали насилье“..

Нельзя не обратить вниманія на то, что пѣвецъ «Слова» не дѣлаетъ различія между составными частями Русской земли, у него нѣтъ окраинъ, у него вездѣ—одна Русь.

Но вскорѣ начинается расчлененіе единой Руси.

Первые воспользовались усобицами князей полоцкихъ нѣмцы.

Отъ полоцкаго князя зависѣли земли по Двинѣ вплоть до самаго Балтійскаго моря. Когда именно впервые появились въ латышско-ливскихъ земляхъ поселенія полоцкихъ кривичей—неизвѣстно; но что придвинскіе народцы были данниками полоцкаго князя задолго до прихода сюда нѣмцевъ, на это имѣются прямыя свидѣтельства, неподлежащія ни малѣйшему сомнѣнію.

Передовымъ форпостомъ полоцкихъ князей на Двинѣ былъ Куконосъ, нынѣшній Кокенгузенъ, въ трехъ стахъ двадцати верстахъ отъ Полоцка. Другой городъ былъ Герсикъ, въ 50 верстахъ отъ Двинска.

Къ концу XII в. полоцкая земля раздробилась на много удѣловъ; такихъ удѣловъ было болѣе десяти, а именно: полоцкій, витебскій, минскій, друцкій, изяславскій, логойскій, слуцкій новгородскій (новогрудскій), гродненскій, клецкій, свислоцкій, лукомльскій, кокенгузенскій и герсицкій.

Полочане выказали большую силу не только въ государственномъ строеніи, но и въ области общественной. Полоцкая земля выработала принципъ широкаго участія вѣча, т. е. всего земства, въ дѣлахъ всей земли. Дробленіе на удѣлы дало начало развитію вѣчевыхъ отношеній и въ пригородахъ полоцкихъ. «Мужи полочане вѣчомъ ся справовали, какъ Великій Новгородъ и Псковъ», говоритъ мѣстный лѣтописецъ [лѣт. Буховца]; въ Лаврентьевской лѣтописи объ этомъ сказано нѣсколько подробнѣе: «Новгородцы бо изначала, и смоляне, и кыяне, и полочане и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся, на что же старѣйшіи сдумаютъ, на томъ же пригороды станутъ»...

Вѣче полоцкое было изъ числа самыхъ сильныхъ. Эту силу и бодрость долго сохраняли полочане, а за ними витебляне, минчане и могилевцы.

Городское вѣче избирало себѣ князя и заключало съ нимъ «рядъ», т. е. договоръ; оно же контролировало дѣятельность князя, и въ случаѣ разногласія, «указывало ему путь».

Мало того, вѣче заключало договоръ съ сосѣдними землями; даже брало на себя роль судьи въ болѣе важныхъ случаяхъ и рѣзко выражало свою волю*).

Однимъ словомъ, вѣче въ Полоцкѣ и его пригородахъ получило такое же широкое значеніе, такъ же прочно осуществляло права верховной власти, какъ это было въ Новгородѣ и Псковѣ...

Въ концѣ XII вѣка въ устьѣ Двины появились нѣмецкіе купцы, завязали торговыя сношенія съ туземцами и основали свои колоніи, затѣмъ явились и миссіонеры. Полоцкій князь Владиміръ позволилъ нѣмецкимъ миссіонерамъ распространять христіанство между туземцами, часть которыхъ уже исповѣдывала православіе. Дорого пришлось потомъ заплатить этому князю за свою недальновидность.

Несмотря на сильный по временамъ отпоръ со стороны ливовъ, нѣмцы все болѣе и болѣе утверждаютъ свое господство въ нижнемъ теченіи Двины. Въ 1202 году они построили укрѣпленный городъ Ригу. Въ томъ-же году утвержденъ папою новый монашескій рыцарскій орденъ въ Ливоніи, извѣстный подъ названіемъ Ливонскаго ордена или ордена Меченосцевъ.

---

*) Приведу (въ сокращеніи) характерный эпизодъ изъ полоцкой лѣтописи (тѣмъ болѣе, что это единственное прямое указаніе на существованіе несохранившихся полоцкихъ лѣтописей):

Князь полоцкій Борисъ Давидовичъ женился вторымъ бракомъ на Святохнѣ, дочери Казимира померанскаго. Святохна, хотя и приняла греческое исповѣданіе, но втайнѣ держалась католицизма, и въ числѣ ея дворянъ-поморянъ былъ католическій священникъ. У Бориса отъ Святохны родился сынъ, котораго „отецъ именовалъ Владимиръ, а мать назвала Войцехъ“. Но отъ первой супруги у Бориса было два сына, Василько и Вячко. Святохна не любила своихъ пасынковъ: по ея проискамъ, Борисъ удалилъ ихъ отъ себя и далъ имъ въ удѣлъ Двинскую область. У Василька и Вячка въ Полоцкѣ было много сторонниковъ. Святохна, „устраивая путь, какъ бы пасынковъ отцова наслѣдія лишить, и все оное сыну своему утвердить“, начала гнать преданныхъ княжичамъ бояръ, а „своихъ поморянцевъ во всѣ чины и управленія вводить“. Борисъ смотрѣлъ на все глазами Святохны. Наконецъ, полочане, видя, какъ пришельцы „города разоряютъ, народъ грабятъ, предѣлы пустошатъ“, въ день Спаса, при звукѣ вѣчеваго колокола, произвели возстаніе, „посадили княгиню подъ крѣпкую стражу, поморянъ всѣхъ побили, а иныхъ изгнали; князю же никакого вреда не учинили и немедленно послали по Василька (удѣльнаго кн. герсицкаго) знатныхъ людей“...

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ земля ливомъ покорена была совершенно; за ливами наступила очередь латышей. Это быстрое наступательное движеніе нѣмцевъ на востокъ побудило, наконецъ, безпечнаго князя полоцкаго вступиться за своихъ бывшихъ подданныхъ, неоднократно обращавшихся къ нему за помощью. Владимиръ приплылъ на судахъ со значительнымъ ополченіемъ къ Гольму, въ 15 в. отъ Риги; но послѣ одиннадцати-дневной осады отступилъ. Это было въ 1206 г. А въ слѣдующемъ году тщетно призывалъ къ себѣ на помощь Владимира полоцкаго удѣльный князь куконоскій, Вячко, тѣснимый нѣмцами. Отчаявшись въ успѣхѣ обороны, Вячко сжегъ родной Куконосъ, а самъ удалился въ Русь...

Такая же участь постигла и другого удѣльного князя, Всеволода, который владѣлъ Герсикомъ. Въ 1210 г. нѣмцы взяли и сожгли Герсикъ. Князь Всеволодъ, видя съ лѣваго берега Двины разгромъ и пожаръ своего города, громко рыдая, говорилъ: «О, Герсикъ, любезный городъ, наслѣдство моихъ отцовъ. О, непредвидѣнное разореніе моего народа! Ахъ, не родиться бы мнѣ лучше на свѣтъ, чѣмъ видѣть пожаръ моего города и истребленіе моего народа»...

Нѣмцы дошли такимъ образомъ до самаго Двинска (Динабургъ) гдѣ въ 1275 г. и основанъ былъ крѣпкій замокъ.

Дальнѣйшіе успѣхи нѣмцевъ встрѣтили отпоръ уже не со стороны полоцкихъ князей, а со стороны литовцевъ, захватившихъ русскія земли.

О первыхъ столкновеніяхъ полоцкихъ князей съ литовцами также говорится въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Пѣвецъ съ глубокою грустью поетъ:

...«Двина болотомъ течетъ къ полочанамъ
Грознымъ, подъ кликомъ поганыхъ (т. е. литовцевъ).
Одинъ Изяславъ Васильковичъ
Въ шлемы литовскіе острымъ мечомъ позвонилъ и, затьмивши
Славу дѣда, Всеслава, покрытый стальными щитами,
Палъ на кровавой травѣ подъ ударами сабель литовскихъ;
Слегъ на кровать и сказалъ: «Князь, дружину твою удалую
Крыльями птицы одѣли, а звѣри кровь полизали».

Ни Брячислава съ нимъ не было, ни Всеволода;
Одинъ онъ выронилъ пышно-жемчужную душу изъ храбраго тѣла
Сквозь золотое свое ожерелье. Поникло веселье;
Смолкли печальныя пѣсни»...

Подъ умолканіе этихъ пѣсенъ замерла навсегда и русская независимость полоцкой земли, завоеванной Литвою...

Замолкли и извѣстія русскихъ лѣтописей о нашемъ краѣ: судьбу его мы знаемъ изъ такъ-называемыхъ русско-литовскихъ, или, вѣрнѣе, западно-русскихъ лѣтописей. По этимъ свѣдѣніямъ, Полоцкъ уже въ концѣ XII вѣка былъ завоеванъ литовскимъ княземъ Мингайломъ. Но литовцы не сразу утвердились въ этомъ городѣ: спустя нѣсколько лѣтъ, въ Полоцкѣ опять является князь изъ дома Изяслава. Послѣднимъ княземъ изъ этого дома считается Брячиславъ, но онъ жилъ уже въ Витебскѣ; дочь этого князя была супругою благовѣрнаго князя Александра Невскаго, который, къ слову сказать, въ 1238 г. посѣтилъ Витебскъ. Первымъ собственно литовскимъ княземъ въ Полоцкѣ былъ Тозтивилъ. Князь этотъ или одинъ изъ его преемниковъ, неизвѣство когда и по какой причинѣ, подчинилъ Полоцкъ власти рижскаго архіепископа; но впослѣдствіи рыцари Ливонскаго ордена уступили, за денежное вознагражденіе, свое право на Полоцкъ вел. князю литовскому. Съ этого времени въ Полоцкѣ княжили литовскіе князья. Но одинъ изъ удѣловъ Полоцкаго княжества, именно витебскій, еще долго, почти сто лѣтъ, сохранялъ свою независимость. Послѣднимъ княземъ витебскимъ былъ Ярославъ Васильевичъ, на единственной дочери котораго, Маріи, былъ женатъ литовскій князь Ольгердъ. По смерти Ярослава, въ 1320 г., и княжество витебское отошло къ Литвѣ...

Такимъ образомъ, земли Полоцкаго княжества постепенно были захвачены литовцами, нѣкогда платившими дань князьямъ полоцкимъ.

Перехожу къ краткому изложенію судьбы православія въ нашемъ краѣ. Я отмѣчу только выдающіяся событія.

Полоцкая православная епархія—одна изъ самыхъ древнихъ на святой Руси. Христіанство утвердилось здѣсь, безъ сомнѣнія, уже при Владимірѣ Святомъ; Изяславъ, его сынъ отъ Рогнѣды, похваляемый лѣтописцами за благочестіе, былъ главнымъ дѣятелемъ въ семъ святомъ дѣлѣ.

Мирно распространялось христіанство,—точнѣе православіе,—по всѣмъ городамъ и весямъ полоцкимъ (какъ и по всей Руси); не было ни противодѣйствія съ одной стороны, ни насилія—съ другой.

Къ концу X в. вся область полоцкая была уже христіанскою; около 992 г. учреждена въ Полоцкѣ епархія.

Въ XII в. здѣсь процвѣтала уже и жизнь иноческая; многія княгини и княжны посвятили себя иноческой жизни; во главѣ ихъ сіяетъ Преподобная Евфросинія, въ мірѣ Предислава, „яко луча солнечная, просвѣтившая всю землю Полоцкую",—говорится въ древнемъ Житіи Преподобной. Преп. Евфросинія—дочь Георгія-Святослава, внучка знаменитаго кн. Всеслава.

Вскорѣ послѣ кончины Преподобной начинаютъ исчезать съ лица исторіи потомки Изяслава Владиміровича; владѣнія ихъ, какъ уже было сказано, мало-по-малу переходятъ въ руки литовцевъ.

Но съ паденіемъ политической независимости Полоцкаго княжества положеніе здѣсь церкви православной почти совсѣмъ не измѣнилось: мирно насажденное православіе мирно же продолжало свои мирныя завоеванія.

Пріобрѣтеніе русскихъ областей имѣло благотворное вліяніе на весь литовскій народъ. Польскій историкъ Ярошевичъ говоритъ: „Кромѣ торговли, которая, издавна сближая оба народа, познакомила литовцевъ съ русскимъ языкомъ, кромѣ религіи восточнаго исповѣданія, которая подъ покровительствомъ княжескихъ женъ, по большей части русскаго происхожденія, уже отъ начала XIII ст., дѣлая въ Литвѣ значительные успѣхи, посредствомъ духовныхъ лицъ, и славянской литургіи, освоила литовцевъ со всѣмъ русскимъ: еще больше содѣйствовали тому политическія отношенія Литвы съ болѣе населенной и гораздо болѣе образованной христіанской Русью. Еще прежде завоеваній Гедимина и Ольгерда, начали литовцы вмѣшиваться въ дѣла русскихъ князей и городовъ; завоеванія же эти еще бо-

лѣе сроднили ихъ съ русскимъ народомъ. Вслѣдствіе этого, многіе изъ нихъ, проживая долго между русскими, старались приноравливаться къ ихъ образу жизни, учились ихъ языку, принимали крещеніе и православное исповѣданіе.

„Еще во времена язычества“, по словамъ польскаго ученаго Мацѣевскаго, въ Литвѣ говорили по-русски и въ дворцахъ, и въ хижинахъ“.

Польскій историкъ Нарбутъ прибавляетъ: «Христіанская вѣра восточнаго исповѣданія первая начала распространяться въ Литвѣ тихимъ путемъ свободнаго убѣжденія въ святыхъ истинахъ, а не по приказу и принужденію».

Русское племя составляло 9/10 литовскаго государства; что-жъ удивительнаго, что русское народное начало, русская культура занимали въ немъ преобладающее положеніе. Въ то время распространеніе той или другой культуры находилось въ тѣснѣйшей связи съ вѣроисповѣданіемъ народа. Русская народность отождествлялась съ православіемъ, которое поэтому и называлось русскою вѣрою.

Если-бы такое теченіе дѣлъ продлилось еще нѣкоторое время, то, по справедливому замѣчанію названнаго уже польскаго историка Ярошевича,—«Литва перемѣнила бы современемъ свою литовско-языческую народность въ христіанско-русскую»...

Неожиданное событіе въ концѣ XIV в. совершенно измѣнило мирное и нормальное теченіе жизни русско-литовскаго государства: въ февралѣ 1386 г. в. кн. литовскій Ягайло, въ православіи Яковъ, сынъ Ольгерда, женился на польской королевѣ Ядвигѣ, перешелъ изъ православія въ католичество и далъ обѣщаніе обратить въ католичество и всѣхъ подданныхъ своихъ литовцевъ и русскихъ; государство же свое обязался соединить съ польскимъ. Это и была первая политическая унія, послужившая началомъ всѣхъ послѣдующихъ уній, легшихъ тяжелымъ ярмомъ надъ западно-русскимъ православнымъ народомъ. По словамъ польскаго историка Нарбута, „эпоха религіозной нетерпимости въ Польшѣ и Литвѣ началась со времени владычества Ягайлы, т. е. со введеніемъ латинскаго исповѣданія въ Литву“, въ концѣ XIV в.

Съ этого времени въ русско-литовскомъ государствѣ борются

два начала: русско-православное и польско-католическое. Борьба продолжается въ теченіе двухъ вѣковъ. Эта двухвѣковая борьба велась не съ одинаковымъ напряженіемъ и постоянствомъ и еще болѣе не съ одинаковымъ успѣхомъ: «Не разъ клонилась подъ грозою то ихъ, то наша сторона». Періодъ съ 1386 г. по 1569 г., т. е. до Люблинской политической уніи Литвы съ Польшею—это періодъ «агоніи» русско-литовскаго государства. Но и въ теченіе всего этого періода замѣтно сильное вліяніе русскаго православнаго начала.

„Первые литовскіе князья не нарушали установившагося въ древней Руси государственнаго и общественнаго правопорядка. Государство представляло изъ себя рядъ отдѣльныхъ княженій, подчиненныхъ великому князю. Но уже со времени Ольгерда великокняжеская политика стремилась къ тому, чтобы наиболѣе крупные города не составляли удѣловъ. Такъ, Полоцкъ, Витебскъ и Смоленскъ, съ ихъ территоріями составляли общины, находившіяся въ верховной зависимости отъ великаго князя. Желая крѣпче связать крупныя земли съ государствомъ, примирить ихъ съ непосредственной зависимостью отъ центральнаго правительства, Витовтъ выдалъ такимъ областямъ уставныя грамоты. Такія грамоты выданы были Полоцку, Витебску и Смоленску. Въ основу этихъ законовъ, регулирующихъ мѣстную жизнь, былъ положенъ принципъ, что „мы (т. е. господарь) старины не нарушаемъ, а новины не вводимъ“. Дѣйствительно, уставныя грамоты закрѣпили собою порядокъ, выработанный въ этихъ земляхъ въ теченіе предшествующихъ вѣковъ. Полоцкъ и Витебскъ представляли собою народоправства, въ которыхъ всѣми дѣлами вѣдало вѣче. И теперь собраніе добрыхъ и малыхъ людей, всѣхъ горожанъ, являлось высшимъ органомъ въ дѣлахъ, касающихся мѣстнаго управленія. Оригинальною особенностью древне-русскаго города было его единеніе съ землей, т. е. съ цѣлой областью; городъ былъ центромъ, гдѣ на вѣчѣ принимали участіе жители области и города.

Съ такимъ же характеромъ городъ является и въ уставной грамотѣ. Городъ имѣлъ свою казну, городскіе выборные присутствовали на судѣ намѣстника. Нормы уголовнаго и гражданскаго права, выработанныя обычаемъ, были закрѣплены теперь закономъ. Постановленія уставныхъ грамотъ указываютъ на высокое по-

литическое развитіе древнерусскаго земства. Такъ, великій князь гарантировалъ областямъ личную безопасность жителей (никто не могъ быть лишенъ свободы и казненъ безъ суда и слѣдствія), право передвиженія въ сосѣднія области и за границу государства, сохраненіе личныхъ привилегій и «чести», шляхетства; въ области имущественныхъ правъ гражданъ были подтверждены права владѣнія имуществомъ, завѣщанія, наслѣдованія. Наконецъ, грамоты обезпечивали старинное процессуальное право, торговый судъ и опредѣленныя обязательства населенія по отбыванію государственныхъ податей и повинностей. Городъ даже самъ сносился, правда только по торговымъ дѣламъ, съ сосѣдними государствами и городами, напр. съ Ригой и др. Въ городѣ былъ великокняжескій намѣстникъ, но онъ назначался господаремъ изъ мѣстнаго боярства и съ согласія всего „посполъства", т. е. всѣхъ жителей. По объему и важности обязательствъ, принимаемыхъ государемъ по отношенію къ каждой отдѣльной области, видно, что земскія уставныя грамоты были, такъ сказать, конституціонными грамотами отдѣльныхъ земель".

Я позволю себѣ привести выдержки изъ Уставной витебской грамоты; кстати, читатель познакомится и съ языкомъ, на которомъ писались тогда всѣ грамоты*): „Штожъ намъ (королю) въ домы церковныи, въ домъ Божій свѣтое Богородицы, и въ домъ Божій свѣтого Духа, и въ домъ Божій Благовѣщенія пречистое, и въ иные церкви не вступатися; а который витблянинъ, умирая, откажетъ остатокъ своего имѣнія кому, и въ то намъ не вступатися; а безъ исправы витблянина не казнити, а чоломъ-битіе намъ у витблянъ прыймати черезъ поруку, въ желѣза ихъ не засажаючи, а ни въ которую муку; а отчинъ у нихъ не отнимати; такежъ и въ села ихъ куплены и въ поля не вступатися и на заочное повѣданіе не вѣрити; а кто имѣетъ ихъ намъ обмовляти, того намъ витбляномъ объявити, а въ заставу нигдѣ витблянъ не сажати; а по волости по витебской воеводѣ нашому не ѣздити, а поѣдетъ въ ловы, ино его по становъ не дарити. Такежъ и въ вѣсы витебскіи а ни въ локоть (мѣру) не вступатися; и коли который витблянинъ въ вѣсѣхъ проступилъ або въ

*) Всѣ грамоты, на которыя дѣлаются ссылки въ предлагаемомъ очеркѣ, напечатаны въ изданной мною „Витебской Старинѣ" (т. т. I, IV и V).

локти, ино витбляномъ самимъ казнити по своему праву, а намъ въ то не вступатися... Такежъ и намъ давати воеводу по старому, по ихъ воле, и который имъ будетъ не любъ воевода, а вмовятъ его передъ нами, ино намъ воеводу имъ иного дати, по ихъ воли; а пріехавши воеводе нашему первого дня къ Витебску, целовати ему крестъ къ витбляномъ на томъ, штожъ безъ права ихъ не казнити по вадамъ ни въ чомъ... Такежъ которыи будутъ литвинъ або ляхъ крещены были въ Витебску въ русскую веру, а хто изъ того роду и тепере живетъ, того намъ не рушити, права ихъ христіанскаго ни въ чомъ не ломити"...

На Люблинскомъ сейме 1569 г. закреплено окончательно политическое соединеніе Литвы съ Польшею. Но это было, такъ сказать, чисто внешнее, механическое соединеніе; необходимо было сліяніе православной русско-литовской народности съ народностью католическо-польскою; а нужно это было для того, чтобы отвратить взоры русскихъ и литовцевъ отъ православнаго востока и обратить ихъ къ католическому западу... Но православное русское народонаселеніе высказывало явное отвращеніе къ католичеству. Въ какомъ печальномъ положеніи было это вероисповеданіе въ нашемъ крае, лучше всего видно изъ следующаго: іезуитъ Ростовскій пишетъ, что „въ конце XVI в. во всей Полоцкой области считалось не более десяти дворянъ, исповедывавшихъ католическіе догматы"... Въ то же время папскій легатъ Поссевинъ нашелъ въ Витебске только одного католическаго ксендза, дряхлаго летами; небольшое число католиковъ здесь состояло изъ польскихъ выходцевъ, жившихъ здесь по деламъ службы или торговли.

Въ такомъ же точно положеніи находилось католичество и во всей Белоруссіи. Самая Вильна, по словамъ польскаго же историка Стебельскаго, была „гнездомъ православія".

Въ самый годъ политической Люблинской уніи въ Белоруссіи появились іезуиты. Эти вероисповедныхъ делъ мастера придумали „мостъ" для перехода изъ православія въ католичество—унію.

Спустя всего четверть века после Люблинской политической уніи, на соборе въ Бресте, въ 1596 г., была провозглашена церковная унія.

Шляхта и магнаты нашего края переходили, впрочемъ, и прямо въ католичество; для нихъ выступалъ болѣе и болѣе интересъ шляхетства, а интересъ родины, интересъ народа сглаживался, исчезалъ. Шляхетство западно-русское, сливаясь съ шляхетствомъ польскимъ, находило себѣ національную смерть. Эту смерть краснорѣчиво изображаетъ авторъ знаменитаго сочиненія „Ѳриносъ" («Плачъ», 1610 г.) —Мелетій Смотрицкій, бывшій впослѣдствіи епископомъ полоцкимъ. Онъ оплакиваетъ отъ лица православной церкви погибель въ католичествѣ лучшихъ родовъ западно-русскихъ; но въ этомъ религіозномъ плачѣ ясно слышится и плачъ родины о погибели для нея этихъ людей. Вотъ замѣчательное мѣсто этого „Плача":

„Гдѣ теперь тотъ неоцѣненный камень, который я носила вмѣстѣ съ другими брилліантами на моей головѣ въ вѣнцѣ, какъ солнце среди звѣздъ,—гдѣ теперь домъ князей Острожскихъ, который превосходилъ всѣхъ яркимъ блескомъ своей древней (православной) вѣры. Гдѣ и другіе также неоцѣненные камни моего вѣнца, славные роды р у с с к и х ъ князей, мои самфиры и алмазы: князья Слуцкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Вишневецкіе, Сангушки, Чарторыйскіе, Пронскіе, Рожинскіе, Соломерецкіе, Головчицкіе, Массальскіе, Горскіе, Соколинскіе, Лукомскіе и другіе, безъ числа. Гдѣ вмѣстѣ съ ними и другіе роды,—древніе, именитые, сильные роды славнаго по всему міру силою и могуществомъ н а р о д а р у с с к а г о: Ходкевичи, Глѣбовичи, Сапѣги, Доростайскіе, Воловичи, Зеновичи, Пацы, Тышкевичи, Корсаки, Хребтовичи, Заборовскіе, Мелешки, Поцѣи и другіе... Вы, злые люди (своею измѣною), обнажили меня отъ этой дорогой моей ризы и теперь насмѣхаетесь надъ немощнымъ моимъ тѣломъ, изъ котораго, однако, вы всѣ вышли. Прокляты будете вы всѣ, насмѣхающіеся надъ моей наготой, радующіеся ей. Настанетъ время, что вы будете стыдиться своихъ дѣйствій"...

Въ 1617 году появился протестъ дворянства православнаго исповѣданія Минскаго и др. воеводствъ; въ этомъ протестѣ дворяне жалуются на отступленіе части духовенства, безъ позволенія всей Руси, отъ повиновенія константинопольскому патріарху и принятіе уніи, на что они, дворяне, никогда не соглашались. Актъ этотъ подписали: Огинскіе, Ратомскіе, Тышкевичъ, Тризны, Во

лодковичъ, Заруцкій, Стецкевичи, Косовъ, Рагозы, Ходкевичи, Войничи, Вержбиловичъ, Верига, Есьманъ, Селява, Станкевичъ, Кусцинскій и мн. др.

Къ 1619 году относится другой протестъ князей, дворянъ и обывателей кор. Польскаго и вел. кн. Литовскаго «**народу Росейскаго, релін старожитное греческое**, подъ благословенствомъ патріарха константинопольскаго будучихъ», противъ намѣренія польскаго правительства забрать на унію основанный въ г. Минскѣ дворянствомъ правосл. Петро-Павловскій монастырь и истребить православіе. Протестъ подписали: Огинскій, Гурко, Укольскій, Ратомскій, Стецкевичъ Полецкій и мн. др.

Въ фундушовой записи на возобновленіе православнаго витебскаго Маркова мон., данной Самуиломъ Огинскимъ, въ 1642 г., между прочимъ, говорится: „Если бы который игуменъ, чего Боже уховай, отъ тое реліи нашей старожитной греческой отступилъ, а до уніатской, яко се теперь вынайдуетъ, або якое иншое приступилъ, теды таковый одступца отлученъ и декградованъ (низложенъ) быти маетъ".

Подобныхъ записей множество.

А вотъ описаніе положенія русскихъ православныхъ людей изъ прошенія къ польскому сейму въ 1623 г. отъ имени всѣхъ русскихъ западной Россіи: „Въ Бѣлоруссіи, въ Оршѣ и Могилевѣ, владыка полоцкій (уніатъ) Іосафатъ Кунцевичъ запечаталъ церкви и уже пять лѣтъ держитъ ихъ такъ. Въ Полоцкѣ и Витебскѣ мы не можемъ имѣть для богослуженія ни церкви, ни дома... Но, что всего хуже, что составляетъ варварство и звѣрство выше вѣроятія, въ томъ же Бѣлорусскомъ Полоцкѣ,—тотъ же отступникъ владыка полоцкій (Кунцевичъ), чтобы досадить тамошнимъ мѣщанамъ, приказалъ вырыть недавно похороненныя подлѣ церкви христіанскія тѣла умершихъ и бросить на съѣденіе собакамъ, какъ какую падаль"...

Жестокости еп. Кунцевича вывели изъ терпѣнія православныхъ, и онъ былъ убитъ въ Витебскѣ 12 ноября 1623 г.

Папа Урбанъ VIII, узнавъ объ убійствѣ Кунцевича, писалъ, между прочимъ, королю Сигизмунду III: «Да будетъ проклятъ тотъ, кто удержитъ мечъ свой отъ крови... Ты, державный король, не долженъ удержаться отъ меча и огня»...

Когда пала западно-русская аристократія, народное западно-русское дѣло перешло подъ защиту средняго сословія,—городского, мѣщанскаго, и еще больше, чѣмъ у аристократіи, сосредоточилось въ вопросѣ о вѣрѣ. Подлѣ ихъ городскихъ братствъ формировались вездѣ и примыкали къ нимъ братства сельскія... Мѣщане находили иногда опору въ остаткахъ высшаго своего сословія, неизмѣнившихъ еще своему народу. Какъ люди благороднаго (шляхетскаго) сословія, они имѣли право быть депутатами на сеймахъ. Одинъ изъ такихъ депутатовъ, Лаврентій Древинскій, обращаясь къ королю, говорилъ такъ: „Кто-жъ, о Боже живый, явственно не видитъ, сколь великія притѣсненія и несносныя огорченія сей древній россійскій народъ въ разсужденіи благочестія своего претерпѣваетъ... И такъ,—заключаетъ свою рѣчь Древинскій,—милосердія ради Божія, именемъ всея братіи нашея, прошу ваше королевское величество сжалиться въ обидѣ не нашей, но Божіей... Въ противномъ случаѣ (что да отвратитъ Богъ), если совершенное успокоеніе на сеймѣ и уврачеваніе столь тяжкихъ язвъ не послѣдуетъ, то принужденныхъ себя увидимъ съ пророкомъ возопить: «суди ми, Боже, и разсуди прю мою»...

Насиліемъ и хитростью іезуитовъ и базиліанъ (уніатовъ), которые всегда находили энергичную поддержку со стороны польскаго правительства, совращались въ унію жители Бѣлоруссіи. Но и сильная струя православія, то съуживаясь, то расширяясь, струилась, словно источникъ живой воды, по дебрямъ уніи.

На защиту православія, какъ я уже сказалъ, выступило сельское и особенно городское населеніе, и тутъ-то бѣлоруссъ—этотъ „хилый, забитый“ бѣлоруссъ, какъ привыкли представлять его себѣ мало знакомые съ нимъ,—выказалъ удивительную стойкость: грудью, а нерѣдко и головой, отстаивалъ онъ свою прародительскую вѣру, свой языкъ, свои нравы и обычаи. Это не слова только; можно привести массу доказательствъ, но достаточно указать на слѣдующія два:

Въ постановленіяхъ витебскаго сеймика, въ 1721 г., между прочимъ, сказано: „весьма много дизунитовъ (православныхъ), явныхъ и тайныхъ, въ нарушеніи права, въ городѣ (Витебскѣ) живутъ, производятъ торговлю, получаютъ съ города пользу и другихъ обращаютъ въ дизунію (православіе). Въ томъ же году витебскій воевода

такъ укорялъ витебскихъ мѣщанъ: „Вы,—говорилъ воевода,—въ явное презрѣніе св. уніи, прикрываясь однимъ лишь именемъ уніатовъ, ходите въ уніатскія церкви только для поруганія хвалы Божіей, тогда какъ въ годовые праздники и воскресные дни, для исповѣди и причастія, посѣщаете Марковъ благочестивый (т. е. православный) монастырь, гдѣ исполняете свои схизматицкіе обряды, и другихъ людей, истыхъ уніатовъ, привлекаете и подговариваете къ дизуніи, соблазняя этихъ надежныхъ и правыхъ уніатовъ своимъ примѣромъ“...

Въ актовыя ратушныя книги г. Полоцка занесенъ актъ о томъ, что, при выборѣ членовъ магистрата на 1726 г. одна сторона общества, православная, рекомендовала въ ратманы своихъ кандидатовъ, а другая, неправославная, своихъ. „Мы, магистратъ,—говорится въ этомъ документѣ,—дали знать обществу, что у насъ, съ римской стороны, мало католиковъ, а съ греческой—уніатовъ. Общество, утвердивъ это единогласно, просило насъ допустить русиновъ (т. е. православныхъ) къ должностямъ“. Такимъ образомъ, 145 лѣтъ послѣ появленія въ Полоцкѣ іезуитовъ и 130 л. послѣ провозглашенія уніи, въ этомъ городѣ, гдѣ была резиденція уніатскаго архіепископа, гдѣ были сосредоточены лучшія силы базиліанъ, гдѣ, наконецъ, прочно водворились іезуиты,—было „весьма мало католиковъ и уніатовъ“.

Въ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи было тоже; вездѣ бѣлоруссы, какъ говорится въ одномъ документѣ, „только фарбу уніи по себѣ показуютъ, свои же обряды старогреческіе заховуютъ (сохраняютъ), едностью съ Римомъ погоржаютъ“ (гнушаются)...

Борьба, и борьба болѣе или менѣе успѣшная, съ такими противниками какъ іезуиты, базиліане и масса всякихъ другихъ католическихъ орденовъ, едва ли свидѣтельствуетъ о слабости натуры бѣлорусса! И эта борьба велась несмотря на почти невозможныя условія: бѣлоруссъ постоянно переходилъ съ новоселья на пепелище; бѣлоруссъ, по бѣлорусской же пословицѣ, былъ «якъ горохъ при дорозѣ: хто идзеть, тотъ скубнеть»...

Въ чемъ же и гдѣ находило поддержку православіе и русская народность въ нашемъ краѣ?

Въ концѣ XVIII вѣка Польша, какъ политическій организмъ,

окончательно пала въ ту могилу, которую вырыла своими же собственными руками.

Прямое слѣдствіе политическихъ событій конца XVIII в. есть религіозное событіе 1839 года, т. е. религіозное возсоединеніе бѣлорусскихъ уніатовъ.

Всѣ эти возсоединенія, и политическія и религіозныя, составляли „дорогіе завѣты и стремленія русскаго народа и стоятъ въ большомъ ряду однородныхъ событій, выражаютъ одну и ту же мысль, одну и ту же тягу русскаго народа западной и восточной половинъ—составлять единое цѣлое и въ гражданской, и въ духовной жизни“.

Прослѣдимъ вкратцѣ эти взаимныя стремленія.

Начало XIV вѣка ознаменовалось въ нашемъ отечествѣ событіями великой важности, имѣвшими громадное вліяніе на всю послѣдующую государственную жизнь русскаго народа. Въ началѣ этого вѣка, Восточная Русь, раздробленная на удѣлы, начала группироваться и укрѣпляться подъ сѣнью Москвы. Первымъ „собрателемъ земли Русской“ былъ Іоаннъ Даниловичъ Калита (1328—1341), внукъ благовѣрнаго князя Александра Невскаго.

Въ то-же время и земли Западной Руси (главнымъ, кривскія княжества—Полоцкое, Витебское, Минское) мало-по-малу объединяются, при содѣйствіи литовскаго элемента. Истиннымъ основателемъ Русско-Литовскаго государства является Гедиминъ, современникъ Калиты; оба они скончались въ 1341 году.

Іоаннъ Даниловичъ уже именовалъ себя „княземъ великимъ всея Руси“, Гедиминъ принялъ титулъ „короля Литвы и Руси“.

Образовались, такимъ образомъ, два русскія государства—московское и литовское изъ одного и того-же народа, нераздѣленныя притомъ никакими рѣзкими физическими границами. Разумѣется, между ними, раньше или позже, непремѣнно должна была возникнуть борьба. Она и возникла и продолжалась въ теченіе 4 столѣтій.

Уже Дмитрій Донской хотѣлъ отнять у Литвы Полоцкъ, Витебскъ и Кіевъ, какъ свою отчину. Іоаннъ III говорилъ польскимъ посламъ: «Отчина королевская есть земля польская, а русская наша». Василій III заявилъ великому князю литовскому, что вся русская земля—его наслѣдіе, и что онъ желаетъ добыть Кіевъ, Смоленскъ, Полоцкъ и

другіе города: „Доколѣ конь мой будетъ ходить и мечъ рубить,—говаривалъ онъ,—не дамъ покоя Литвѣ“ Іоаннъ Грозный пошелъ далѣе своего отца и дѣда. Когда король польскій Сигизмундъ-Августъ предлагалъ Москвѣ вѣчный миръ, Грозный царь далъ такой отвѣтъ: «За королемъ наша отчина извѣчная: Кіевъ, Волынская земля, Полоцкъ, Витебскъ и многіе другіе города русскіе, такъ пригоже ли съ королемъ миръ заключать»? На требованіе польскихъ пословъ не воевать Ливоніи царь Іоаннъ Васильевичъ отвѣтилъ: „Вспомните, что и самая Литва есть отчина государей московскихъ“. За словомъ слѣдовало дѣло. 15 февраля 1563 г. царь овладѣлъ ключемъ Ливоніи и Литвы—Полоцкомъ. Грозный царь принялъ титулъ князя Полоцкаго.

Во время двух-недѣльной осады Полоцка Грозный царь имѣлъ мѣстопребываніе въ Спасо-Евфросиніевскомъ монастырѣ. Отмѣчу кстати, что въ это время въ Полоцкѣ было тринадцать монастырей.

Не прошло и ста лѣтъ со времени Грознаго царя, какъ другой русскій царь, «Тишайшій», вновь вырываетъ изъ рукъ поляковъ ту-же многострадальную Бѣлоруссію.

Овладѣвъ всею Бѣлоруссіею, царь Алексѣй Михайловичъ принялъ титулъ „государя всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи“.

Однимъ изъ первыхъ распоряженій Тишайшаго царя въ Бѣлоруссіи было: „костеламъ не быть, унеятамъ не быть, жидамъ не быть и житія никакого не имѣть“. Православные, разумѣется, возстановлены были во всѣхъ своихъ правахъ. Въ 1656 г., царь Алексѣй Михайловичъ, отправляясь въ походъ подъ Ригу, пробылъ въ Полоцкѣ 10 дней. Это пребываніе ознаменовалось торжественнымъ освященіемъ Софійскаго соборнаго храма, захваченнаго базиліанами; освященъ былъ также въ присутствіи самаго царя и древнѣйшій храмъ Преображенія Господня въ Спасо-Евфросиніевскомъ монастырѣ, долгое время, еще со временъ короля Стефана Баторія, находившійся въ рукахъ іезуитовъ.

Вотъ и подлинная запись въ современныхъ дворцовыхъ разрядахъ:

„Того-жъ мѣсяца іюля въ 8 д. изъ Полоцка ходилъ Государь (Алексѣй Михайловичъ) въ Спасскій монастырь, что бывалъ дѣвичей монастырь благовѣрной княжны Евфросиніи Полоцкой. Того жъ мѣ-

сяца іюля въ 9 день въ Спасскомъ монастырѣ было священіе церкви Преображеніе Спасово".

Петръ Великій энергически поддерживалъ православныхъ бѣлоруссовъ.

Въ концѣ XVIII вѣка Польша, какъ политическій организмъ, погибла, погибла не случайно, не вслѣдствіе какихъ-либо внѣшнихъ причинъ, а вполнѣ естественною смертью. Теперь для всѣхъ ясно, что не императрица Екатерина II, даже не Фридрихъ II прусскій погубили Польшу: она пала вслѣдствіе собственныхъ неурядицъ; недаромъ сами поляки говаривали: «Polska stoi nierzadem» (Польша держится неурядицей). Разумѣется, такіе устои крайне ненадежны, и Польша должна была пасть. Даже друзья Польши обвиняютъ теперь самихъ же поляковъ въ политической гибели ихъ отечества. Извѣстный французскій историкъ Альбертъ Сорель, коснувшись польской революціи 1793 года, говоритъ такъ: «Не трудно было подражать крайностямъ французской революціи, для этого стоило только отдаться влеченію своихъ страстей. Труднѣе было обнаружить такую энергію, какую проявили французы; для этого было необходимо имѣть то, чѣмъ обладали французскіе патріоты: національнымъ единствомъ, выработаннымъ вѣками монархическаго правленія, восторженнымъ чувствомъ своихъ правъ и величія родины, институтомъ государственности, преданностью идеѣ соціальнаго равенства, правами гражданской свободы. Всего этого не было въ Польшѣ: существенный элементъ плодотворныхъ революцій, національность, оставался безплоднымъ, потому что народъ не представлялъ сплоченнаго цѣлаго».

Еще рѣзче выражается другой французъ-историкъ:

„Исторія паденія Польши есть постыдная исторія преступленія шляхты, исторія, налагающая клеймо позора на тѣхъ, кто на всякомъ шагу попиралъ и сокрушалъ всякія права, терзалъ страну, волновалъ ее безпрестанными раздорами, разрывалъ жилы народа и какъ вампиръ высасывалъ его кровь, пока, наконецъ, обезсиленный организмъ не потерялъ возможности самостоятельнаго существованія"...

Польскій патріотъ того времени, Коллонтай, говоритъ: „Всеобщій безпорядокъ въ домахъ, злонравіе въ семействахъ, несправедливость

въ судахъ, безнравственность и невѣжество духовенства, негодность войска, неповиновеніе закону и властямъ—все это привело насъ къ тому презрѣнному и подлому состоянію, которое даетъ нашимъ сосѣдямъ противъ насъ смѣлость"...

Къ такой яркой картинѣ прибавлять нечего. Все это видѣла, все это знала Великая императрица. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гримму императрица пишетъ (въ январѣ 1779 г.): „Вамъ нечего хлопотать о гибели польскаго народа: онъ самъ объ этомъ старается"...*)

Въ другомъ письмѣ Императрица прибавляетъ: «Если этотъ народъ утратилъ даже свое имя, то мнѣ кажется, что онъ этого достоинъ... Онъ не хотѣлъ внимать никакимъ совѣтамъ и потерялъ всякое единодушіе до того, что между поляками нельзя найти двухъ людей, согласныхъ между собою. Продажные, испорченные, легкомысленные, вздорные, деспоты, прожектеры, предоставляющіе свои имѣнія въ управленіе жидамъ, которые сосутъ кровь ихъ подданныхъ и платятъ за то очень мало: вотъ вамъ живой портретъ поляковъ».

О вѣковѣчныхъ, безспорныхъ правахъ Россіи на Западный край Императрица Екатерина II имѣла опредѣленныя и непоколебимыя убѣжденія; она смотрѣла на него, какъ на коренное, древнѣйшее достояніе Россіи, и присоединеніе его къ Имперіи въ 72, 93 и 95 г.г. признавала возвращеніемъ и возстановленіемъ законнаго, историческаго права Русскаго государства.

По первому раздѣлу Польши, въ 1772 г., Россіи досталась самая неплодородная часть русской Польши, восточная Бѣлоруссія, именно, почти вся нынѣшняя Витебская губ. и часть Могилевской.

По второму раздѣлу, въ 1793 г., пріобрѣтена часть Бѣлоруссіи по Двинскъ, Минскъ и Пинскъ, и часть западной Малороссіи отъ Пинска до Каменецъ-Подольска, почти по прямой линіи, т. е. нынѣшняя губ. Минская, часть Виленской, восточная часть Волынской и Подольская.

Въ 1795 г. Польша подверглась третьему раздѣлу, и на этотъ

---

*) Нельзя при этомъ не вспомнить словъ папы Льва X; убѣждая в. кн. Василія Іоанновича примириться съ Литвою, папа говорилъ: „Литву не надобѣ оружьемъ воевати: время ее воюетъ"..

раздѣлена уже вся; Россія получила западную часть Бѣлоруссіи и восточную Литвы, а именно остальную часть Виленской губ., губернію Ковенскую и Гродненскую.

Императрица Екатерина II говорила, что ею присоединены къ Россіи: „земли, издревле Россіи принадлежавшія, грады, русскими князьями созданные, и народы общаго съ россіянами происхожденія и имъ единовѣрные... Ни одного вершка польской земли не получила я при раздѣлахъ Польши“.

Послѣ второго раздѣла Польши, Императрица Екатерина II повелѣла отчеканить медаль съ изображеніемъ карты отнятыхъ областей и съ надписью вокругъ нея: «Отторженная возвратихъ».

Эта надпись вполнѣ справедлива, такъ какъ въ отнятыхъ у Польши областяхъ, дѣйствительно, не было ни одной мѣстности, которая не принадлежала бы нѣкогда Россіи... „Жизнь въ этихъ областяхъ возстановлялась съ такою быстротой и силой, что не могло возникать никакого сомнѣнія въ прочности сліянія съ остальною Россіей этихъ, нѣкогда отторгнутыхъ и теперь возвращенныхъ областей“.

Отрекаясь отъ престола, король Станиславъ-Августъ писалъ Императрицѣ Екатеринѣ II: „примите остальныхъ поляковъ въ число своихъ подданныхъ, которыхъ вы счастливите и осчастливьте три милліона людей, которымъ я желалъ, но не могъ доставить счастья“.

И это не фраза. Извѣстный польскій патріотъ Нѣмцевичъ (сподвижникъ Костюшки*) пишетъ въ своихъ „Запискахъ“: „Я долженъ съ грустью сознаться, что Бѣлоруссія сильно выиграла въ матеріальномъ отношеніи со времени раздѣла Польши“...

Тотчасъ по присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи началось движеніе уніатовъ къ возсоединенію съ православною церковью. Императрица отлично понимала всю важность начавшагося движенія. Въ одномъ изъ своихъ указовъ Императрица говоритъ: „Расторгнувъ узы принужденія, угнетавшаго свободу исповѣданія прародительской вѣры, мы съ удо-

*) Кстати, о польскомъ героѣ Костюшкѣ. Костюшко былъ родомъ бѣлоруссъ; онъ родился въ селѣ Сехновичи, Кобринскаго уѣз., Гродненской губ., и крещенъ въ мѣстной церкви по греко-уніатскому обряду. Родители его, мелко-помѣстные шляхтичи, были также уніаты, а дѣдъ—православный. Дядя героя, Павелъ Костюшко, былъ городскимъ писаремъ Брестскаго воеводства и не только придерживался русскаго обряда, но и отличался преданностію православію: въ 1727 году онъ обновилъ церковь св. Николая въ Брестъ-Литовскѣ.

вольствіемъ видимъ, что обитатели возвращенныхъ отъ Польши областей, исполненные усердія къ благочестію, возвращаются радостно въ объятія православной восточной церкви»...

Въ то время во главѣ уніатскаго духовенства стоялъ достойный пастырь, еще и доселѣ неоцѣненный вполнѣ, Ираклій Лисовскій, бѣлоруссъ по происхожденію; во главѣ же православной паствы бѣлорусской стоялъ знаменитый Георгій Конисскій.

Начатое Екатериной Великой довершено Императоромъ Николаемъ I-мъ: 25 марта 1839 г. совершилось возсоединеніе западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковію.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что государи русскіе, начиная съ великаго князя Дмитрія Донского и кончая Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, съ живѣйшимъ сочувствіемъ обращали взоры свои на Бѣлоруссію и внимательно слѣдили за всѣмъ, что тамъ происходило.

Народное и религіозное единство давало всегда русскому правительству твердую опору для дѣйствій.

Теперь посмотримъ, какъ же Бѣлая Русь относилась къ Руси Великой. Здѣсь, на Бѣлой Руси, у великихъ князей и царей московскихъ было всегда много искренних друзей; здѣсь никогда не исчезала мысль о родствѣ съ православною Великою Русью. Еще при великомъ князѣ Витовтѣ въ русско-литовскомъ государствѣ замѣчалось явное тяготѣніе къ Руси Великой; а съ тѣхъ поръ, какъ въ русско-литовскомъ государствѣ началось стѣсненіе русской народности и православной вѣры, взаимное тяготѣніе еще усилилось. Іезуитъ Поссевинъ, современникъ царя Грознаго и короля Баторія, близко знакомый съ положеніемъ дѣлъ, говоритъ: „Въ Руси, Волыни, Литвѣ, въ присоединенныхъ къ Коронѣ Польской областяхъ, жители, хотя и состоятъ подданными католиковъ, упорно привержены къ греческой схизмѣ (т. е. православію). Сенатъ и прежде всего король (Баторій) желаетъ, чтобы они сдѣлались католиками; жители уличены въ тяготѣніи, вслѣдствіе схизмы, къ московитамъ: они публично молятся о дарованіи московитамъ побѣды надъ поляками“.

Унія не могла вдругъ измѣнить эти братскія чувства. Въ приведенномъ выше протестѣ 1619 г. противъ введенія уніи, многіе князья, дворяне и обыватели в. кн. литовскаго прямо называютъ себя „народомъ россійскимъ, религіи старожитной греческой“...

Въ 1654 г., какъ извѣстно, благодаря Богдану Хмѣльницкому, «все войско запорожское съ городами и съ землями царь Алексѣй Михайловичъ принялъ подъ свою высокую руку».

Въ Бѣлоруссіи къ дѣлу казаковъ относились весьма сочувственно. Во всѣхъ бѣлорусскихъ городахъ православные толковали: „Когда у поляковъ съ черкасами будутъ бои, и станутъ поляки черкасъ осиливать, то мы, всякихъ чиновъ люди, поднимемся на поляковъ и станемъ Польшу и Литву воевать, для того: если поляки черкасъ осилятъ, то и насъ всѣхъ православныхъ христіанъ выгубятъ, и намъ поневолѣ противъ поляковъ стоять и биться, пока нашей мочи будетъ“. Хмѣльницкій, съ своей стороны, говорилъ московскимъ посламъ: «Только-де царское величество изволитъ принять подъ свою высокую руку запорожцевъ и послать своихъ ратныхъ людей, и бѣлорусскіе люди, что за Литвою живутъ, тотчасъ учнутъ съ ляхи биться».

И дѣйствительно, при вступленіи войскъ царя Алексѣя Михайловича въ Бѣлоруссію, населеніе встрѣчало ихъ, какъ давно желанныхъ освободителей отъ польско-католическаго ига. Въ современныхъ польскихъ реляціяхъ говорится: „здѣшніе (бѣлорусскіе) города угрожаютъ явно возмущеніемъ, а другіе наперерывъ сдаются на имя царское“... „Мужики (бѣлоруссы)—говорится въ другой реляціи,—молятъ Бога, чтобы пришли московиты“...

То же мы видимъ и сто лѣтъ спустя.

Лучшимъ выразителемъ чувствъ, воодушевлявшихъ бѣлоруссовъ во время присоединенія Бѣлоруссіи къ Россіи въ 1772 году, является вышеупомянутый Георгій Конисскій. „Тяжкія узы расторгнуты повелѣніемъ твоимъ,—говоритъ достойный архипастырь Великой Императрицѣ,—нынѣ настали намъ времена прохладныя: укротились свирѣпѣвшіе... Мы и восторгъ приходимъ, и недоумѣваемъ, сонъ-ли се сладкій намъ, или истинное событіе“...

Сочувствіе и стремленіе къ единенію видны и въ неоднократныхъ попыткахъ западно-русскихъ людей къ избранію на престолъ литовско-польскій государей русскихъ; такъ было при Василіи III, Іоаннѣ IV, его сынѣ Ѳеодорѣ и при Алексѣѣ Михайловичѣ. Избраніе на польскій престолъ Алексѣя Михайловича считалось дѣломъ до того безспорнымъ, что во время пребыванія царя въ Полоцкѣ умный ар-

химандритъ Богоявленскаго монастыря Игнатій Іевлевичъ уже обращался въ своей рѣчи къ нему, какъ къ «нареченному королю польскому, великому князю литовскому».

Сказаннаго, полагаю, достаточно, чтобы видѣть безпрерывное взаимное тяготѣніе Руси Бѣлой и Великой, какъ въ политическомъ, такъ и религіозномъ отношеніяхъ. И тѣ и другія отношенія одинаково важны...

Судьба нашего отечества, какъ я уже сказалъ, тѣсно связана съ судьбой нашей церкви. Охлажденіе въ началахъ православной церкви влечетъ за собою и охлажденіе къ началамъ русской народной жизни. Таковъ взглядъ и самого русскаго народа, у котораго самое слово «православные» замѣнило слово «соотечественники». „Русскій народъ,—говоритъ Достоевскій,—весь въ православіи и идеѣ его... Кто не понимаетъ православія, тотъ никогда и ничего не пойметъ въ народѣ“...

Поляки и ополяченные бѣлоруссы-католики особенно подчеркиваютъ культурное вліяніе Польши на Бѣлоруссію за время польскаго владычества, и это обстоятельство даетъ имъ поводъ претендовать на руководящую здѣсь роль.

Лучшимъ показателемъ степени культурности страны служитъ положеніе въ ней дѣла народнаго образованія.

Что же сдѣлано поляками для народнаго образованія въ Бѣлоруссіи? Въ какомъ положеніи находилось это дѣло въ нашемъ краѣ къ концу здѣсь польскаго владычества?

Вслѣдъ за присоединеніемъ Бѣлоруссіи къ Россіи, полоцкое намѣстническое правленіе затребовало свѣдѣнія: „нѣтъ ли въ которыхъ городахъ и мѣстечкахъ городскихъ школъ, и чему въ оныхъ учатъ какого рода люди, и сколько учениковъ“.

Отвѣты получились крайне любопытные, и я позволю себѣ привести ихъ въ подлинникахъ:*)

1) «Касательно до г. Дриссы, то въ ономъ школъ никакихъ не состоитъ»;

*) Сборникъ Матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, т. 1.

2) «въ г. Себежѣ и уѣздѣ школъ никакихъ не имѣется»;

3) «школъ и учениковъ въ г. Рѣжицахъ и въ уѣздѣ никакихъ нѣтъ»;

4) «въ г. Люцинѣ при плебаніи и ни подъ какою дирекціею школъ не имѣется; въ Люцинскомъ уѣздѣ школъ тоже не оказалось»;

5) въ г. Суражѣ «школы никакой и учащихся не имѣется»;

6) въ г. Невелѣ «школъ никакихъ нѣту, обучаются только обывательскія дѣти въ своихъ домахъ азбукѣ»;

7) въ г. Велижѣ также «не было никакой школы»;

8) въ Витебскѣ «въ приходѣ Ильинской церкви находилась школа, построенная дьячкомъ Запольскимъ, въ которой разнаго званія малолѣтнихъ школьниковъ 16, обучаются только одной азбукѣ»;

9) Наконецъ, въ Полоцкѣ существовала «школа партикулярная въ полоцкомъ Богоявленскомъ монастырѣ, гдѣ на русскомъ и польскомъ діалектахъ учатъ мѣщанскихъ дѣтей».

„А для женскаго полу, говорится въ томъ же документѣ, никакой нѣтъ науки, кромѣ только полоцкаго монастыря дѣвицъ Маріевитокъ, при которомъ школьницъ шляхетскаго и мѣщанскаго роду находится до 10 душъ, на польскомъ діалектѣ обучающихся“. .

Такимъ образомъ, для образованія дѣтей купцовъ и мѣщанъ не было сдѣлано ровно ничего; объ образованіи крестьянскихъ дѣтей не можетъ быть и рѣчи.

Вотъ результатъ двух-вѣковой просвѣтительной дѣятельности культурныхъ поляковъ въ нашемъ краѣ.

Были, правда іезуитскія школы въ Полоцкѣ, Витебскѣ и Двинскѣ*); но, во-первыхъ, школъ этихъ, какъ и учащихся въ нихъ, было очень мало; а во вторыхъ, въ школахъ этихъ получали образованіе только дѣти шляхты. Кромѣ того, справедливость требуетъ ска-

---

*) Въ томъ же документѣ говорится:

„въ Полоцкѣ у кс. іезуитовъ находятся школьники изъ дворянства здѣшней губерніи, отъ своихъ домовъ пріѣзжающіе, и заграничные; но въ другихъ мѣстахъ таковыхъ же школъ нѣтъ, кромѣ Забяльскаго монастыря кс. доминикановъ, хотя при маломъ школьниковъ собраніи“;

„въ Витебскѣ при іезуитскомъ кляшторѣ имѣется школа для обученія малолѣтнихъ шляхетскихъ дѣтей; равно и въ піярскомъ кляшторѣ тоже школа имѣется“;

въ г. Дюнебургѣ, при іезуитскомъ кляшторѣ была „школа, въ которой обучалось шляхтичей 30, мѣщанъ 2, а всего 32 челов.“.

зать, что іезуитскія школы существованіемъ своимъ въ то время обязаны русскому правительству.

Въ 1773 г. папа Климентъ XV обнародовалъ буллу объ уничтоженіи іезуитскаго ордена. Императрица Екатерина II даровала имъ убѣжище въ Бѣлоруссіи, въ надеждѣ, что оставшіеся отъ всеобщаго уничтоженія іезуиты, отказавшись отъ всѣхъ дѣйствій, противныхъ гражданскому порядку, бывшихъ причиною уничтоженія ихъ общества, посвятятъ себя воспитанію въ Бѣлоруссіи римско-католическаго юношества... Имъ предоставлены были въ Бѣлоруссіи недвижимыя имѣнія. Но Императрица торжественно объявила, что „покровительство это продолжится только до тѣхъ поръ, пока іезуиты не преступятъ за границы начертаннаго имъ долга".

Послѣдняя оговорка была весьма умѣстна: политическія и общественныя дѣла до того поглощали всю дѣятельность католическаго духовенства, что оно, по выраженію одного польскаго же писателя, „обратило религію въ прислужницу политикѣ".

Великая Императрица знала все это и терпѣла этихъ просвѣтителей только какъ временное зло*). А что училища эти, какъ оказалось впослѣдствіи, приносили много зла русскому дѣлу въ краѣ, доказать нетрудно: по выраженію извѣстнаго Сенковскаго (ревизовавшаго, по порученію петербургскаго университета, эти школы въ 1825 г.) „въ нихъ явно развивался духъ полонизма**)... Сознаются въ этомъ и сами поляки. „Неоспоримо, говоритъ одинъ изъ польскихъ писателей, что католицизмъ, а вмѣстѣ съ нимъ и полонизмъ не пали бы такъ быстро въ Бѣлоруссіи, если бы іезуиты могли долѣе сѣять здоровое зерно правды католической и неразлучнаго съ нею полонизма"...

Вредъ этотъ не искупался серьезностью занятій въ этихъ школахъ. Внѣшняя, показная сторона, въ нихъ была часто блестяща;

---

*) Въ наказѣ, данномъ губернаторамъ въ Бѣлоруссіи предлагается: „Вы за ними (іезуитами) наипаче недреманно смотрѣть имѣете, яко за коварнѣйшимъ изъ всѣхъ католическихъ орденовъ"... Въ письмахъ своихъ къ Гримму Императрица называетъ іезуитовъ „ces coquins, ces gueux, ces pecores, ces maroufles de la Russie Blanche"..

**) Это—плоды дѣятельности попечителя Виленскаго учебнаго округа (учрежд. въ 1804 г.) гр. Адама Чарторыскаго.

что же касается внутренней, несравненно болѣе важной стороны, то учебно-ученая жизнь здѣсь была далеко неудовлетворительна. Преподавателями въ этимъ школахъ были духовныя лица, часто безъ всякой къ тому серьезной подготовки; преподавали они съ своей особенной точки зрѣнія; напр., профессорамъ всеобщей исторіи вмѣнено было въ обязанность выставлять на видъ, какъ много содѣйствовали римскіе папы общему благу Европы, развитію искусствъ и наукъ; они должны были доказывать, что Іоаннъ Гуссъ осужденъ на костеръ не Констанцкимъ соборомъ, а свѣтскою властью; имъ предлагалось опровергать ошибочныя, будто-бы, сказанія относительно Галилея, инквизиціи, Варѳоломеевской ночи и т. п. событій, въ которыхъ католическое духовенство играло далеко некрасивую роль.

Нечего и добавлять, что національность польская поддерживалась сильно; при всякомъ случаѣ умѣли возвеличить прелесть края польскаго, образованность поляковъ, ихъ великую заслугу въ успѣхахъ наукъ и литературы; прославляли мужество, непобѣдимость польскихъ воиновъ, добродѣтели поляковъ, ихъ врожденное дарованіе ко всему и т. п. Оттого юноши бѣлорусскіе обожали Польшу и въ равной степени не любили Россіи. Исторія послѣдней оставалась для учениковъ неизвѣстной или искаженной.

Всѣ предметы въ школахъ преподавались, конечно, на польскомъ языкѣ.

Стоявшая во главѣ этихъ училищъ полоцкая іезуитская коллегія, а затѣмъ (съ 1812 г.) и академія, служила предметомъ насмѣшекъ для самихъ же поляковъ: академія эта считалась „гнѣздомъ обскурантизма“ и была извѣстна подъ названіемъ „Сморгоньской академіи“*)...

Здѣсь мы сдѣлаемъ маленькое отступленіе и слегка коснемся нашихъ современныхъ отношеній къ полякамъ.

Мы, православные бѣлоруссы, не враги поляковъ, мы ратуемъ только противъ польскихъ,—на нашъ взглядъ, неправильныхъ,—притязаній на нашъ край.

*) Сморгонь—м. въ Ошмянскомъ у., Виленской губ., славилось искусствомъ жителей обучать медвѣдей.

Еще славянофилы признавали (признаемъ и мы теперь) за поляками широкія права въ Польшѣ; но въ какой Польшѣ? Въ этнографической, исключительно въ этнографической, но отнюдь не въ исторической, не въ границахъ до 1772 г.

Поляки—наши братья (признаютъ они это или не признаютъ, хотимъ мы этого или не хотимъ, но это же фактъ). И мы глубоко убѣждены, что наступитъ то время, то желанное свѣтлое будущее, когда мы съ поляками, путемъ взаимнаго уваженія, путемъ взаимныхъ справедливыхъ уступокъ, придемъ къ благопріятному рѣшенію нашего вѣкового «домашняго» спора. Надо только ближе узнать другъ друга.

Не могу не привести слѣдующихъ строкъ изъ «Записокъ» кн. Адама Чарторыскаго:*)

«Мало-по-малу мы (поляки) убѣдились, что эти русскіе, которыхъ мы инстинктивно ненавидѣли и признавали, безъ различія, существами злыми и кровожадными, отъ которыхъ мы отстранялись, и самая встрѣча съ которыми возбуждала отвращеніе,—такіе же люди, какъ и мы... и что можно питать къ нимъ и дружбу, и признательность»...

А. Сапуновъ.

---

*) Memoires du prince Adam Czartoryski.

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка сверху.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
7	32	въ Малороссіи	съ Малороссіей
8	23	внутри	внутрь
„	34	архитактуры	архитектуры
12	28	деталій	деталей
14	14	полуэлклипсисомъ	полуэллипсисомъ
15	36	Сергія 7 Пол. Еп. Вѣд. за 1886 г.	Сергія. Пол. Еп. Вѣд. за 1887 г
17	6	оригальности	оригинальности
20	3	изрѣздка	изрѣдка
„	34	преобразы	прообразы
23	25	амвонъ	амвоны
26	24	!!!Интересны	Интересны
34	34	въ союзъ, невѣжествомъ	въ союзъ съ невѣжествомъ
43	4	еще достигшихъ	еще не достигшихъ
„	29	XXII—XXII	XXII—XXIII
57	26	свѣдующихъ	свѣдущихъ
60	15	„распятте“	„распяттѣ“
„	32	собственнаго	собственно
63	25	опроверженія	опроверженіе
64	9	ходчества	зодчества

Памятники церковной старины Полоцко-Витебскаго края и ихъ охраненіе.

Историческія обстоятельства нашего края не благопріятствовали ни выработкѣ самобытныхъ художественныхъ формъ въ архитектурѣ и въ обстановкѣ религіознаго, семейнаго и общественнаго быта, ни собиранію книжныхъ сокровищъ и широкому развитію письменности, ни, тѣмъ болѣе, сохраненію всѣхъ этихъ культурныхъ богатствъ. Безпрерывная ожесточенная борьба племенная и религіозная; вѣковой гнетъ религіозный, культурный, племенной, классовой, соціальный и экономическій, тяготѣвшій и тяготѣющій надъ бѣлоруссомъ; междоусобія князей Руси и Литвы, возстанія, почти безпрерывныя войны, въ которыхъ право на власть въ краѣ оспаривали другъ у друга Полоцкое княжество, Литва, Ливонскій орденъ, Москва и Польша, войны, завершеніемъ которыхъ было сто лѣтъ назадъ нашествіе Наполеона и съ нимъ дванадесяти языкъ—вотъ вкратцѣ исторія нашего края.—Понятно, какъ въ этой постоянной борьбѣ гибли зачатки своеобразной культуры и ея выраженія въ литературѣ и искусствѣ, когда то, что уцѣлѣвало отъ огня и разрушенія въ періодъ войнъ, частью разграблялось и увозилось изъ края побѣдителемъ, частью истреблялось и передѣлывалось имъ, какъ носившее въ его глазахъ явные слѣды вражеской культуры и религіи.—Не удивительно, поэтому, что мы имѣемъ немного памятниковъ старины по сравненію съ краями, на долю которыхъ выпала мирная жизнь въ теченіи долгихъ годовъ.

Тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ должно быть то немногое, что пе-

режило стихійную и сознательную ломку и говоритъ намъ о минувшемъ нашего края. Тѣмъ больше побужденій къ собиранію, описанію и охраненію памятниковъ мѣстной старины, представляющей громадный интересъ и цѣнность, какъ матеріалъ и для историка, археолога, и для художника.

Нашъ Полоцко-Витебскій край не можетъ пожаловаться на недостатокъ въ отдѣльныхъ лицахъ, внесшихъ свою долю въ дѣло собиранія и описанія памятниковъ мѣстной старины. Достаточно упомянуть имена А. П. Сапунова, капитальные труды котораго по изученію Витебской старины извѣстны, конечно, каждому изъ присутствующихъ, Е. Р. Романова, помимо трудовъ въ области родного бѣлорусскаго слова и другихъ разнообразныхъ работъ немало потрудившагося въ дѣлѣ раскопокъ, и вмѣстѣ съ А. П. Сапуновымъ положившаго начало Витебскому церковно-археологическому музею, покойнаго Н. Я. Никифоровскаго, о трудахъ котораго не такъ давно Вы слышали докладъ, Д. И. Довгялло, немало потрудившагося на пользу упомянутаго музея и въ дѣлѣ изученія родной старины и, наконецъ, покойныхъ незабвенныхъ коллекціонеровъ К. К. Бергнера, частью богатыхъ коллекцій котораго обогатился нашъ Витебскій церковно-археологическій музей, а библіотекой Витебская мужская гимназія, и В. П. Федоровича, богатыя коллекціи котораго многимъ изъ Васъ извѣстны,—достаточно вспомнить эти имена, чтобы сказать, что нашъ край не бѣденъ любителями родной старины и частными усиліями собирать, охранять, описывать ее и развивать въ другихъ любовь къ родной старинѣ и ея охраненію.

Объединить эти силы и частныя попытки, привлечь къ этому дѣлу вниманіе и содѣйствіе духовныхъ и гражданскихъ властей—и поставила себѣ задачей Витебская Ученая Архивная Комиссія, съ любезнаго согласія которой выступилъ предъ Вами сегодняшній докладчикъ.

Освѣжить въ памяти почтенныхъ членовъ Архивной Комиссіи ту часть мѣстнаго археологическаго матеріала, которая относится къ церковной старинѣ, коснуться печальной исторіи нашихъ церковныхъ памятниковъ въ связи съ общими культурными условіями и особенными мѣстными обстоятельствами и, наконецъ, поставить на

обсужденіе Комиссіи тѣ мѣры, какія могутъ быть ей доступны въ дорогомъ для насъ дѣлѣ—такова цѣль нашего доклада, не претендующаго ни на полноту, ни, тѣмъ болѣе, на спеціальность.

Обращаясь къ обозрѣнію архитектурныхъ церковныхъ памятниковъ нашего края, мы должны сказать, что отъ древнѣйшихъ временъ въ предѣлахъ нашей епархіи уцѣлѣло всего лишь два храма. Первый изъ нихъ по древности это—Витебская Благовѣщенская церковь „на нижнемъ замкѣ,“ которая въ старомъ Витебскѣ имѣла тоже значеніе, что въ Полоцкѣ и Новгородѣ Софіи, во Псковѣ „домъ Святыя Троицы“.—Витеблянинъ тѣхъ вѣковъ, уходя на чужбину и возвращаясь домой, „билъ чоломъ святому Благовѣщенію“.

По заключенію покойнаго археолога А. М. Павлинова,—интересующихся подробностями мы отсылаемъ къ его статьѣ, помѣщенной въ 1-мъ томѣ трудовъ девятаго Археологическаго Съѣзда въ Вильнѣ, Благовѣщенская церковь по ея кладкѣ и стилю относится къ XI-му а, быть можетъ, и къ X-му вѣку. Кладка ея византійскаго характера, тождественна съ кладкой Кіевской и Новгородской Софіи и Черниговскаго собора (XI вѣка), и, „состоитъ изъ тонкаго кирпича толщиною въ $^5/_8$ вершка и длиною въ $^7/_8$ вершка. Кирпичъ по большей части продолговатый, но есть и квадратный; швъ раствора по толщинѣ иногда равенъ кирпичу, но бываетъ и толще. За двумя рядами кирпича идетъ тесаный камень, толщиною равный четыремъ рядамъ кирпича со швами, затѣмъ опять кирпичъ и т. д.; иногда вмѣсто двухъ рядовъ кирпича встрѣчается три“ [1]).

Въ верхнихъ частяхъ кладка частью позднѣйшая. Къ позднѣйшему же времени (XIV вѣку) относятся и своды. Глава храма деревянная, устроена сравнительно недавно; снизу закрыта. Несомнѣнно, въ старину храмъ имѣлъ каменную главу, расположенную надъ иконостасомъ. Передняя часть храма по изслѣдованію Павлинова оказалась позднѣйшей пристройкой. Храмъ въ древней его части представляетъ собою продолговатый прямоугольникъ, подраздѣленный шестью четыреугольными столбами. Между западными столбами, опираясь на нихъ, и западной стѣной каменные хоры, отъ которыхъ

[1]) А. К. Павлиновъ, l. c. стр. 4.

уцѣлѣли боковыя части. Алтарь троечастный. „Средняя его часть изнутри и снаружи въ видѣ полукруга, а боковыя скрыты въ толщѣ стѣны въ видѣ полукруглыхъ нишъ, а снаружи полукруговъ не имѣютъ и образуютъ прямые углы съ лопатками“ [1]). Наружная штукатурка позднѣйшая; въ древности храмъ несомнѣнно, по византійскому образцу, былъ неоштукатуренъ и представлялся снаружи „разукрашеннымъ по полю изъ тесанаго камня полосами краснаго кирпича“ [2]). Первоначальное покрытіе храма, вѣроятно, было поарочное. Восьмискатное покрытіе, какъ это изображено, или, лучше сказать, повидимому имѣлось въ виду изобразить на планѣ г. Витебска 1664 года представляется маловѣроятнымъ, такъ какъ при такомъ покрытіи фасады со всѣхъ сторонъ имѣютъ трехчастное дѣленіе, между тѣмъ какъ въ нашемъ храмѣ южный и сѣверный фасады четырехчастные. Притомъ же этотъ типъ покрытія наблюдается у насъ только съ конца XIII вѣка [3]).

Второй памятникъ глубокой старины—это церковь Спаса Преображенія въ Полоцкомъ Спасо-Евфросиніевскомъ монастырѣ, построенная въ XII вѣкѣ основательницей монастыря, преподобною Евфросиніею, какъ объ этомъ говоритъ ея древнее житіе. Церковь эта также была обслѣдована акад. А. М. Павлиновымъ и оказалась имѣющею однородную кладку изъ тонкаго кирпича, „похожаго на кирпичъ Св. Софіи (въ Полоцкѣ—часть стѣны, вошедшей въ новый храмъ XVII в.), Борисоглѣбской (въ Полоцкѣ—развалины), Благовѣщенской въ Витебскѣ и другихъ церквей того времени [4])“ безъ примѣси матеріала другого рода—булыжника или тесанаго камня. Такимъ образомъ, „церковь эта въ своемъ первоначальномъ видѣ была одноцвѣтная и тѣмъ самымъ сильно отличалась отъ другихъ древнихъ церквей, имѣвшихъ кладку разнородную и потому полосатый фасадъ [5])“. „Однородность кладки, замѣчаетъ А. М. Павлиновъ, въ церквахъ XII вѣка—явленіе весьма рѣдкое“. [6]) Близь основанія и особенно въ

[1]) Ibid. стр. 4.

[2]) Ibid. стр. 5.

[3]) В. В. Сусловъ. Матеріалы къ исторіи древней Новгородско-Псковской архитектуры, стр. 10.

[4]) А. М. Павлиновъ. l. c. стр. 15.

[5]) Ibid. стр. 16.

[6]) Ibid. стр. 16.

верхнихъ частяхъ слѣды позднѣйшихъ исправленій болѣе крупнымъ кирпичомъ.

„Планъ Спасской церкви въ Евфросиніевскомъ монастырѣ", пишетъ А. М. Павлиновъ, „весьма много имѣетъ общаго съ планомъ Благовѣщенской церкви въ Витебскѣ. Онъ тоже продолговатый; восточный фасадъ имѣетъ одинъ полукруглый выступъ средняго алтарнаго полукружія, боковыя же заключены въ прямыя стѣнки и такимъ образомъ замаскированы фасадомъ главной массы церкви... Внутри онъ имѣетъ тоже три столба съ каждой стороны„ [1]); прибавимъ отъ себя, что, въ отличіе отъ Благовѣщенской церкви, столбы здѣсь расположены не на равномъ разстояніи другъ отъ друга и восточной и западной стѣнъ и т. о. церковь по длинѣ разбита столбами не на равныя части, а части западная и особенно средняя подъ куполомъ шире. Столбы, исключая двухъ восточныхъ, въ нижней своей части имѣютъ осмигранную форму, сближающую ихъ съ круглыми столбами въ церквахъ Новгородско-Псковской области (встрѣчаются начиная съ XIII вѣка [2]). На западные столбы опираются хоры съ двумя кельями по сторонамъ (правая изъ нихъ—келья преп. Евфросиніи). Первоначальное покрытіе храма было поарочное (посводное).

Вотъ въ краткихъ чертахъ то, что отмѣчено обслѣдованіемъ А. М. Павлинова. Въ концѣ концовъ оба эти храма должны быть признаны построенными по типу византійскихъ церквей X—XII вѣковъ, а своею упомянутою особенностью въ устройствѣ боковыхъ дѣленій алтаря сближаются съ церквами Новгородско-Псковскаго края, но только тамъ эта особенность появляется позднѣе, съ XIII вѣка [3]). Итакъ, существенное объ этихъ храмахъ мы теперь знаемъ благодаря обслѣдованіямъ А. М. Павлинова.

Остались однако необслѣдованными кое-какіе вопросы, а именно о первоначальной формѣ, величинѣ и распредѣленіи оконъ (вѣдь теперешнія окна позднѣйшія),—о древней стѣнописи, которая можетъ статься уцѣлѣла подъ верхними слоями краски и штукатурки (по крайней мѣрѣ относительно стѣнописи Спасской церкви мы имѣемъ

---

[1]) А. М. Павлиновъ. l. c. стр. 11.

[2]) В. В. Сусловъ. l. c. стр. 11.

[3]) В. В. Сусловъ. l. c. стр. 12—13.

свѣдѣнія отъ 1832 года, когда храмъ былъ переданъ „въ вѣдомство греко-россійскаго духовенства"), о уровнѣ первоначальнаго пола (поясню это примѣромъ: въ Новгородской Софіи при реставраціи было обнаружено, что уровень первоначальнаго пола на сажень ниже нынѣшняго; приблизительно, какъ это установлено недавно, такова же разница между древнимъ и современнымъ поломъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ).

Говорить о важности обслѣдованія такихъ вопросовъ много не приходится. Если бы удалось открыть стѣнопись въ названныхъ храмахъ, то какое громадное археологическое и художественное значеніе имѣла бы эта находка! Относительно важности установленія уровня первоначальнаго пола, я позволю себѣ напомнить Вамъ, что при этомъ могутъ быть получены такія цѣнныя находки, какъ, напримѣръ, древнія погребенія, гробницы, можетъ быть, съ надписями. Особенно это интересно относительно Полоцкаго Спасскаго храма. Вѣдь, какъ извѣстно, до поселенія преп. Евфросиніи въ сельцѣ Св. Спаса, это послѣднее служило мѣстомъ погребенія Полоцкихъ епископовъ. Очевидно, могилы ихъ находились при прежней церкви, а можетъ быть, и даже вѣроятнѣе, въ самой церкви. Весьма возможно, что преп. Евфросинія строила храмъ не только на старомъ мѣстѣ, но и *на старомъ основаніи* (какъ это извѣстно относительно нѣкоторыхъ храмовъ Новгородско-Псковскаго края) [1]). Скрытыя теперь подъ землей части храма могутъ оказаться болѣе древними и содержащими могилы первыхъ полоцкихъ епископовъ!

Завершеніе обслѣдованія Витебскаго и Полоцкаго храмовъ, разумѣется, должно составить первый шагъ въ заботахъ любителей старины. Второй шагъ это реставрація храмовъ.

Если въ отношеніи Витебской Благовѣщенской церкви, за отсутствіемъ мѣстныхъ средствъ, приходится ожидать помощи Императорскаго Археологическаго Общества и другихъ аналогичныхъ учрежденій, а также пособій отъ казны, то осуществленіе нашихъ пожеланій въ отношеніи Полоцкаго храма составляетъ священную обязанность обители, съ перенесеніемъ мощей преподобной Евфросиніи получившей обильный потокъ пожертвованій и денежныхъ поступленій.

[1]) См. приведенную выше статью В. В. Суслова.

Хорошо бы сдѣлала обитель, если бы вмѣсто дорогихъ и, какъ это часто бываетъ въ нашемъ церковномъ благолѣпіи, безвкусныхъ украшеній задалась бы цѣлью при помощи спеціалистовъ обслѣдовать и реставрировать свою святыню, приблизить въ возможной мѣрѣ ея наружный и внутренній видъ къ тому, какой она имѣла при жизни преподобной!

...... Послѣ этихъ двухъ храмовъ, близкихъ къ началу христіанства въ краѣ, наши данныя относительно церковной архитектуры края обрываются, и мы должны перейти прямо къ 17 вѣку.

Причины такого перерыва коренятся, во первыхъ, въ тѣхъ разгромахъ, которымъ подвергался край и среди которыхъ лишь какимъ то чудомъ уцѣлѣли упомянутые два памятника, а, во вторыхъ, въ томъ, что архитектура нашего края вообще была по преимуществу деревянная. Вспомните, напр., что стѣны и башни стараго Витебска въ значительной своей части были деревянныя.

Если упомянутые древнѣйшіе памятники церковной архитектуры нашего края имѣютъ явный характеръ византійскаго зодчества и, кромѣ того, нѣкоторые общіе признаки съ памятниками Новгородско-Псковскаго края, то немногіе уцѣлѣвшіе или лучше сказать еще недавно существовавшіе памятники деревянной архитектуры XVII столѣтія и по своимъ основнымъ формамъ, и по деталямъ сближаютъ нашъ край съ Малороссіей и даже Галиціей съ одной стороны, и Донской областью—съ другой. Причина такой общности въ архитектурѣ ясна: общность политической, культурной и особенно религіозной жизни. Одна и таже митрополія Кіевская. И тутъ, и тамъ, хотя и въ разной степени, и съ разнымъ успѣхомъ стремленіе водворить унію и Латинство, и, какъ противовѣсъ этимъ стремленіямъ, православныя братства въ Кіевѣ, Львовѣ, Могилевѣ, Вильнѣ, Полоцкѣ и другихъ городахъ, братства, находившіеся въ тѣсномъ общеніи другъ съ другомъ подъ покровительствомъ Константинопольскаго патріарха.

Итакъ, въ XVII столѣтіи мы видимъ общій въ Малороссіи типъ шатровыхъ храмовъ, о пяти верхахъ. Планъ ихъ крестообразный. Западная оконечность креста прямоугольная, остальныя имѣютъ скошенные углы. Такимъ образомъ, воспользуемся сло-

вами академика Суслова о близкихъ по типу пятибашенныхъ церквахъ Донской области, „пятиглавыя церкви большей частью состояли по плану изъ двухъ продолговатыхъ срубовъ, пересѣкающихся въ перпендикулярномъ направленіи, причемъ каждый изъ срубовъ дѣлался длиною около трехъ квадратовъ..... выступающіе части срубовъ ограничивались съ основанія полувосьмиугольными стѣнами"[1])....
Надъ центральной частью креста и его оконечностями возвышаются высокіе шатры, изъ нихъ соотвѣтственно плану церкви западный, а иногда и центральный четырескатные, восточный, южный и сѣверный осмискатные, а иногда и семискатные. Шатры завершаются восьмигранными главками. Восьмерикъ центральной главы обыкновенно изнутри открытъ. Боковыя оконечности креста иногда представляются укороченными по сравненію съ восточной и западной. Въ такихъ случаяхъ, когда вообще оконечности креста укорочены, по необходимости измѣняется частью положеніе, частью и форма шатровъ. А именно боковые шатры налегаютъ на центральный (какъ это можно видѣть на разрѣзахъ и планахъ древней Ильинской Витебской церкви и проэктѣ ея воспроизведенія), а чтобы это налеганіе не было чрезмѣрнымъ чтобы боковые шатры съ центральнымъ не представляли какъ бы сросшуюся массу, то скаты боковыхъ шатровъ, обращенные внутрь, къ центральному шатру, дѣлались круче, чѣмъ наружные скаты. Иногда часть бокового шатра обращенная внутри имѣла не три ската, а только два, и тогда шатеръ представлялся семи—а не осмиугольнымъ (такъ было, напр. въ Витебской Ильинской церкви). Въ юго и сѣверо-восточныхъ углахъ находятся низенькіе пристройки—ризница и пономарня, послѣдняя съ дверью наружу. Иногда вокругъ всего храма, иногда вокругъ его западной оконечности идетъ открытая галлерея на фигурныхъ столбахъ. Иногда вмѣсто открытой галлереи западную часть окружаетъ глухая паперть.

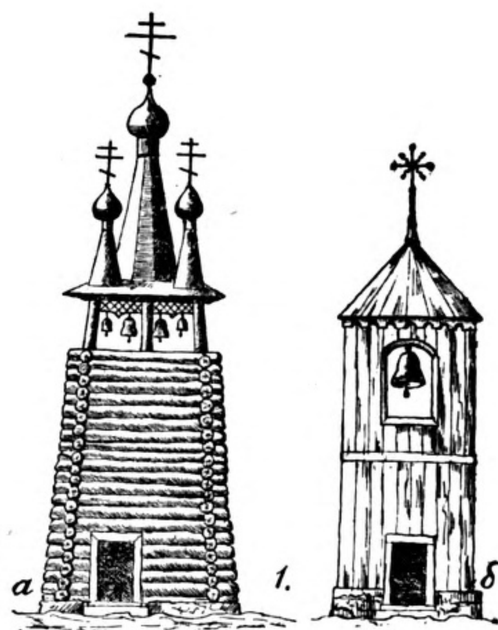
Къ описанному типу принадлежали въ Витебскѣ Іоанно-Богословская и Ильинская церкви, въ пограничныхъ уѣздахъ сосѣднихъ епархій, въ прежнее время составлявшихъ одно церковное

---

[1]) В. В. Сусловъ. Памятники древней деревянной архитектуры въ Южной Россіи въ книгѣ: Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества, стр. 29.

Къ стр. 8. Витебская Ильинская церковь (XVII в.), сгорѣвшая 13 апрѣля 1904 г.

Къ стр. 12. Рис. 1. Колокольни: а — Сѣвера Россіи, б — Западнаго Края.

цѣлое съ теперешней Полоцкой епархіей, церкви Оршанскихъ Кутеинскихъ монастырей-мужскаго и женскаго, Якобштадтская Св. Духовская церковь. Всѣ эти храмы въ сравнительно недавнее время, (Богословская въ 60-хъ годахъ, Кутеинскія и Якобштадтская въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, и Ильинская въ 1904 году) сдѣлались жертвой огня.

Единственный, извѣстный, по крайней мѣрѣ, мнѣ, уцѣлѣвшій представитель этого типа въ нашемъ краѣ—это Троицкая церковь Маркова монастыря (освящена въ 1691 году) представляющая, такимъ образомъ, архитектурную драгоцѣнность края.

Замѣчу, между прочимъ, что въ Малороссіи къ описанному типу принадлежитъ знаменитый Переяславскій соборъ, въ которомъ Богданъ Хмѣльницкій принесъ присягу на вѣрность Московскому Государю.

Другой типъ, также характерный по мнѣнію академика А. М. Павлинова[1]) для XVII столѣтія, это церковь въ видѣ прямоконечнаго креста съ осмигранникомъ въ центрѣ его. Надъ центральной осмигранной частью высится меньшаго размѣра осмигранникъ, покрытый или шатромъ, или куполообразно. Вершина увѣнчана маленькой восьмигранной главкой. Прямоугольныя оконечности креста покрыты двускатными кровлями съ фронтонами. Также какъ и въ предыдущемъ типѣ по сторонамъ алтаря низенькія пристройки также съ выходомъ наружу. Со стороны входа иногда обширная низкая паперть, окружающая переднюю оконечность креста. Къ этому типу принадлежатъ: Витебская Троицкая церковь на Песковатикѣ XVIII столѣтія, описанная акад. А. М. Павлиновымъ, въ настоящее время составляющая предметъ заботъ Витебской Ученой Архивной Комиссіи, и церкви селъ Фалковичи и Слобода, Витебскаго уѣзда. Другіе представители этого типа въ Полоцкой епархіи мнѣ неизвѣстны.

Церкви обоихъ описанныхъ крестовыхъ типовъ всѣ деревянныя.

Послѣдующіе типы относящіеся, гл. о., къ XVIII и началу XIX столѣтія, имѣютъ какъ деревянныхъ (преимущественно), такъ и каменныхъ представителей.

[1]) l. c. стр. 20.

Таковъ во 1-хъ типъ (латинскаго) прямоугольнаго креста съ куполомъ или шатромъ на пересѣченіи его продольной и поперечной частей. Длинникъ храма обыкновенно больше поперечника. Кромѣ того поперечная часть креста зачастую не только короче, но и уже продольной и, т. о., центральная часть (подъ куполомъ) представляется не въ видѣ квадрата, а въ видѣ продолговатаго прямоугольника (приноровляясь къ такой особенности и барабанъ купола, если онъ осмиугольный, имѣетъ иногда суженныя боковыя стороны.) По сторонамъ алтаря аналогичныя предыдущимъ типамъ пристройки. У каменныхъ церквей этого типа иногда и по сторонамъ передней оконечности креста пристройки, соединяющіяся съ крестовой частью храма арками.

Этотъ типъ церквей былъ очень распространенный и еще недавно имѣлось много его представителей. Такъ, варварски уничтоженная лѣтъ 13—15 назадъ древлеправославная Николаевская церковь въ м. Бѣшенковичахъ принадлежала именно къ этому типу. Изъ каменныхъ храмовъ этого типа назову въ Витебскѣ Спасскую и Рождественскую церкви (послѣдняя въ недавнее время, лѣтъ 18 назадъ, измѣнила свой видъ послѣ пристройки колокольни, по своему стилю совершенно дисгармонирующей съ храмомъ), церковь с. Добеи, Полоцкаго уѣзда, (послѣдняя надъ фронтонами оконечностей креста имѣетъ еще маленькія главки, по одной съ каждой стороны).

Всѣ перечисленные типы вообще говоря, какъ правило, не имѣютъ колокольни. Если при нѣкоторыхъ изъ нихъ мы имѣемъ колокольни надъ входной частью, то это, обыкновенно, позднѣйшія пристройки.

Другой еще болѣе распространенный типъ, къ которому принадлежатъ почти всѣ малыя приписныя и кладбищенскія церкви, и не мало приходскихъ, типъ въ основномъ своемъ планѣ очень простой: продолговатое зданіе съ закругленной алтарной частью. Послѣдняя представляетъ придатокъ къ прямоугольнику храма, болѣе узкій, но одинаковой вышины съ храмомъ, въ видѣ полукружія у каменныхъ храмовъ, въ видѣ отрѣзка осмигранника у деревянныхъ. У малыхъ деревянныхъ храмовъ вмѣсто алтарной при-

стройки, просто скошены углы задней части храма. По сторонамъ алтаря иногда одна, иногда двѣ пристройки. Такіе храмы обыкновенно покрыты высокой кровлей съ фронтономъ надъ входомъ. Фронтонъ нерѣдко увѣнчанъ главкой. У каменныхъ храмовъ фронтонъ имѣетъ довольно сложныя очертанія и украшенія, чисто западнаго характера. Фронтонъ обыкновенно снабженъ пролетомъ въ чердачное помѣщеніе, закрытымъ дверью, иногда съ изображеніемъ храмового праздника или святого. Зачастую въ этомъ пролетѣ помѣщаются колокола. Иногда по угламъ передней части возвышаются двѣ башни или глухія или съ пролетами. Какъ рѣдкость можно указать храмы съ одной башней-колокольней надъ входомъ во храмъ. Такова, наприм., древле-православная Михайловская церковь въ м. Бѣшенковичахъ. Крыша алтарной части сливается съ заднимъ скатомъ крыши храма. Иногда съ угловъ прямоугольной части храма крыша перекидывается на скошенныя (или закругленныя) части алтарной пристройки, нависая, такимъ образомъ надъ боковыми пристройками въ видѣ навѣса (подшитаго потолкомъ). На гребнѣ кровли иногда возвышается главка.

Къ названному типу принадлежатъ всѣ кладбищенскія церкви г. Витебска. Къ этому же типу должна быть отнесена и Рынково-Воскресенская церковь, лучшее украшеніе нашего города.

Упомяну еще объ очень рѣдкомъ типѣ церквей въ формѣ восьмигранника, покрытаго шатромъ съ главой. Единственную, насколько знаю, такого типа церковь можно еще было видѣть лѣтъ 18—20 тому назадъ въ с. Свѣча, Леп. уѣзда. За возведеніемъ новой церкви эта архитектурная на мой взглядъ рѣдкость была въ свое время разобрана.

Перечисленные три типа сближаютъ церковную архитектуру нашего края съ католическимъ западомъ.

Для монументальныхъ построекъ, каковы соборы, монастырскіе храмы и городскія богатыя приходскія церкви уже съ 17 столѣтія водворяется по всему Западному краю чисто западный типъ: базилика по формѣ, по деталямъ—ренессансъ въ его разныхъ видоизмѣненіяхъ, почти какъ правило съ двумя башнями по переднему фасаду. Это относится не только къ уніатскимъ храмамъ, но и къ пра-

вославнымъ. Такъ—позволю себѣ выйти изъ предѣловъ Витебской губерніи—къ этому типу принадлежатъ историческіе соборные храмы братскихъ монастырей—Виленскаго Свято-Духова и Могилевскаго Богоявленскаго. Оба конца XVII столѣтія.

По большей части эти базилики состоятъ изъ трехъ продольныхъ нефовъ и одного поперечнаго (трансептъ) съ куполомъ на пересѣченіи средняго продольнаго и поперечнаго нефовъ.

Въ позднѣйшихъ уніатскихъ храмахъ куполъ зачастую исчезаетъ. Какъ на примѣръ, я укажу на Петропавловскую церковь г. Витебска.

По типу такой базилики (съ куполомъ) построена большая часть Витебскихъ церквей, начиная съ Успенскаго собора.

Водворяется, но менѣе распространенъ, и типъ базилики состоящей только изъ продольныхъ нефовъ. Базилики этого типа купола, разумѣется, не имѣютъ. Таковъ Полоцкій Софійскій Соборъ.

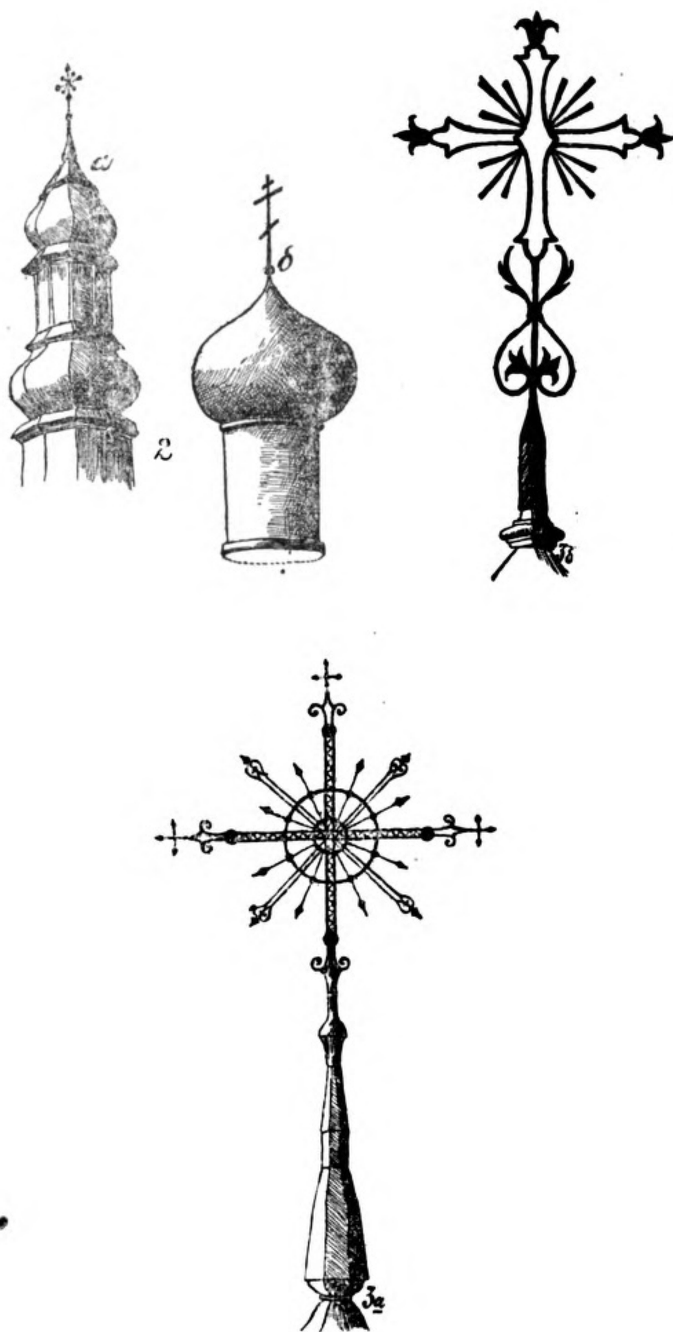
Теперь два слова о колокольняхъ, отдѣльныхъ отъ храма. Онѣ представляются въ видѣ четыреугольной, б. ч., квадратной башни, обыкновенно невысокой, двухэтажной, съ неширокими пролетами для колоколовъ, какъ въ каменныхъ, такъ и въ деревянныхъ одинаково (это замѣчу, отличаетъ деревянные колокольни Западнаго края, какъ и Юго-Западнаго отъ колоколенъ Сѣвера Россіи (см. рис. 1[1]). Кровля шатровъ, б. ч. невысокая, съ главкой наверху, а чаще безъ нея, съ однимъ крестомъ. Рѣдко покрытіе колокольни принимаетъ болѣе сложныя формы. Колокольня находится, б. ч., въ сторонѣ отъ церкви, рѣдко надъ воротами. Какъ на образчикъ укажу на колокольню Витебской Спасской церкви.

Послѣ этого краткаго обзора основныхъ формъ западно-русской церковной архитектуры остается коснуться нѣкоторыхъ наружныхъ деталій и описать внутреннее устройство бѣлорусскаго храма.

Церкви позднѣйшія въ деталяхъ своего убранства представляли всѣ особенности Ренессанса въ его различныхъ модификаціяхъ. Въ древнѣйшихъ по преимуществу деревянныхъ, церквахъ XVII столѣтія и частію XVIII мы встрѣчаемъ кое-какія черты сближающія съ памятниками архитектуры Сѣверной и Восточной Россіи, но при ближайшемъ и детальномъ разсмотрѣніи и тутъ выступаютъ свои особенности.

---

[1]) См. Сусловъ. l. c. стр. 38.

Къ стр 13. Рис. 2. Главы деревянныхъ церквей: а — Западнаго Края, б — Сѣвера Россіи. Рис. 3. а и б — кресты церквей Западнаго Края.

Если, напримѣръ, мы сравнимъ главы Западно-русскихъ деревянныхъ церквей съ главами деревянныхъ церквей русскаго Сѣвера, то видимъ слѣдующія отличія. На сѣверѣ Россіи—шейка главы цилиндрическая, глава въ видѣ луковицы, круглой въ горизонтальномъ разрѣзѣ. Въ Западной Россіи —шейка осмигранная, такова же и луковица. Послѣдняя представляется значительно сложнѣе и какъ бы составленной изъ отдѣльныхъ частей (см. рис. 2).

Кресты на типичныхъ западно-русскихъ церквахъ прорѣзные, изъ тонкихъ пластинокъ желѣза, склепанныхъ большими гвоздями, четвероконечные, съ сіяніемъ. Крестъ связанъ съ главкой или вершиной кровли не шаромъ, какъ это обычно въ церквахъ русскаго стиля, а болѣе или менѣе длиннымъ и сложнымъ желѣзнымъ стержнемъ. Шаръ у подножія креста не составляетъ необходимой принадлежности (см. рис. 3 а и b) Въ позднѣйшее время подъ вліяніемъ католицизма иногда взамѣнъ крестовъ надъ фронтонами и башнями появляются монограммы Спасителя въ кругѣ, окруженномъ сіяніемъ.

Для покрытія кровель, обыкновенно, употреблялся гонтъ. И это относится не только къ деревяннымъ, но и къ большинству каменныхъ храмовъ. Желѣзныя крыши появились, большей частью, въ позднѣйшее время. Изрѣдка примѣнялась для покрытія каменныхъ зданій и черепица.

Купола покрывались частью гонтомъ, но нерѣдко и желѣзомъ. Главы и верхи башенъ, а также извилистые края фронтоновъ покрывались желѣзомъ.

Стѣны каменныхъ церквей, какъ правило, покрывались штукатуркой, капители колоннъ и орнаменты обыкновенно были штукатурные.

Деревянныя церкви почти никогда не оставлялись необшитыми, и мы не видимъ въ Бѣлоруссіи тѣхъ бревенчатыхъ церквей, какъ на Сѣверѣ Россіи. Стѣны покрыты „шелевкой“ вертикально стоящими досками съ арочками въ поперечно лежащей вверху подъ карнизомъ доскѣ, какъ это наблюдается и въ Малороссіи, Галиціи, Донской области (см. рис. 4)*) Обшивкѣ угловъ, обыкновенно, придавался

*) В. В. Сусловъ, Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества, стр. 26—7, 33, 36.

видъ пилястровъ. Шелевка, какъ и крыши, обыкновенно оставлялась неокрашенной, и старыя церкви выступали чернымъ силуэтомъ среди окружающей ихъ зелени.

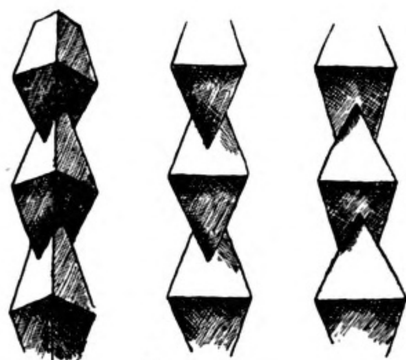
Маленькія бѣднѣйшія церкви (кладбищенскія, каплицы) иногда оставлялись необшитыми. Въ такомъ случаѣ стѣны складывались изъ обтесанныхъ со всѣхъ сторонъ брусьевъ.

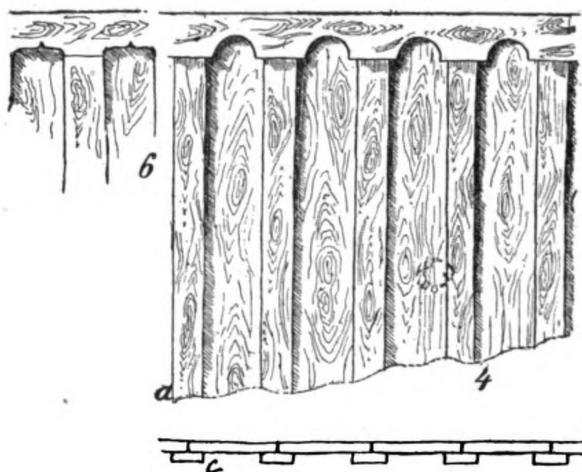
Большія окна, освѣщавшія храмъ и алтарь, располагались высоко, подъ потолками или сводами зданія; обыкновенно имѣли значительные размѣры въ высоту и ширину. Верхняя часть окна, въ большинствѣ случаевъ, представлялась въ видѣ отрѣзка кривой линіи, пересѣкающагося съ боковыми линіями окна. Это относится одинаково какъ къ деревяннымъ, такъ и къ каменнымъ церквамъ (см. рис. 5,a). Свойственныя русской каменной архитектурѣ закругленные полукругомъ или полуэллипсисомъ верхи оконъ, встрѣчаются очень рѣдко и то, б. ч., только въ купольныхъ окнахъ.

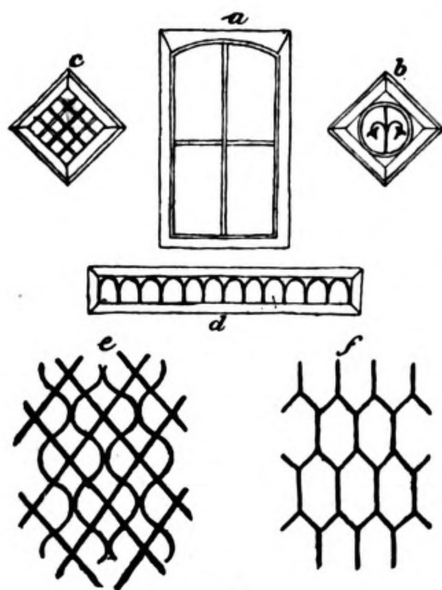
Малыя окна (ризница, паперть) въ каменныхъ храмахъ въ видѣ широкаго прямоугольника, въ деревянныхъ, кромѣ того, круглыя (въ такихъ иногда взамѣнъ обычной рѣшетки вертикально поставленный стержень), съ наличникомъ въ видѣ квадрата, діагонали котораго расположены горизонтально и вертикально; иногда само окно имѣло видъ такъ поставленнаго квадрата, (см. рис. 5 b и c.), наконецъ, въ видѣ узкой горизонтальной щели (d; таковы окна изъ паперти или галлереи въ храмъ).

Вы древнѣйшихъ церквахъ стекла были вставлены въ свинцовый переплетъ (см. рис. 5, d, e и f.) Двери въ каменныхъ церквахъ, б. ч., были окованныя желѣзомъ, иногда съ рельефными орнаментами, въ деревянныхъ б. ч.—обшиты довольно узенькими досками расположенными квадратами, діагонали которыхъ относятся между собою горизонтально и вертикально. Такія двери украшаются желѣзными гвоздями, сдѣланными иногда въ видѣ розетокъ.

Какъ на рѣдкость можно указать на входныя двери Троицкой церкви Маркова монастыря, богато украшенныя рѣзьбой съ рельефными изображеніями Св. Троицы (вверху), ангеловъ, и (на

Къ стр. 13. Рис. 4. Шелевка деревянныхъ зданій Западнаго Края. При **a** и **b** показанъ различный видъ обработки арочекъ верхней горизонтально лежащей доски, при **a**—общеупотребительный, при —**b** рѣдкій (Витебская Троицкая „черная" церковь. **c**—горизонтальный разрѣзъ.

Къ стр. 14. Рис. 5. Различныя формы оконъ—**a**, **b**, **c** и **d** и оконныхъ переплетовъ—**d**, **e** и **f**. При **b** изображенъ замѣняющій въ малыхъ окнахъ рѣшетку вертикальный стержень съ изогнутыми боковыми придатками.

Къ стр. 15. Рис. 6. Столбики наружной галлереи Троицкой церкви Витебскаго Маркова монастыря.

створахъ) символовъ евангелистовъ. Южная малая дверь также съ рѣзьбой, украшенная серафимами[1]).

Крыши крылецъ и открытыхъ галлерей поддерживаются точеными столбиками, иногда довольно причудливой, сложной формы (см. рис. 6—столбики галлереи Троицкой церкви Витебскаго Маркова монастыря.

Теперь предстоитъ описать внутренность Бѣлорусскаго храма.

Тотъ типъ уніатскихъ храмовъ, на которыхъ въ полной мѣрѣ отразилось вліяніе католицизма, до полной утраты чертъ восточнаго обряда, въ нашемъ докладѣ не подлежитъ описанію.

Достаточно представить себѣ обыкновенную внутренность костела съ тѣмъ лишь отличіемъ, что кое-гдѣ встрѣчаются славянскія надписи (на иконахъ и стѣнной росписи) и уцѣлѣвшія отъ древнѣйшихъ временъ (преим. XVII столѣтія) иконы типичнаго западно-русскаго письма. Такой храмъ, знаменовавшій уже полное обезличеніе уніи, еще недавно (а, м. б., и теперь) можно было видѣть въ полуразрушенномъ состояніи близъ Витебска, въ лѣсу между Двиной и Островенскимъ трактомъ (недоѣзжая им. Куковячино).

Въ нашемъ докладѣ мы имѣемъ въ виду какъ немногіе древле-православные, такъ и сохранившіе черты православія уніатскіе храмы въ ихъ общихъ особенностяхъ по сравненію съ храмами Великой Руси.

Въ отношеніи уніатскихъ храмовъ намъ придется только отмѣтить нѣкоторыя особенности, возникшія непосредственно подъ вліяніемъ католицизма и вызывавшіяся требованіями католическаго обряда.

Полы какъ въ каменныхъ, такъ и въ большинствѣ деревянныхъ церквей обыкновенно были кирпичные, нерѣдко изъ шестигранныхъ плитокъ.

Полъ алтаря, также кирпичный, былъ на одномъ уровнѣ съ поломъ церкви. Подъ иконостасомъ, выступая на 1/2 аршина наружу и настолько же внутрь алтаря идетъ низенькая, деревянная ступенька съ откосомъ въ обѣ стороны, въ сѣверныхъ и южныхъ дверяхъ представляющая собою порогъ. Полъ между престоломъ и царскими дверями (въ православныхъ церквахъ и въ уніатскихъ, сохранив-

---

[1]) Подробности см. А. М. Павлиновъ, Древніе храмы Витебска и Полоцка (Труды 6-го арх. съѣзда, стр. 23) а также статью іеромон. Сергія 7 Пол. Еп. Вѣд. за 1886 г.

щихъ престолъ на его обычномъ въ православной церкви мѣстѣ) поднятъ на одну ступень. Также и внѣ алтаря предъ царскими дверями—въ видѣ продолговатой площадки.

Клиросы, при отсутствіи предъалтарной солеи устраивались отдѣльно, иногда значительно выступая на средину храма, такъ что между клиросами и алтаремъ стояли молящіеся.

Описанныя особенности въ устройствѣ половъ и клиросовъ свойственны не только Западной Руси, но и Малороссіи.

Клиросы бѣлорусскихъ церквей, большей частью были передвижные, огороженные глухой стѣнкой спереди и сзади, съ полкой для книгъ на передней стѣнкѣ. Образецъ такого клироса можно видѣть въ Витебской Троицкой, что на Песковатикѣ, церкви.

Надъ входомъ въ церковь, иногда надъ притворомъ, устраивались хоры. Въ древнѣйшихъ церквахъ (XVII стол.) хоры нерѣдко окружали значительную часть храма въ видѣ висячей галлереи въ деревянныхъ церквахъ (Троицкая ц. Маркова Монастыря, ц. Кутеинскаго Оршанскаго, Якобштадтская Свято-Духовская [сгорѣвшія]). Въ большихъ каменныхъ храмахъ съ колоннами хоры иногда занимали пространство между колоннами и боковыми и западной стѣнами (соборъ Могилевскаго Братскаго монастыря).

Стѣны и своды каменныхъ храмовъ были расписаны клеевою краскою по штукатуркѣ священными изображеніями и орнаментами (Барокко, Рококо). Излюбленными сюжетами были евангельскія событія и притчи, отчасти событія, описанныя въ кн. Дѣяній апостольскихъ и ветхозавѣтныя. Отмѣтить какую-либо опредѣленную традицію въ распредѣленіи сюжетовъ затруднительно. Живопись итальянская иногда очень слабая по техникѣ, но не лишенная оригинальности въ изображеніи лицъ и сценъ. Такъ, напр,, въ Витебской Заручевско-Воскресенской церкви „врагъ всѣявшій плевелы“ изображенъ съ коровьей головой, причемъ живописецъ сумѣлъ придать этому лицу злорадно самодовольную усмѣшку.—Типы и костюмы отражаютъ особенности эпохи и края.

Значительно рѣже и деревянные храмы были расписаны, по холсту, которымъ были проклеены стѣны и потолки—обыкновенно клеевой краской, въ рѣдкихъ случаяхъ масляной. Послѣдняго рода стѣн-

ная роспись Троицкой церкви Маркова монастыря, относящаяся кажется, къ началу XVIII столѣтія. Нужно сказать, что роспись эта имѣетъ исключительную цѣнность, какъ по количеству и разнообразію сюжетовъ (Ветхій Завѣтъ, евангеліе, Дѣянія апостоловъ, апокалипсисъ, страданія мучениковъ, сцены изъ жизни Кіево-Печерскихъ святыхъ), такъ и по оригальности ихъ трактовки. Нужно отмѣтить, что лѣтъ 15 назадъ стѣнопись эту осматривалъ знаменитый художникъ И. Е. Рѣпинъ. Передаютъ, что онъ опредѣлилъ эту стѣнопись какъ работу талантливаго самоучки, придавшаго много жизни и движенія фигурамъ*). Эта замѣчательная стѣнопись ждетъ изданія въ фотографическихъ снимкахъ. Это должно составить заботу просвѣщенныхъ любителей старины, особенно въ виду того, что храмъ—деревянный.

Надписи, объясняющія священныя изображенія, обыкновенно, представляютъ собою выдержки изъ соотвѣтствующаго евангельскаго или библейскаго текста, изъ житій, иногда церковныхъ пѣснопѣній, но также и составлялись нарочно, и тогда нерѣдко были очень оригинальны, напр. «Іудиѳь гетману Олоферну царя Навходоносора главу отсѣче» (Марк. мон.).

Въ большинствѣ деревянныхъ церквей стѣны были довольно грубо обтесаны топоромъ и выбѣлены, иногда выкрашены клеевой краской. Иногда (въ приписныхъ и кладбищенскихъ церквахъ) оставались и не выкрашенными.

Иконостасы древлеправославныхъ храмовъ и тѣхъ изъ уніатскихъ, которые ихъ сохранили, обыкновенно были высокіе, многоярусные. Надъ рядомъ мѣстныхъ иконъ въ медальонахъ изображались двунадесятые праздники, во второмъ ярусѣ Деисусъ (Спаситель на тронѣ съ предстоящими Богоматерью и Предтечей) и апостолы, въ третьемъ пророки, и въ центрѣ Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ или (въ позднѣйшее время), коронованія Богоматери въ четвертомъ праотцы. Иконостасъ, б. ч., завершался Распятіемъ (иногда рѣзнымъ) съ предстоящими, и нерѣдко группой медальоновъ въ рѣзьбѣ съ изображеніями страданій Спасителя.

Иконостасы XVII и начало XVIII столѣтія обыкновенно были обильно изукрашены рѣзьбой (въ стилѣ Ренессансъ съ его разновидностью Ба-

*) Подробности относительно этой стѣнописи см. въ весьма обстоятельной статьѣ іеромон. Сергія (Басилевскаго), по вященной Маркову монастырю (Полоцк. Еп. Вѣд. 1887 г.—перепечатка изъ Губ. Вѣд. 60-хъ годовъ.

рокко). Нижній ярусъ обыкновенно имѣлъ рѣзныя витыя колонки, остальные ярусы частью колонки, частью полуколонки и пилястры. Царскія двери представляли сплетеніе виноградныхъ вѣтвей съ гроздьями. Фонъ иконостаса, б. ч., былъ зеленый или синій подъ мраморъ. Рѣзьба частью вызолочена и высеребрена, частью раскрашена.

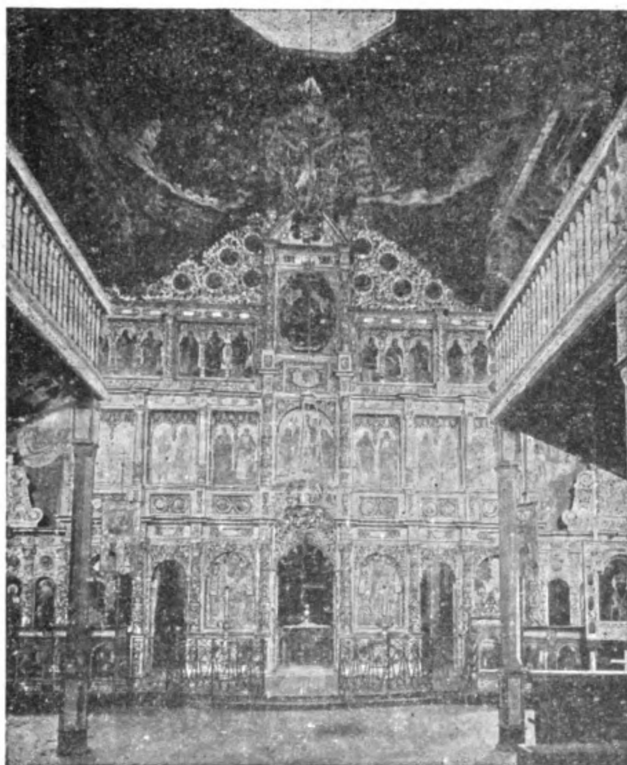
Иконостасы позднѣйшаго времени—второй половины XVIII столѣтія въ стилѣ Барокко и Рококо обыкновенно вмѣсто колонокъ имѣли пилястры, вообще представлялись не такъ массивными, какъ иконостасы болѣе ранняго времени. Впечатлѣнію легкости содѣйствовало и то что нерѣдко иконостасы въ планѣ имѣли видъ не прямой стѣны, а ломаной линіи.

Подъ мѣстными иконами въ рамкахъ помѣщались изображенія евангельскихъ и библейскихъ сценъ, притчей.

Нѣкоторые изъ каменныхъ храмовъ имѣли каменные же иконостасы съ кирпичными или штукатурными колоннами, съ штукатурными же орнаментами на верху. Фонъ иконостаса расписанъ былъ подъ мраморъ, карнизы и капители колоннъ были покрыты матовой позолотой; колонны или раскрашивались подъ мраморъ или, если онѣ были витыя, покрывались матовой позолотой или серебромъ. Иконы устанавливались въ нишахъ или сквозныхъ пролетахъ. Такіе иконостасы имѣются въ Витебскомъ Успенскомъ соборѣ (закрытъ позднѣйшимъ деревяннымъ иконостасомъ, причемъ колонны б. ч. отбиты), въ Витебской Благовѣщенской церкви (позднѣйшаго устройства), въ Полоцкомъ Софійскомъ соборѣ.

Рѣдкостный въ своемъ родѣ иконостасъ сохранился въ Витебской Троицкой („черной“), что на Песковатикѣ, церкви. Онъ представляетъ обширный—во всю ширину алтаря и высокій—до потолка досчатый щитъ (вертикально поставленныя доски), на которомъ клеевою краской нарисованы въ нѣсколько ярусовъ колонны коринѳскаго ордера, карнизы, украшенные цвѣтами, рамы, медальоны, и въ нихъ на томъ же щитѣ нарисованы иконы (исключеніе представляютъ иконы нижняго яруса, нарисованныя на отдѣльныхъ доскахъ). Фонъ иконостаса—подъ мраморъ. Царскія двери, современныя иконостасу, къ сожалѣнію не сохранились, и замѣнены позднѣйшими, совершенно дисгармонирующими съ иконостасомъ.—Иконостасъ заслуживаетъ того, чтобы его сфотографировать.

Къ стр. 9 и 17. Наружный и внутреннiй видъ Троицкой церкви Витебскаго Маркова монастыря (XVII в.),

Надпрестольныя сѣни представляютъ сравнительную рѣдкость. Намъ лично извѣстна массивная сѣнь на 4хъ колоннахъ въ Троицкой церкви Маркова монастыря, и висячая—въ видѣ четырехскатной крышки въ древлеправославной Бѣшенковичской Михайловской церкви.

Въ уніатскихъ храмахъ, даже сохранившихъ иконостасы, престолы, б. ч., по католическому обычаю, были придвинуты къ алтарной стѣнѣ, при чемъ имѣли обычный видъ выступа предъ болѣе или менѣе грандіознымъ кіотомъ съ изображеніемъ храмовой иконы. На алтарной стѣнѣ обыкновенно изображалась распростертая мантія, увѣнчанная короной. Кіотъ представлялся включеннымъ въ эту мантію и, такъ сказать, осѣняемымъ его.

При стѣнахъ и колоннахъ древлеправославныхъ храмовъ расположены были кіоты. Въ уніатскихъ храмахъ они имѣли особенно большіе размѣры и у подножія ихъ располагались придѣльные престолы въ видѣ выступа. На этомъ выступѣ стояли оловянные подсвѣчники (4—6). Такого вида боковые алтари еще недавно можно было видѣть въ Витебскѣ, въ сгорѣвшей Ильинской церкви, также въ Петро-Павловской церкви. Число ихъ достигало шести и больше.

Кіоты, б. ч., украшены были многочисленными колоннами, часто въ два яруса, и богатой рѣзьбой. Въ бѣднѣйшихъ церквахъ, они представляли собою, подобно описанному иконостасу Витебской Троицкой церкви, досчатые щиты, разрисованные колоннами, орнаментами, съ иконой въ центрѣ.

Что касается до иконописи, то древнѣйшая (XVII вѣка) носитъ смѣшанный характеръ. Въ ней отразились различныя вліянія. Съ одной стороны, проглядываютъ византійскія традиціи въ типахъ лицъ, въ одеждѣ, позахъ. Видимо, для живописца прототипами служили иконы греческаго письма. Но въ техникѣ уже сказывается сильнее вліяніе Запада. Иконы Греческаго и Русскаго письма носятъ иконописный характеръ (извѣстный схематизмъ въ изображеніи, отвлеченность), иконы Западно-русскаго письма,—живописный: черты лица, тѣло, одежда, въ сложныхъ композиціяхъ—окружающая обстановка—все это какъ бы взято съ натуры, болѣе детально и сообразно съ природой выписано. Тоны красокъ болѣе свѣтлые, яркіе, чѣмъ

это принято было въ Греческой и Русской иконописи.—Краски употреблялись масляныя.—Писаны были иконы, б. ч., на доскахъ, но изрѣздка и на полотнѣ.

Въ мѣстныхъ иконахъ (Спасителя, Б. Матери, Николая Чудотворца и др.) фигуры обыкновенно были изображаемы не по поясъ, какъ на иконахъ византійскаго письма, а въ ²/₃ роста.

Мѣстныя иконы, и особенно иконы въ боковыхъ кіотахъ отличались довольно крупными размѣрами.

Нерѣдко иконы покрывались серебряными или металлическими окладами кованой работы. Оклады эти лишь въ рѣдкихъ случаяхъ покрывали всю икону, обыкновенно же только самую фигуру. Окладъ не представлялся вообще сплошнымъ, а состоялъ изъ отдѣльныхъ довольно тонкихъ пластинъ, соединенныхъ гвоздями.—Поле иконы обыкновенно было обработано такимъ образомъ, что представлялось на первый взглядъ также обложеннымъ окладомъ. Достигалось это тѣмъ, что на доску накладывался гипсъ и при помощи формы полю придавался извѣстный рельефъ (орнаментъ, окружающая обстановка) затѣмъ накладывалась позолота, серебро, иногда краски. Нерѣдко такимъ же образомъ, взамѣнъ оклада была сработана и одежда и нимбъ вокругъ лика, словомъ имѣлись довольно искусныя имитаціи серебряныхъ и золотыхъ окладовъ. Такимъ способомъ, при сравнительной бѣдности населенія Западной Руси, удовлетворялось стремленіе къ церковному благолѣпію.

Для большихъ иконъ, размѣщенныхъ въ отдѣльныхъ кіотахъ, излюбленнымъ было вокругъ центральнаго изображенія (Спасителя, Божьей Матери, Святого или священнаго событія), окруженнаго рельефнымъ бордюромъ, на той же доскѣ среди завитковъ орнамента размѣстить многочисленные медальоны. Въ этихъ медальонахъ, сообразно съ центральной иконой изображались событія изъ жизни Спасителя, Богоматери, Святого (нерѣдко въ видѣ такъ называемаго лицевого акаѳиста: то есть темы были взяты изъ акаѳиста и пояснялись надписями изъ соотвѣтствующихъ икосовъ и кондаковъ акаѳиста); вокругъ иконы Божьей Матери иногда въ медальонахъ изображались ветхозавѣтные преобразы относимые Церковью къ Богоматери „(лѣствица высокая“, „стамна манны“, „купина неопалимая“ и пр.). Надъ

центральнымъ изображеніемъ или подъ нимъ въ медальонѣ или на держимомъ ангелами свиткѣ помѣщался (цѣликомъ или же только начало) соотвѣтственный тропарь или кондакъ. Иногда такая надпись помѣщалась въ отдѣльномъ медальонѣ надъ иконой. Можно было вмѣсто традиціоннаго церковнаго текста встрѣтить и нарочито составленные вирши.

Съ XVIII столѣтія окончательно водворяется итальянская живопись съ ея достоинствами и недостатками (живость и движеніе въ фигурахъ, реализмъ, манерность и напыщенность). Мѣстныя иконы обыкновенно пишутся во весь ростъ. На Богоматери и святыхъ нерѣдко одежды, воспроизводящія тогдашнія моды. Одежда часто покрывается окладомъ, но поле иконы входитъ теперь въ обычай покрывать бархатомъ краснаго или фіолетоваго цвѣта.

Украшались храмы Западнаго края и скульптурой. Въ древлеправославныхъ храмахъ она встрѣчалась рѣже и притомъ, обыкновенно, въ видѣ, такъ сказать, декоративныхъ украшеній (фигуры ангеловъ наверху иконостаса и надъ кіотами и т. п.,) изрѣдка въ видѣ собственно иконъ (напр. Распятіе съ предстоящими надъ иконостасомъ). Значительно чаще скульптурныя изображенія встрѣчались въ уніатскихъ храмахъ, и притомъ уже нерѣдко въ качествѣ иконъ.

Статуи и скульптурныя распятія были большей частью довольно грубой работы, рѣзныя изъ дерева, иногда гипсовыя, довольно грубо раскрашенныя. Изрѣдка, впрочемъ, попадались и художественныя произведенія. Таково, говорятъ, было распятіе въ Витебскомъ Успенскомъ соборѣ, рѣзное, изъ кости, неизвѣстно куда исчезнувшее при капитальномъ ремонтѣ собора въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

За исключеніемъ малыхъ храмовъ, каковы приписные и кладбищенскіе, какъ уніатскіе, такъ и древлеправославные храмы постоянною своею принадлежностью имѣли амвоны для проповѣдниковъ въ видѣ балкончика у колонны или боковой стѣны, обыкновенно съ навѣсомъ (сѣнью) надъ нимъ.

Такъ какъ точно такіе же амвоны мы видимъ въ католическихъ храмахъ, то при объясненіи того, какъ появились въ Западно-русскихъ церквахъ эти амвоны первою является мысль, что амвоны за-

имствованы уніатами отъ католиковъ, и въ подражаніе имъ же введены и въ православныхъ храмахъ.

Это объясненіе является довольно вѣроятнымъ, но возможно и другое объясненіе, когда мы вникнемъ въ исторію амвона, этой древнѣйшей принадлежности христіанскихъ храмовъ.

Съ этой цѣлью позволю себѣ сдѣлать выдержку изъ Исторіи Русской Церкви Е. Е. Голубинскаго.

...„Въ настоящее время у насъ нѣтъ совершенно никакой и памяти о древнихъ амвонахъ, а между тѣмъ они исчезли у насъ не „далѣе, какъ только въ началѣ XVIII столѣтія и въ исторіи нашей „церковной археологіи представляютъ ту замѣчательную особенность, „что мы сохранили ихъ гораздо долѣе, чѣмъ Греки. Древній амвонъ, „явившійся въ церквахъ для той цѣли, чтобы все читаемое, возглашаемое и поемое въ нихъ было лучше слышимо присутствующими „и, въ особенности, чтобы это такъ было съ чтеніемъ Священнаго „Писанія, представлялъ изъ себя большее или меньшее возвышеніе „на которое должны были восходить читающіе, возглашающіе и поющіе. Наши свѣдѣнія относительно формъ, въ какихъ устрояемъ „былъ древній амвонъ, весьма недостаточны, но очень вѣроятно, что „форма, которую далъ ему Юстиніанъ въ своей Софіи, была наиболѣе „господствующею. Пусть читатель вообразитъ себѣ бесѣдку въ формѣ овальнаго огражденія, сдѣланнаго посредствомъ глухихъ погрудныхъ стѣнокъ...; пусть онъ поставитъ эту бесѣдку на колонны вышиной примѣрно отъ двухъ до трехъ аршинъ; пусть онъ вообразитъ себѣ, что на эту бесѣдку съ двухъ противоположныхъ и именно длинныхъ сторонъ овала*) сдѣланы два входа .. Иногда бесѣдка „оставлялась открытой, иногда же дѣлался на ней верхъ, именно на ея „огражденіе (барьеръ) ставились колонки и на эти колонки ставилась сферическая или пирамидальная крыша“...

...„На Западѣ были устрояемы два особые амвона,—одинъ для „евангелія, другой для апостола; иногда устрояемъ былъ и одинъ „амвонъ, но двухэтажный: двѣ бесѣдки, меньшая въ большей, изъ „коихъ нижняя или большая для чтенія апостола, а верхняя или „меньшая, для чтенія евангелія“ ..

*) Съ востока и запада.

..."Не знаемъ съ какого времени до Симеона Солунскаго[1]) **амвоны "начали быть сносимы у нихъ (грековъ) съ середины церкви на сторону "и къ половинѣ XVII вѣка послѣднее стало у нихъ общимъ обычаемъ**[2]), "а первое было совсѣмъ забыто. На сторонѣ, и именно сѣверной, **не "знаемъ по позднѣйшему ли примѣру Запада**, **или наоборотъ ему показавъ "примѣръ**[3]), Греки не поставили амвоновъ на полъ церковный, но "въ видѣ малыхъ бесѣдокъ или глухихъ балкончиковъ подвѣсили "ихъ къ заднему подкупольному столбу (или смотря по устройству "церкви... къ одному изъ заднихъ столбовъ и къ стѣнѣ), въ видѣ "каковыхъ висячихъ балкончиковъ, служа для чтенія евангелія на "литургіи и для сказыванія проповѣдей они остаются у нихъ и до настоящаго времени"...

"Первую мысль объ уничтоженіи у насъ древнихъ амвоновъ[4]) "подалъ Арсеній Сухановъ, не совсѣмъ впопадъ считавшій ихъ на"шимъ нововведеніемъ; въ своемъ Проскинитаріи онъ пишетъ: «амбо"на (нашего) отнюдь нигдѣ нѣту (у Грековъ) и нашихъ зазираютъ, "что церковь всю заслонилъ: алтарь и образы и престолъ и царскія "двери, всю де красоту отнялъ; а у нихъ (Грековъ) есть **амвоны ста"ринные подлѣ стѣны на странѣ высоко** (курсивъ нашъ)»[5]).

Такимъ образомъ, прежде всего является спорнымъ вопросомъ, Западъ ли у Грековъ, или Греческій Востокъ у Запада заимствовалъ новую форму амвона.

Во вторыхъ, съ одинаковымъ правомъ можно предполагать и то, что Западная Русь и Малороссія заимствовали новую форму амвона съ Запада; и то, что амвонъ въ Кіевской Митрополіи (въ составъ которой входилъ и Западный край) появились подъ вліяніемъ Греческой Константинопольской церкви, съ которою Юго-Западная Русь въ концѣ XVII—XVIII вѣкѣ находилась въ тѣснѣйшемъ церковномъ общеніи.

Во всякомъ случаѣ, въ этой особенности Западно-русскихъ храмовъ нельзя усматривать чего-то противнаго духу православія и за-

---

[1]) Начало 15 столѣтія.

[2]) Курсивъ нашъ.

[3]) Курсивъ нашъ.

[4]) Посредникѣ храма.

[5]) Е. Е. Голубинскій, Исторія Русской Церкви 2-я пол. 1-го тома, 1904 г., стр. 231—237.

служивающаго уничтоженія, наоборотъ, нужно считать ее весьма разумной и цѣлесообразной не только для произношенія проповѣдей, но и для чтенія Св. Писанія и Евангелія. Кстати могу засвидѣтельствовать, какъ очевидецъ, что чтеніе въ Греческихъ церквахъ евангелія діакономъ съ высокаго амвона производитъ сильное, величественное впечатлѣніе; во всякомъ случаѣ, слова Евангелія достигаютъ слуха присутствующихъ, а не уносятся въ алтарь, какъ это бываетъ въ большихъ храмахъ при нашемъ обычаѣ чтенія евангелія.

Взамѣнъ обычной въ Великороссіи запрестольной выносной иконы Божіей Матери церкви Западной Руси имѣютъ выносной („поносный") образъ особаго устройства. На столикѣ о четырехъ ножкахъ вертикально установлена икона, на лицевой сторонѣ которой изображеніе Божіей Матери, на оборотной—храмового праздника. Нерѣдко надъ столикомъ водружена сѣнь на четырехъ колонкахъ. Въ прикрѣпленныя къ столику кольца во время процессій продѣваются шесты, которые богомольцы (обыкновенно женщины) кладутъ на плечи и такимъ образомъ несутъ икону, высоко поднявъ надъ головами молящихся. Икона эта обыкновенно стоитъ съ лѣвой стороны храма.

Хоругви, б. ч., употреблялись матерчатыя (суконныя, изъ тонкой шерстяной матеріи, иногда шелковыя), съ священными изображеніями, писанными на холстѣ.

Нерѣдко (особенно носимыя въ похоронныхъ процессіяхъ) онѣ имѣли видъ знамени (т. е. были прикрѣплены одной стороной къ древку и свободно свѣшивались внизъ).

Большіе подсвѣчники обыкновенно были оловянные. На верху подсвѣчника для постановки свѣчей устроенъ былъ плоскій оловянный же кругъ, съ острымъ стержнемъ посрединѣ для большой свѣчи и съ чашечками вокругъ для малыхъ свѣчей. Иногда устраивались и деревянные подсвѣчники. Иногда же вмѣсто подсвѣчника у подножія иконы просто придѣлывался желѣзный прутъ съ чашечками, а то и просто деревянная доска, къ краю которой прилѣпливались свѣчи.

Въ братскіе праздники *), когда предъ братской иконой зажигались большія (отъ 2 до 5 фунтовъ) братскія свѣчи (иногда до 100 штукъ), для этой цѣли передъ иконой ставились деревянные рѣзныя тумбы на подобіе подсвѣчниковъ. На эти тумбы клали доски (такимъ образомъ, что получалась буква П или же четыреугольникъ) съ шипами или гвоздями, на которые насаживались свѣчи.

Теперь нѣсколько словъ о богослужебныхъ сосудахъ, облаченіяхъ, книгахъ и другихъ предметахъ церковнаго обихода. Богослужебные сосуды православныхъ храмовъ въ существенномъ были таковы же, какъ и въ другихъ областяхъ Россіи. Разумѣется въ рисункахъ и отдѣлкѣ сказывалось вліяніе Запада (Ренессансъ). Что же касается уніатскихъ храмовъ, то литургійныя чаши имѣли форму вытянутой рюмки. Величина ихъ большей частью незначительная (отъ 1/2 чайной чашки до стакана). Священныхъ изображеній вокругъ, какъ принято въ православной церкви, они не имѣютъ, а только украшены орнаментомъ, нерѣдко накладнымъ. Чаши внутри вызолоченныя, снаружи нерѣдко безъ позолоты или съ позолоченнымъ орнаментомъ.

Для храненія Св. Даровъ въ уніатскихъ церквахъ служили особыя чаши, такъ называемыя „пушки" въ видѣ шара, состоящаго изъ двухъ половинъ. Нижняя на ножкѣ съ пьедесталомъ, какъ у литургійной чаши, верхняя—крышка—съ крестикомъ наверху.

Дароносицы имѣли видъ блюдечекъ или чашечекъ съ выпуклой, вытянутой вверхъ крышечкой, наверху которой изображеніе Спасителя (Воскресеніе) въ сіяніи. Иногда онѣ устраи-

---

*) При многихъ церквахъ Западного края существовали братства особаго характера, имѣвшія скромною задачей поддерживать благолѣпіе приходского храма. Братство имѣло свою братскую икону, которая ежегодно переходила отъ одного очередного братчика къ другому. Очередной братчикъ обязанъ былъ собирать пожертвованія и устроить братскую трапезу въ братскій праздникъ. Въ этотъ день икона приносилась въ храмъ, а затѣмъ послѣ трапезы въ домѣ очередного братчика, переносилась на другой день къ новому очередному братчику. Главнымъ предметомъ пожертвованій служили братскія свѣчи. Такое братство до сего времени существуетъ при Витебской Ильинской церкви („Никольщина"). См. Пол. Еп. Вѣд. за 1874г. № 24.

вались проще—безъ пьедестала и съ плоской крышечкой, на которой изображена монограмма Спасителя и крестъ.

Матеріаломъ для всѣхъ этихъ сосудовъ въ болѣе богатыхъ храмахъ служило серебро, а въ бѣдныхъ сплавы съ большей или меньшей примѣсью серебра.

Для выставленія Даровъ и ношенія ихъ въ процессіяхъ—по католическому обычаю—введены были въ уніатскихъ церквахъ монстранціи того же образца, что и въ римско-католическихъ храмахъ.

Священническія облаченія отъ теперешнихъ отличались тѣмъ, что были вообще короче, но передъ не былъ такъ высоко вырѣзанъ, и т. о. они болѣе приближались къ древней формѣ фелони. На оплечьѣ нашивался крестъ. Звѣзды какъ теперь—внизу не было. Эпитрахиль узкая, двойная (каждая половина въ ширину діаконскаго оря), причемъ обѣ половины соединялись завязками. Поручи весьма длинныя. Матеріаломъ для облаченій служили обыкновенно шелковыя (рѣже шерстяныя и льняныя) ткани, зачастую затканныя разноцвѣтными букетами и гирляндами, а также парчи, нерѣдко мѣстнаго производства (Слуцкъ).

Плащаницы, обыкновенно, представляли собою написанное на полотнѣ изображеніе положенія Спасителя во гробъ, наклеенное на обшитый бахромой кусокъ цвѣтной шелковой матеріи, по краямъ котораго серебромъ или золотомъ написанъ тропарь «Благообразный Іосифъ». Иногда и самое изображеніе писалось на шелку.

!!!Интересны вѣнцы для новобрачныхъ—въ видѣ кружка вершковъ 2—3-хъ въ діаметрѣ и 1/2 вершка шириной—изъ бересты, иногда обшитой цвѣтною шерстью.

Что касается богослужебныхъ книгъ, то наряду съ уніатскими Почаевскими, Супрасльскими и др. изданіями, частью воспроизводившими съ нѣкоторыми измѣненіями православныя книги, частью представлявшими нѣчто новое въ смыслѣ состава (требники, служебники со внесеніемъ въ нихъ дневныхъ евангелій и пр.), попадаются и книги православныя, Кіевской, Львовской и др. юго и западно-русскихъ типографій и даже Московской печати, а также иногда и рукописныя евангелія. Помимо ихъ непосредственной цѣнности, какъ большихъ или меньшихъ библіографическихъ рѣдкостей, книги эти имѣютъ иногда

и особенную цѣнность, благодаря имѣющимся на поляхъ надписямъ (напримѣръ, имена жертвователей, кое какія данныя относительно прихода, событій приходской жизни).

Вотъ въ существенномъ и все, что касается церковной старины нашего края. Надѣюсь, мнѣ удалось показать, что она имѣетъ **свое лицо**, а вмѣстѣ съ тѣмъ и право на бережное къ себѣ отношеніе.

Каково было и есть на дѣлѣ отношеніе къ церковной старинѣ въ нашемъ краѣ, это также небезъинтересно окинуть взоромъ.

...Печальна вообще исторія памятниковъ церковной, да и всякой старины во всѣхъ концахъ нашего отечества.

Но нашъ край, наряду съ общими, дѣйствующими повсемѣстно въ Россійскомъ Государствѣ причинами и условіями, имѣетъ еще и свои особенныя, усугубляющія дѣло разрушенія.

Начнемъ обзоръ съ общихъ и закончимъ мѣстными, иллюстрируя примѣрами.

Прежде всего, гибели памятниковъ старины содѣйствуетъ наша **некультурность и бѣдность**.

Въ самомъ дѣлѣ, вспомните, сколько памятниковъ церковной архитектуры гибнетъ отъ пожаровъ. Скученность построекъ, вопреки всякихъ законныхъ правилъ и соображеній здраваго смысла, крыши изъ неогнеупорнаго матеріала даютъ возможность широко разливаться морю огня... Вспомните, какими средствами располагаетъ наша деревня для тушенія пожаровъ, вспомните эти пресловутыя вывѣски у воротъ: гдѣ ведро, гдѣ багоръ и т. п. Да и въ городахъ подчасъ немногимъ лучше: плохо сформированныя, съ плохими машинами, городскія и вольныя пожарныя команды, растерянность и несогласованность въ дѣйствіяхъ, неумѣнье локализовать пожаръ.

Вспомните, что многія церкви, высоко поднимаясь надъ окружающими постройками, загараются отъ ударовъ молніи и справьтесь, во многихъ ли мѣстахъ существуютъ громоотводы на церковныхъ куполахъ и башняхъ: могу васъ увѣрить, вы найдете ихъ не какъ правило, а какъ рѣдкое исключеніе.

Коснемся теперь другихъ условій стихійнаго характера.

Извѣстно, что для благополучія каменнаго зданія имѣетъ важное значеніе состояніе почвы, въ особенности, когда оно стоитъ на

холмѣ или на высокомъ берегу рѣки. Нагорный берегъ систематически подмывается теченіемъ рѣки. Ведутъ свою работу и почвенныя воды. Въ результатѣ получаются иногда громадныхъ размѣровъ оползни. Представьте себѣ, какое значеніе имѣетъ для стоящихъ на берегу зданій укрѣпленіе берега, дренажированіе почвы, строгое наблюденіе за спускомъ отработанныхъ водъ и жидкостей.

При отсутствіи всѣхъ упомянутыхъ мѣръ, въ лучшемъ случаѣ зданія медленно разрушаются, получаютъ трещины, въ худшемъ вы неожиданно можете видѣть паденіе и разрушеніе зданій вслѣдствіе оползня горы. Такъ, ровно 60 назадъ лѣтъ, вмѣстѣ съ частью берега рухнула въ р. Нѣманъ южная стѣна древняго*), построеннаго въ XII столѣтіи, Коложанскаго храма въ г. Гроднѣ.

Съ этой точки зрѣнія взгляните хотя бы на Витебскій Успенскій Соборъ. Нельзя сказать, чтобы укрѣпленіе берега, наблюденіе за дренажированіемъ почвы какъ всей окружающей мѣстности, такъ вокругъ самаго зданія и подъ нимъ составляло предметъ, видимыхъ по крайней мѣрѣ заботъ**). Техническій осмотръ самаго зданія не производился съ незапамятныхъ временъ и только недавно былъ произведенъ въ виду многочисленныхъ, съ верхняго края до ниж-

---

*) Е. Орловскій. Судьбы православія въ связи съ исторіею латинства и уніи въ Гродненской губерніи въ XIX столѣтіи. Гродна, 1903 г., стр. 134—135, 151, 503.

**) „Зиждители Успенскаго храма", пишетъ Н. Я. Никифоровскій, „и зданія, занимаемаго нынѣ семинаріей, заложивши его въ 1743 г. для помѣщенія братіи и училища, дорожили шириной этой площади, а возможныя измѣненія ея отъ подпочвенныхъ вліяній тогда же поспѣшили оградить каменными и деревянными укрѣпленіями, видимые остатки которыхъ сохранились въ обломкахъ каменныхъ стѣнъ и срубовъ по склону набережной, да цѣлыхъ пока срубовъ и свай въ водѣ у самаго берега Двины; для отвода же подпочвенной воды, возможной виновницы разрушенія, проведены были подземные стоки, дающіе еще и доселѣ поводъ утверждать, будто изъ Успенскаго собора и семинаріи подъ двинскимъ ложемъ есть ходы на правую сторону рѣки"... Съ теченіемъ времени „давнія инженерныя работы остались въ забвеніи; водоотводы засорились и грунтъ разжидился. Послѣдствіемъ сего было то, что значительная часть бульвара, противъ Бибкина переулка и далѣе, по направленію „къ дворцу", осѣла на нѣсколько саженей, причемъ разрушились укрѣпленія, а сплывшая къ Двинѣ земля была унесена водою: сплошной раньше бульваръ (Успенско-Дворцовый) раздвоился"... Много лѣтъ спустя послѣдовало „новое осѣданіе грунта противъ Бибкина переулка (въ 1866—67 г.г.)". Н. Я. Никифоровскій. Странички изъ недавней старины г. Витебска. Витебскъ, 1899 г., стр. 66—70.

няго зіяющихъ трещинъ, отхожденія правой башни въ сторону и другихъ дефектовъ зданія. А, между тѣмъ, вѣдь это краса всего города, видимая болѣе, чѣмъ за десятокъ верстъ издали!

Взглянемъ теперь на судьбу храмовъ, въ которыхъ почему либо прекращено богослуженіе, напримѣръ, вслѣдствіе упраздненія прихода, какъ это было въ 60-хъ годахъ, при сокращеніи штатовъ духовнаго вѣдомства, постройки новаго храма. Обыкновенно, если такую церковь не разберутъ на кирпичъ или на дрова, то лишь въ рѣдкихъ случаяхъ поддерживаютъ и ремонтируютъ ее, а чаще она медленно разрушается. А, между тѣмъ, иногда нѣсколько десятковъ рублей могли бы сохранить памятникъ старины.

...Не могу я забыть экскурсіи по предложенію и въ обществѣ Д. И. Довгялло къ „лѣсной" церкви вблизи Островенскаго тракта, неподалеку отъ им. Куковячино. Среди лѣса, на небольшомъ холмѣ перекосившаяся черная церковь. Окна безъ стеколъ. Крыша поросла мхомъ и даже молоденькими березками, мѣстами совсѣмъ провалилась и вездѣ свѣтится какъ рѣшето. Куполъ перекосился и также зіяей щелями. Полы обвалились. Птицы подъ крышей и у алтарей свили гнѣзда. Краски иконъ и стѣнной живописи поблекли и частью осыпались, и изображенія имѣютъ видъ какихъ то тѣней. По краямъ кіотовъ съ иконами и у подножія ихъ навѣшаны и разложены куски полотна, пучки льна и шерсти—жертвы бѣлорусса, который въ эти развалины идетъ повѣдать въ молитвѣ свои нужды и скорби предъ тѣми иконами и алтарями, къ которымъ приходили еще его дѣды и прадѣды... Обошли зданіе кругомъ, постояли внутри, посмотрѣли, разобрали съ трудомъ и списали кое-какія надписи, сопутствовавшій намъ фотографъ-любитель семинаристъ сдѣлалъ нѣсколько снимковъ... Еще разъ окинули взоромъ картину разрушенія и пошли назадъ...

...Невдалекѣ оттуда, ниже по теченію Двины, въ предѣлахъ Могилевской епархіи, расположено с. Дорогокупово. Не такъ давно тамъ выстроена новая церковь. Проѣзжающій на пароходѣ можетъ видѣть неподалеку отъ новой церкви старую-черную, перекосившуюся. Стекла въ окнахъ перебиты. Крыша свѣтится. А, между тѣмъ, вѣдь это постройка XVIII столѣтія, довольно характерная по стилю. Для нашего небогатаго церковной стариной Западнаго Края — это

цѣнность не такъ уже малая. На мѣстѣ или не могутъ, или не умѣютъ изыскать средствъ для ремонта, да и просто въ голову не приходитъ, что это нужно сдѣлать, а свыше никто и вниманія не обращаетъ: вѣдь это окраина Могилевской епархіи.

Впрочемъ, что и геворить о глухихъ углахъ. Старожилы витебляне помнятъ, за городомъ по дорогѣ къ Мазурину на берегу Двины стояла, если не ошибаюсь, на землѣ Витебскаго архіерейскаго дома, Борисоглѣбская церковь, каменная. Она давно уже была покинута. Штукатурка на половину обвалилась. Крыша обветшала. У входа стоялъ часовой. Въ ней помѣщался долгіе годы пороховой складъ, пока, наконецъ, въ началѣ 90-хъ годовъ ее не продали на сломъ. Позорное пятно съ лицъ и учрежденій, которымъ вѣдать было должно охраненіе храма, было снято самымъ простымъ способомъ.

...Православная церковь въ нашемъ краѣ частію унаслѣдовала отъ уніи, частію получила при закрытіи католическихъ монастырей въ разное время и при конфискаціи костеловъ во время мятежа 1863 года немало церковныхъ зданій, обширныхъ по размѣрамъ, величественныхъ по архитектурѣ. Бѣдность православнаго населенія, невозможность, а можетъ быть,—судить трудно,—иногда и неумѣнье, и нежеланіе изыскать средства для поддержанія и ремонта дѣлаютъ то, что иногда эти великолѣпныя зданія вопіютъ на небо своимъ жалкимъ видомъ, пока на нихъ не обратитъ вниманіе начальство, и ремонтъ не произведутъ на казенный счетъ. Таковъ, не далеко ходить, Витебскій Успенскій Соборъ, въ несравненно большей степени Полоцкій Софійскій Соборъ. Къ утѣшенію любителей старины, впрочемъ, надо сказать, послѣдній уже ремонтируется, а первый стоитъ на очереди въ этомъ отношеніи... Не могу не вспомнить судьбу Ушачской церкви, Лепельскаго уѣзда. Во время польскаго мятежа Ушачскій костелъ былъ закрытъ, а въ началѣ 70-хъ годовъ переданъ въ вѣдомство православнаго исповѣданія и освященъ во им. Св. Александра Невскаго. Недолго въ немъ совершалось богослуженіе. Вскрѣ храмъ былъ заброшенъ. Отъ времени крыша и окна сильно пострадали. Запустѣніе дошло до того, что въ храмѣ ставили въ базарные дни лошадей. На печальную судьбу храма обратилъ вниманіе своею

газетною статьей Д. И. Довгялло, и по инициативѣ Св. Синода была отпущена крупная сумма на капитальный ремонтъ.

...Таковы результаты нашей бѣдности и некультурности для памятниковъ церковной старины.

Но бѣда была бы въ половину, если бы у насъ только пассивно относились къ работѣ стихій надъ памятниками старины.

Увы! на каждомъ шагу мы видимъ уже и человѣческую работу, направленную на разрушеніе родной старины, работу, въ основѣ которой лежитъ, какъ и во всѣхъ краяхъ нашего отечества **невѣжество** и притомъ, на еще большую бѣду, часто въ союзѣ съ **заботой о церковномъ благолѣпіи**.

Какой опасности, трудно предугадываемой для интеллигентнаго человѣка, подвергаетъ невѣжество памятники старины, поясню примѣрами.

...Въ одно изъ селъ Могилевской епархіи, гдѣ священствовалъ мой родственникъ, въ годы моего студенчества, ожидался пріѣздъ архіерея. Я проводилъ тамъ вакаціи. Привлекли и меня къ приготовленіямъ. Приводилъ я въ порядокъ церковную лѣтопись и т. п. Однажды, вечеромъ, дядя говоритъ: „сходи, пожалуйста, въ церковь. Тамъ дьякъ приводитъ въ порядокъ библіотеку. Помоги ему разобрать книги“. Иду. Въ полумракѣ, при свѣтѣ тоненькой восковой свѣчки, надъ столомъ, заваленнымъ грудами книгъ стоитъ съ глубокомысленнымъ видомъ псаломщикъ и время отъ времени со словами: «гэто у печку» швыряетъ на полъ книги, имѣющія особенно истрепанный, старый видъ. Я наклонился надъ образовавшейся уже довольно большой кучей книгъ, обреченныхъ на сожженіе, и, что же? въ одной изъ книгъ, оборванныхъ, безъ переплета, усматриваю рукописное евангеліе, да еще съ весьма характерными помѣтками одного изъ священниковъ XVIII столѣтія на поляхъ, помѣтками, имѣющими цѣнность для исторіи прихода. Итакъ, лишь благодаря счастливой случайности евангеліе уцѣлѣло и попало на храненіе въ Витебскій церковно-археологическій музей. *)

*) Съ грустью вспоминаю, какъ тогда же, благодаря моей опрометчивости и святой простотѣ моей тетушки погибъ цѣнный въ археологическомъ отношеніи предметъ. Во время генеральной чистки церкви я нашелъ среди разнаго хлама атлас-

...Съ содроганіемъ, помню, когда то слушалъ наивный разсказъ глубокаго старика-священника, какъ въ сѣняхъ его дома, бывшаго базиліанскаго кляштора, въ углу стояли портреты родовитыхъ фундаторовъ монастыря и храма; стояли, стояли, но въ одинъ прекрасный день онъ разсудилъ за ненадобностью бросить ихъ въ печь: „я не полагалъ“, говорилъ старикъ, „что они могутъ кому нибудь понадобиться“.

...Иногда приходится подивиться дикой настойчивости людей въ желаніи истребить историческій памятникъ, и, если не искать какихъ либо низкихъ побужденій, то—относить дѣйствія людей на счетъ чистаго варварства...

...Въ Задвинской Слободкѣ м. Бѣшенковичъ находилась церковь во имя Св. Николая Чудотворца. Построена она была въ послѣдней четверти XVIII столѣтія для удовлетворенія религіозныхъ нуждъ православнаго населенія русской пограничной таможни. Съ теченіемъ времени Николаевскій Бѣшенковичскій приходъ былъ упраздненъ и присоединенъ сперва къ приходу Михайловской, а потомъ вмѣстѣ съ послѣднею къ Ильинской церкви, находящейся въ самомъ мѣстечкѣ. Церковь преблагополучно стояла, очень медленно поддавалась дѣйствію времени, и при всемъ беззаботномъ отношеніи къ ней, вѣроятно, простояла бы и до сего дня... Въ началѣ 90-хъ годовъ возвращена была прилегающая къ Николаевской церкви огородная земля, взятая управленіемъ имѣнія гр. Хребтовича за ничтожную ругу. Казалось бы, создаются благопріятныя условія для возстановленія при церкви прихода, что и желательно было въ виду неудобства сообщенія для зарѣчныхъ прихожанъ съ церковью въ весеннее и осеннее время и крайняго много-

---

ный платочекъ (покровецъ), на которомъ весьма тонкимъ узловатымъ швомъ было вышито изображеніе Спасителя, лежащаго во гробѣ, и греческая надпись. Я въ числѣ другихъ предметовъ отобралъ этотъ платочекъ для передачи въ Витебскій церковно-археологическій музей. На бѣду платочекъ увидала тетушка и стала его просить у меня на время, чтобы завязать въ него обрѣзки галуновъ, бахромы, и т. п. получившіеся при починкѣ облаченій. Я упирался, но уступилъ увѣреніямъ тетушки, что она платочекъ сохранитъ въ цѣлости. Только я его и видѣлъ. Проѣхалъ архіерей. Начала тетушка искать узелочекъ, и не нашла. Вѣроятно, въ суматохѣ его бросили въ печь.

людства Бѣшенковичскаго прихода. Но не такъ случилось... Со стороны причта Бѣшенковичскаго прихода послѣдовало ходатайство предъ епархіальной властью объ уничтоженіи Николаевской церкви въ виду ея ветхости. Бѣшенковичскіе прихожане въ свою очередь возбуждаютъ ходатайство о сохраненіи древлеправославной святыни. Въ епархіальныхъ учрежденіяхъ дѣло затягивается. Однакоже, въ концѣ концовъ, указомъ консисторіи предписывается церковь снести. Тогда два ревнителя родной старины Н. Я. Никифоровскій и Д. И. Довгялло издаютъ подробное описаніе и исторію церкви, съ планомъ и снимками, и взываютъ о пощадѣ для историческаго памятника*). Надежда почтенныхъ дѣятелей, что ихъ вопль дойдетъ до кого слѣдуетъ, осталась тщетною. Указъ консисторіи былъ исполненъ, и отъ храма остались на мѣстѣ фундаменты, да въ Витебскомъ церковно-археологическомъ музеѣ иконостасъ.

...Человѣческое невѣжество, ради ничтожной корысти, за жалкіе гроши или въ обмѣнъ на дешевенькіе предметы церковнаго обихода, сбывало цѣнныя старинныя парчевыя облаченія съ не менѣе цѣнными галунами развозчикамъ церковныхъ вещей и на парчевыя фабрики—для добыванія изъ нихъ серебра. Такимъ образомъ, иногда ради нѣсколькихъ золотниковъ серебра гибли рѣдкіе образцы парчей и галуновъ.

Словомъ, трудно и перечесть всѣ способы, которыми невѣжество уничтожало церковную старину.

...Случайное, но также очень характерное для нравовъ и порядковъ нашего отечества обстоятельство лишило, по разсказамъ А. П. Сапунова, многія церкви Полоцко-Витебскаго края значительнаго количества цѣнныхъ предметовъ церковной старины.

Въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія на витебскомъ горизонтѣ появился не безызвѣстный въ Западномъ Краѣ минскій антикварій, quasi ученый Татуръ, коллекціонеръ и, какъ поговаривали, поставщикъ заграницу (въ Германію) предметовъ старины. Представившись архіерею (пр. Антонинъ) и губернатору (кн. Долгоруковъ),

---

*) Н. Я. Никифоровскій и Д. И. Довгялло. Никольская церковь въ Задвинской Слободкѣ м. Бѣшенковичъ, Лепельскаго у.. Витебскъ, 1899 г. (отд. отт. изъ №№ 3—5 Пол. Еп. Вѣд. 1899 г.).

онъ предъявилъ выданный ему въ Св. Синодѣ открытый листъ, въ которомъ предлагалось мѣстнымъ духовнымъ и гражданскимъ властямъ оказывать ему всяческое содѣйствіе въ его дѣятельности по церковной археологіи. Сомнительно казалось нашимъ мѣстнымъ властямъ... Предъявитель былъ лицомъ польскаго происхожденія и римско-католическаго вѣроисповѣданія, а православный Святѣйшій Синодъ пускалъ его хозяйничать въ православныхъ церквахъ. Но... Петербургъ велитъ, надо слушаться. Архіерей—духовенству, губернаторъ—администраціи предписали содѣйствовать во всемъ Татуру... Духовенство принимало Татура уже чуть не какъ начальство и пассивно созерцало его дѣятельность. А дѣятельность эта состояла въ изъятіи изъ церквей и обращеніи въ личную собственность безвозмездно наиболѣе цѣнныхъ въ археологическомъ отношеніи предметовъ. И нужно отдать справедливость: Татуръ воспользовался въ полной мѣрѣ данными ему правами и произвелъ основательную чистку церквей въ отношеніи церковной старины...Когда не много времени спустя А. П. Сапуновъ и Е. Р. Романовъ посѣтили витебскія церкви съ цѣлію отобрать для учреждавшагося церковно-археологическаго музея предметы церковной старины, то убѣдились, что ихъ трудъ очень облегчилъ Татуръ. Когда, просматривая старыя описи, они находили то или другое интереснымъ для музея и спрашивали у священниковъ, то зачастую слышался отвѣтъ: «взялъ Татуръ». Или же священники говорили: „вотъ, у насъ было еще то-то и то-то, но забралъ Татуръ". А то видятъ старинное цѣнное облаченіе, но обезображенное: съ него спорото оплечье.—„Оплечье было шитое. Оно понравилось Татуру, и онъ спорол̆ъ его и забралъ"...

...О если бы мы могли быть увѣрены, что и въ наше время церковная старина, столь ревностно оберегаемая духовнымъ вѣдомствомъ отъ попаданія въ общественные музеи, не состоящіе въ духовномъ вѣдомствѣ (какъ, напримѣръ, нашъ музей Архивной Комиссіи), обезопашена была и отъ поползновеній подобныхъ Татуру, покровительствуемыхъ свыше, гастролеровъ по части церковно-археологическихъ цѣнностей...

...На бѣду для церковной старины въ союзъ, невѣжествомъ, особенно за послѣднія десятилѣтія вошла еще **любовь къ церковному благолѣпію**. И пошла ломка стараго, представлявшагося ретивымъ не-

вѣждамъ некрасивымъ и замѣна новымъ, зачастую топорнымъ, аляповатымъ, но блестящимъ...

Для примѣра возьмемъ хоть Полоцкъ, а потомъ перейдемъ и въ Витебскъ.

...Извѣстно, что древняя церковь Св. Спаса въ Полоцкомъ Евфросиніевскомъ монастырѣ до передачи ея въ вѣдомство православнаго исповѣданія сохраняла древнюю стѣнную роспись. Роспись эта сильно пострадала и отъ времени, а еще больше отъ рукъ іезуитскихъ учениковъ (монастырь долгое время принадлежалъ іезуитамъ). Въ видахъ церковнаго благолѣпія, при обновленіи храма, стѣны церкви были покрыты краской. Неизвѣстно, закрашена ли только, или же стерта совсѣмъ древняя стѣнопись.

Въ 90 годахъ прошлаго столѣтія на синодальныя суммы производился капитальный ремонтъ Полоцкаго Николаевскаго Собора. При передѣлкѣ въ царствованіе Императора Николая I этого храма изъ костела поставленъ былъ (для главнаго алтаря) невысокій, одноярусный иконостасъ, весьма тонкой изящной работы, своими пропорціями, линіями и деталями вполнѣ гармонировавшій со внутренней отдѣлкой храма. Иконы были прекрасной академической живописи (помнится, напримѣръ, иконы на царскихъ дверяхъ—копіи съ таковыхъ же Петербургскаго Казанскаго Собора—кисти Боровиковскаго). Распорядители ремонта озабочены были, куда подѣть деньги и чѣмъ бы пріукрасить соборъ. И вотъ, рѣшили, что старый иконостасъ малъ и некрасивъ, притомъ не въ русскомъ стилѣ. Убрали старый, соорудили новый, выше раза въ 2 противъ прежняго, аляповатой, ремесленной работы въ quasi русскомъ стилѣ съ ремесленническаго же производства иконами. Дисгармонія главнаго иконостаса съ боковыми и со всей отдѣлкой собора рѣжетъ глазъ.

Не лучше обстояло дѣло и въ Витебскѣ. Въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ Витебскомъ Марковомъ монастырѣ настоятельствовалъ архимандритъ Иларіонъ, употребившій около двухъ десятковъ тысячъ личныхъ средствъ на украшеніе и передѣлку монастырскихъ храмовъ. Въ своемъ усердіи онъ исказилъ шатровые верхи древней Троицкой церкви, измѣнилъ форму главъ, уничтожилъ шатровыя крыльца, уменьшилъ высоту окружа-

ющей храмъ галлереи. Внутри храма не только перекрасилъ и перезолотилъ заново иконостасъ, но и уничтожилъ грандіозные боковые кіоты, замѣнивъ ихъ иконостасами для предполагавшихся придѣльныхъ алтарей, снялъ сѣнь надъ жертвенникомъ, уничтожилъ старый ходъ на хоры (въ южной части храма), наружная стѣна котораго была покрыта росписью, взамѣнъ его устроилъ ходъ и, для симметріи, кладовушку въ западной части храма, закрывъ при этомъ часть стѣнописи. Мало того, онъ и вовсе собирался уничтожить стѣнную роспись, но отъ этого удержали его нашъ историкъ А. П. Сапуновъ и Е. Р. Романовъ.

Въ началѣ 90-хъ годовъ причтъ и староста военной Николаевской церкви, построенной въ 1779 г., для русскаго гарнизона комендантомъ гр. Минихомъ, рѣшили замѣнить новымъ старый иконостасъ, легкій, высокій, уходившій въ куполъ, прекрасной работы въ стилѣ Рококо, съ весьма приличной итальянской живописью. И вотъ, на мѣсто стараго явился новый, дубовый, тяжелый, приземистый, крайне грубой работы съ иконами на рѣдкость аляповато написанными, съ техникой, достойной мастера вывѣсокъ. Старый иконостасъ свалили въ сарай въ надеждѣ найти покупателей. Увы! покупатель не нашелся, и иконостасъ пошелъ на дрова. Когда сожгли остовъ иконостаса и всѣ рѣзныя украшенія, начали употреблять на топливо и иконы. Къ счастью, съ назначеніемъ нынѣшняго настоятеля церкви остатки иконостаса были спасены. Иконы размѣщены по стѣнамъ церкви, а царскія двери, единственное, что уцѣлѣло отъ рѣзьбы,— на горнемъ мѣстѣ придѣльнаго храма.

Въ концѣ 90-хъ годовъ изящный иконостасъ Витебскій Іоанно-Богословской церкви, перенесенный сюда изъ Витебскаго Николаевскаго собора, представлявшій собою какъ бы портикъ зданія, съ пилястрами коринѳскаго ордера и тонкой рѣзьбой царскихъ дверей, съ иконами итальянскаго письма, рѣшено было преобразовать на русскій стиль. Остовъ иконостаса, карнизы, рѣзныя украшенія, царскія двери оставлены были въ неприкосновенности, но пилястры замѣнены полуколонками, если можно такъ назвать какія то вычурныя комбинаціи изъ полукруговъ, четыреугольниковъ и пр., нагроможденныхъ другъ на друга и изукрашенныхъ херувимами, а

надъ мѣстными иконами устроены въ томъ же якобы русскомъ стилѣ, балдахины. Иконамъ придали золотой чеканный фонъ; лики прописаны свѣтлыми красками, а одежды яркой красной и синей. Вообразите, какія пестрота и смѣшеніе получились!

Въ самое недавнее время тяжелая рука любителей церковнаго благолѣпія налегла и на Витебскую Петропавловскую церковь (построена въ концѣ XVIII столѣтія, освящена въ началѣ XIX митрополитомъ Ираклiемъ Лисовскимъ). И вотъ, правда, поблекшая, но очень хорошая стѣнная роспись итальянскаго письма замазана, и стѣны окрашены въ ярко розовый колеръ „подъ мраморъ“, а своды подъ звѣздное небо: послѣднее слово шика! Иконостасъ стиля Рококо, отличавшійся замѣчательно удачнымъ сочетаніемъ цвѣтовъ, при чемъ фонъ былъ зеленый подъ малахитъ, мѣстами (напр. пилястры) красноватый съ золотыми тѣнями, позолота рѣзьбы и рамъ матовая, нѣжная, а въ цѣломъ получалось впечатлѣніе свѣжести, живости,—иконостасъ густо раззолоченъ «подъ полиментъ»; фонъ окрашенъ въ однообразный мертвенный голубовато—сѣрый цвѣтъ; иконы хорошаго итальянскаго письма безъ всякой нужды и въ ущербъ ансамблю замѣнены новыми, правда, приличнаго письма, но шаблонными; прекрасный запрестольный массивный кіотъ съ сквозными рѣзными колонками и иконой Св. апп. Петра и Павла замѣненъ намозолившей глаза въ Витебскихъ церквахъ, почему то излюбленной въ нашей епархіи за послѣдніе годы для помѣщенія за престоломъ вопреки всякимъ традиціямъ православной церкви (традиціонныя изображенія: Тайная Вечеря, Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, въ позднѣйшее время—Св. Троица, Воскресеніе Христово), копіей съ картины Бруни «Моленіе о чашѣ»—въ широкой багеткой рамѣ. Кіотъ, вѣроятно, помѣщенъ на чердакѣ или въ кладовой.

При этомъ въ притворѣ были закрашены надписи о построеніи и освященіи церкви.

И такой, по истинѣ варварскій въ художественномъ и церковно-археологическомъ смыслѣ, ремонтъ продѣланъ былъ на глазахъ и съ одобренія епархіальной власти, въ то время, какъ приглашенною тою же епархіальною властью комиссіей изъ свѣдущихъ лицъ (въ числѣ ихъ былъ и А. П. Сапуновъ) выработаны были сообразно съ задачами искусства и

археологіи весьма опредѣленныя директивы для ремонта... Но невѣжество и безвкусіе всегда увѣрены въ своей правотѣ, и что для нихъ указанія спеціалистовъ...

Разумѣется, раскaзанное мною, извѣстное мнѣ составляетъ только ничтожную частичку въ работѣ надъ разрушеніемъ церковной старины. И тутъ, и тамъ то уродуютъ до неузнаваемости, то прямо таки сваливаютъ въ кладовыя, сараи и на чердаки церковную старину, предметы нерѣдко высокаго изящества (напр. въ Витебской Задунавской церкви на площадкѣ лѣстницы, ведущей на колокольню, лѣтъ шесть тому назадъ я видѣлъ прекрасной работы царскія двери), и тамъ все это покрывается пылью, гніетъ, разваливается, пока случайно какой либо любитель старины не вытянетъ на свѣтъ Божій...

Таже исторія впрочемъ, повторяется и во всѣхъ концахъ нашего отечества. И въ центральныхъ губерніяхъ, и на далекомъ Сѣверѣ чердаки и кладовыя церквей завалены художественными и историческими драгоцѣнностями, въ то время какъ храмы наполняются произведеніями ремесленническаго производства, грубыми, шаблонными, безъидейными...

Но нашъ край въ дѣлѣ разрушенія старины имѣлъ и имѣетъ еще одного могучаго фактора, стершаго съ лица земли безконечное множество памятниковъ церковнаго зодчества, иконописи, утвари и пр. Разумѣю неразумную **ревность по вѣрѣ**.

При польско-католическомъ владычествѣ въ усиленной степени проявляли ее католики, старательно уничтожая слѣды православія, настолько старательно, что нашъ край сохранилъ меньше памятниковъ православно-русской старины, чѣмъ края, по которымъ прошли дикія полчища татаръ и надъ которыми тяготѣло вѣковое татарское иго.

...Приведу одинъ наглядный примѣръ, какъ относилось римско-католическое духовенство къ попавшимъ въ ихъ руки православнымъ святынямъ.

„Послѣ изгнанія іезуитовъ“ пишетъ А. П. Сапуновъ,*) храмъ „Св. Спаса въ Полоцкомъ Евфросиніевскомъ монастырѣ**) (бывшій до

---

*) А. Сапуновъ. Памятники временъ древнихъ и новѣйшихъ въ Витебской губерніи. Витебскъ, 1903 г. стр. 9.

**) О немъ см. выше.

1832 года въ вѣдѣніи піаровъ, находился въ самомъ жалкомъ видѣ"

„Храмъ стоялъ безъ оконъ и дверей, стѣнная древняя живо-„пись была во многихъ мѣстахъ попорчена выцарапанными на ней. „(руками іезуитскихъ воспитанниковъ) надписями, вродѣ: «кривоустъ» „косоглазъ" и т. п. На многихъ иконахъ глаза святыхъ были выко-„лоты. Слѣды пуль видны были въ ликѣ благословляющаго Спасите-„ля въ куполѣ и въ образѣ Знаменія въ кельѣ преп. Евфросиніи"...

Таково было отношеніе къ православной древней святынѣ въ самомъ центрѣ католическаго просвѣщенія, на глазахъ у генераловъ іезуитскаго ордена (въ бывшемъ монастырѣ Св. Спаса находилась лѣтняя ихъ резиденція).

...По возсоединеніи уніатовъ съ православною церковью, отчасти и до него, началась работа по приданію храмамъ Западнаго Края православнаго вида: устраивали иконостасы, гдѣ ихъ не было, замѣняли уніатскія утварь (католическаго образца), богослужебныя книги православными, и пр. Но все это первые дѣятели по возсоединенію митрополитъ Іосифъ Сѣмашко, Василій Лужинскій*) Антоній Зубко и изъ древле православныхъ еп. Исидоръ (впослѣдствіи митрополитъ С. Петербургскій) вели съ мудрою постепенностью и съ умѣніемъ отличать существенное отъ несущественнаго и западно-русское православное—отъ католическаго.—При томъ они и не имѣли въ виду совершенно неразумной цѣли стереть поучительные слѣды пережитаго православнымъ западно-русскимъ населеніемъ. По этому, въ поуніатскихъ храмахъ въ это время наряду съ высокими иконостасами можно было видѣть боковые алтари католическаго типа, статуи, наряду съ православнаго образца сосудами—уніатскіе; оставались на своемъ мѣстѣ и служили своей цѣли амвоны для проповѣдниковъ, и пр., и пр., и все это не мѣшало постепенному росту православнаго и русскаго самосознанія въ духовенствѣ и народонаселеніи Края. Какой степени достигъ этотъ ростъ въ теченіи немно-

---

*) О дѣятельности въ этомъ отношеніи Архіепископа Василія Лужинскаго— въ предѣлахъ нашей епархіи см. книгу: "Прот. Г. Шавельскій. Последнее возсоединеніе съ православною церковію уніатовъ Бѣлорусской епархіи. С.-Петербургъ, 1910 г.

гихъ десятилѣтій показалъ 1863 годъ, когда шляхта встрѣтила дружный отпоръ въ западно-русскомъ народѣ.

Съ 1866 года для церковной старины Полоцко-Витебскаго края наступили лихія времена. Въ этомъ году на Полоцкую Каѳедру вмѣсто отозваннаго для присутствованія въ Св. Синодѣ архіеп. Василія Лужинскаго былъ назначенъ изъ Московскихъ викаріевъ епископъ Савва.

Преосвященный Савва, впослѣдствіи архіепископъ Тверской, былъ личностью, далеко не заурядною среди іерарховъ Русской Церкви. Въ церковно-исторической наукѣ его имя еще при жизни пріобрѣло извѣстность благодаря изданному имъ весьма тщательно составленному описанію Московской патріаршей ризницы, а также многолѣтнимъ трудамъ по собиранію, систематизаціи и редактированію мнѣній и отзывовъ, резолюцій и писемъ Филарета, митрополита Московскаго, собраніе которыхъ составило многотомныя изданія. Свою любовь къ знанію преосвящ. Савва засвидѣтельствовалъ составленіемъ громадной, преимущественно богословской и церковно-исторической библіотеки, оставленной имъ Московской Духовной Академіи. Оставленныя имъ и изданныя посмертно колоссальныя по объему автобіографическія записки, не говоря уже о ихъ значеніи какъ историческаго матеріала,—самымъ фактомъ своего существованія характеризуютъ личность архипастыря съ точки зрѣнія работоспособности и пунктуальности. Въ самомъ дѣлѣ, только человѣкъ до крайности пунктуальный въ состояніи былъ бы въ теченіе всей жизни неопустительно собирать документальныя данныя для своей автобіографіи: и не только документы высокаго историческаго значенія, но и всѣ, даже самыя ничтожныя и по содержанію (сплетни), и по источнику происхожденія письма, а также телеграммы, даже простого поздравительнаго содержанія; снимать копіи съ отправляемыхъ имъ самимъ бумагъ, писемъ и телеграммъ; все это хранить и содержать въ порядкѣ; и только чрезвычайная работоспособность въ состояніи была систематизировать этотъ матеріалъ въ хронологическомъ порядкѣ и изложить вмѣстѣ съ воспоминаніями и характеристиками въ видѣ болѣе или менѣе стройнаго цѣлаго.

Что преосвященный Савва не только въ кабинетной работѣ, но

и въ своей архипастырской дѣятельности отличался тою же пунктуальностью и основательностью, объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочими другими, и такой примѣръ изъ его Записокъ.—Преосвященный обратилъ вниманіе на то, что въ Витебскомъ каѳедральномъ соборѣ облаченія священнослужителей, напрестольныя одежды и пр. не отличаются гармоническимъ сочетаніемъ цвѣтовъ, и сплошь и рядомъ завѣдующія этимъ лица неудачно въ этомъ отношеніи подбираютъ вещи одну къ другой, напримѣръ, цвѣтъ подризника не гармонируетъ съ цвѣтомъ ризы. Преосвященный рѣшилъ положить этому конецъ, но какъ человѣкъ основательный не положился въ этомъ дѣлѣ на себя и своихъ непосредственныхъ помощниковъ, а отнесся за указаніями въ соотвѣтствующую инстанцію. Но кто же можетъ въ такомъ тонкомъ дѣлѣ, какъ гармонія цвѣтовъ въ одеждахъ, быть наиболѣе компетентными, какъ не дамы? И вотъ преосвященный Савва обратился къ благочестивымъ Московскимъ дамамъ съ письменной просьбой о томъ, чтобы онѣ, посовѣтовавшись между собою, составили бы таблицу цвѣтовъ, гармонирующихъ другъ съ другомъ. Просьба была обязательно исполнена, и трудъ Московскихъ дамъ запечатлѣнъ для церковно-исторической науки въ Запискахъ преосвященнаго. Тамъ приведена таблица цвѣтовъ, составленная въ такомъ, приблизительно, видѣ: розовый цвѣтъ гармонируетъ съ голубымъ, зеленымъ, крэмъ и т. д.; красный цвѣтъ гармонируетъ съ желтымъ и т. д.—Таблица принята была преосвященнымъ къ свѣдѣнію и руководству для Витебскаго каѳедральнаго собора...

Если такой, повидимому, маловажный предметъ вызвалъ столько заботъ и столько самой тщательной, пунктуальной работы со стороны преосвященнаго Саввы, то можно ли думать, чтобы насущные запросы и нужды церковной жизни оставались безъ разработки, во много кратъ болѣе пунктуальной и тщательной?

Упомянутыя качества преосвященнаго Саввы, несомнѣнно выдѣлявшія его среди современниковъ-архипастырей, поставили бы его въ ряду знаменитѣйшихъ іерарховъ не только Русской, но и Вселенской церкви всѣхъ временъ, если бы онѣ сочетались съ глубиной и широтой мысли и богословско-научнаго и нравственно-практическаго воззрѣнія.

Но этого то ему и не доставало. При богатыхъ фактическихъ свѣдѣніяхъ въ области богословской и церковно-исторической преосвященный Савва сохранилъ школьную узость взглядовъ по богословскимъ и церковно-практическимъ вопросамъ и въ выработкѣ сужденій о разныхъ сторонахъ церковной жизни держался въ рамкахъ „мнѣній и отзывовъ“ митрополита Московскаго Филарета. Что касается общаго уклада и внѣшнихъ формъ церковно-религіознаго быта и богослуженія, то преосвященный Савва былъ строгимъ охранителемъ и насадителемъ православія, притомъ въ очень узкомъ смыслѣ, то есть, все, чему онъ не находилъ соотвѣтствія въ родныхъ ему губерніяхъ Владимірской и Московской, представлялось ему противорѣчащимъ духу православія и заслуживающимъ неуклоннаго и немедленнаго искорененія.

Поэтому, и къ личностямъ, и къ дѣятельности первыхъ дѣятелей по возсоединенію уніатовъ, дѣйствовавшихъ съ мудрой постепенностью и строгимъ различеніемъ существеннаго и второстепеннаго, въ особенности же къ своему непосредственному предшественнику по епархіи Высокопреосвященному Василію*), преосвященный Савва от-

*) „Образъ Бѣлорусскаго возсоединителя“, пишетъ въ своей книгѣ прот. Г. Шавельскій, „вышелъ изъ подъ его пера (преосвященнаго Саввы въ его запискахъ) очень непривлекательнымъ; индиферентъ, или въ лучшемъ случаѣ католикъ по ре„лигіознымъ убѣжденіямъ, полякъ по политическимъ симпатіямъ, не только не сдѣ„лавшій ничего для утвержденія православія, но даже гнавшій и преслѣдовавшій „все православное, такимъ или почти такимъ рисуетъ пр. Василія его преемникъ.., „Слишкомъ рѣзкій отзывъ пр. Саввы объ убѣжденіяхъ пр. Василія и его управле„ніи епархіею, могущій набросить мрачную тѣнь подозрѣнія и на „возсоединитель„ное прошлое“ пр. Василія, требуетъ, чтобы мы не оставили его безъ необходимыхъ „на нашъ взглядъ поясненій. Трудно указать всѣ мотивы, чувства и побужденія, „подъ вліяніемъ которыхъ сложился въ представленіи пр. Саввы образъ его пред„шественника. Тутъ играли роль *и строго уставныя убѣжденія* (курсивъ вездѣ нашъ) „бывшаго московскаго викарія, владимірца по рожденію, очень часто у подобныхъ „людей *доходящія до фанатизма, до ненависти ко всему, не укладывавшемуся въ рамки „устава и „древняго благочестія*“; тутъ играли роль и довольно обычныя въ жизни „*чувства недовольства преемниковъ предшественникамъ, неумѣренной критики и строго„сти* первыхъ къ дѣйствіямъ послѣднихъ; тутъ же имѣли значеніе и *навѣты подчи„ненныхъ, льстившихъ новому владыкѣ и унижавшихъ прежняго* и довѣрчивость къ нимъ

носился съ непреодолимой антипатіей и безпощадной, но далеко не безпристрастной и не тщательно освѣдомленной критикой. Въ мѣстныхъ церковныхъ дѣятеляхъ преосвящ. Савва въ лучшемъ случаѣ усматривалъ людей, стремящихся, но еще достигшихъ въ своей жизни и дѣятельности того православія, какое наблюдается въ Великороссійскихъ епархіяхъ*), недовѣрковъ, въ худшемъ случаѣ лицемѣровъ и затаенныхъ уніатовъ.

„пр. Саввы; тутъ наконецъ оказали свое вліяніе и *личные счеты* епископовъ... и коe-„что другое. Грѣхъ пр. Саввы въ томъ состоитъ, что онъ поддался этимъ вліяніямъ и измѣрялъ личность пр. Василія только по опредѣляемому ими масштабу, не сдѣ-„лавъ усилія провѣрить свое измѣреніе болѣе объективнымъ способомъ. Увлеченіе „пр. автора при этомъ иногда доходило *до курьезовъ*.

„Укажемъ на слѣдующій примѣръ. Преосв. Савва объясняетъ православный „образъ мыслей и дѣйствій митр. Іос. Сѣмашки тѣмъ, что, по словамъ послѣдняго, „во время его обученія въ главной семинаріи, были приняты по богословскимъ нау-„камъ учебники, употреблявшіеся въ австрійскихъ университетахъ и составленные „подъ вліяніемъ духа царствованія Іосифа II, направленные противъ злоупотребле-„ній папской власти. Объясненіе - исторически естественное и основательное. Но „антогонизмъ къ своему предшественнику заставилъ преосвященнаго автора пойти „дальше и запутаться въ сѣтяхъ противорѣчія. „А не тѣ, прибавимъ отъ себя—про-„должаетъ преосв. Савва,—какіе употреблялись въ прежнее время, когда воспитывал-„ся въ томъ же Виленскомъ университетѣ В. Лужинскій, т. е. проникнутые насквозь „духомъ іезуитскимъ“. Между тѣмъ Сѣмашко и Лужинскій были товарищами по „скамьѣ, въ 1816 году поступившими, а въ 1820 году окончившими курсъ главной „семинаріи. Вообще надо сказать, что если бы пр. Савва спокойнѣе и объективнѣе „отнесся къ пр. Василію и не бросалъ бы обвиненій, не провѣривши ихъ справед-„ливость,—онъ многое изъ сказаннаго имъ не предалъ бы гласности и на многое „казавшееся въ пр. Василіи преступнымъ, измѣнилъ бы свой взглядъ“...

Прот. Г. Шавельскій. Послѣднее возсоединеніе съ православной церковью уніатовъ Бѣлорусской епархіи. С.-Петербургъ, 1910 г., введеніе стр. XXII—XXII.

*) Съ чувствомъ глубокаго превосходства преосвящ. Савва отмѣчаетъ всѣ уклоненія въ быту Западно-русскихъ архіереевъ отъ установившагося въ Великоруссіи уклада архіерейской жизни. Описывая, напримѣръ, свой пріѣздъ въ Вильну для свиданія съ митрополитомъ Іосифомъ Сѣмашко, онъ съ благодушной ироніей изображаетъ, въ какое затруднительное положеніе поставленъ былъ маститый старецъ, самъ употреблявшій мясную пищу, узнавъ о пріѣздѣ строгаго постника-епископа изъ православной Москвы, и сколькихъ хлопотъ стоило достать для него рыбокъ и состряпать скудный постный обѣдъ. Преосвящ. Савва при этомъ упустить изъ виду, что преосвящ. Іосифъ (какъ и другіе возсоединенные архіереи) не былъ

А такъ какъ и жизнь, и люди Западнаго Края оказали при первой встрѣчѣ съ ними преосвященнаго Саввы пассивное (а иногда и активное) противодѣйствіе проведенію въ жизнь его взглядовъ и симпатій, то не удивительно, что преосвящ. Савва, отличавшійся при томъ чрезвычайно острымъ самолюбіемъ и отсутствіемъ самокритики, если не принесъ, то на мѣстѣ воспиталъ въ себѣ, доходящую подчасъ до ненависти, антипатію ко всему мѣстному, начиная съ обрядовъ и церковной обстановки и кончая людьми, сохранившими хоть тѣнь независимости сужденія и дѣйствія.

Изъ сказаннаго понятно уже, каково могло быть отношеніе преосвящ. Саввы къ мѣстной церковной старинѣ, въ значительной степени уніатской, и во всякомъ случаѣ Западно-русской, а не Московской.

Ее начали безпощадно искоренять.

Прежде всего и больше всего налегли на скульптурныя изображенія, усматривая въ нихъ высшую точку проявленія католическаго духа*), хотя стоящій внѣ всякаго подозрѣнія относительно чистоты и истовости православія Русскій Сѣверъ полонъ скульптурными изображеніями въ своихъ храмахъ и хотя въ бытность Московскимъ викаріемъ преосвящ. Савва, вѣроятно, неоднократно прикладывался къ статуѣ **Никола Можайскій**, чтимой въ Москвѣ какъ чудотворная икона. Кладовыя, чердаки и подвалы церквей завалены были статуями. А исполнители наиболѣе ретивые даже жгли ихъ.—Рѣзнымъ распятіямъ оказано было снисхожденіе (можетъ быть, въ виду того, что снятіе ихъ съ мѣста слишкомъ чувствительно отзывалось на религіозныхъ чувствахъ народа): имъ только «распиливали ножки**)». Эта послѣдняя

монахомъ, а былъ возведенъ въ архіерейскій санъ изъ бѣлыхъ священниковъ безъ предварительнаго постриженія въ монахи (по обычаю уніатской церкви, согласному съ древней практикой Вселенской церкви и нынѣшней Греческой), а, во вторыхъ, что даже и въ монастыряхъ Западнаго края было разрѣшено высшей церковной властью употребленіе мясной пищи.

*) То правда, что скульптурныя изображенія больше привились на Западѣ, а Восточная церковь ихъ избѣгала. Однакоже нужно замѣтить, что одна изъ первыхъ извѣстныхъ иконъ, изображеніе Спасителя, поставленное Имп. Константиномъ Великимъ на воротахъ Константинополя,—было *скульптурное*.

**) По католическому преданію ноги Спасителя были пригвождены однимъ

мѣра вошла даже въ мѣстные анекдоты, какъ свидѣтельствуетъ статья «Изъ воспоминаній о прошломъ», напечатанная въ Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ за 1879 годъ *). „На нѣкоторомъ обѣдѣ одно высокопоставленное лицо выразило сожалѣніе, что не прибылъ владыка ...скій. «Не досугъ ему», отвѣчало другое высокопоставленное лицо: «занятъ весьма важнымъ дѣломъ».—Какимъ такимъ весьма важнымъ?—«Спасителю ноги **распиливаетъ** (намекъ на передѣлку рѣзныхъ распятій), былъ отвѣтъ». Боковые алтари католическаго образца были подвергнуты удаленію къ великому смущенію и горю прихожанъ, особенно стариковъ, не подозрѣвавшихъ, что эти алтари наносятъ ущербъ православію. Приняты были мѣры и къ уничтоженію амвоновъ для проповѣдниковъ, хотя ни по существу, ни по исторіи происхожденія, какъ можно видѣть изъ ранѣе сказаннаго, въ нихъ ничего нельзя усматривать противнаго православію, а съ практической точки зрѣнія имъ нельзя отказать въ цѣлесообразности, и хотя преосв. Савва могъ видѣть ихъ въ храмахъ Петербурга, въ частности, въ тѣхъ, гдѣ собирается на торжественное служеніе Св. Правительствующій Си-

---

гвоздемъ, будучи положены одна на другую. Распятія въ уніатскихъ церквахъ были устроены сообразно этому преданію. Чтобы привести ихъ въ согласіе съ православнымъ преданіемъ, и приходилось прибѣгать къ распиливанію.

*) Церк.-Общ. Вѣстникъ, 1879 г., № 14, стр. 5. Статья эта была напечатана безъ указанія мѣста дѣйствія и, разумѣется, безъ подписи автора. Духовенство Полоцкой епархіи однакоже безъ труда узнало въ статьѣ свою епархію и образъ преосвящ. Саввы. Оо. депутаты епархіальнаго съѣзда 1880 г. обратили вниманіе на эту статью. „Хотя въ статьѣ не обозначено ни мѣста, ни времени дѣйствія, и не названы лица, тѣмъ не менѣе съѣздъ нашелъ, что эта статья касается именно Полоцкой епархіи. Съѣздъ постановилъ: просить довести до надлежащаго свѣдѣнія, что съѣздъ признаетъ написанное въ такой-то статьѣ клеветой, ибо ничего подобнаго въ епархіи и консисторіи (откуда депутаты подобное узнали?) не было и всѣ дѣйствія лица, къ которому статья будто бы относится были благія и т. п...,—благодарить его за заботы о духовенствѣ и выразить сожалѣніе о незаслуженномъ оскорбленія его неизвѣстнымъ составителемъ статьи". Церк.-Общ. Вѣстн., 1880 г. № 20 стр. 3. „То-то порадовали", замѣчаетъ по этому поводу другой корреспондентъ Ibid. стр. 5. „Преосвященнѣйшій, получивши этотъ адресъ, изволилъ выразить подписавшимъ его свою искреннюю благодарность за добрую память о немъ (отнош. отъ 23 февраля № 1507)". Ibid. № 47—48, стр. 5. (Опроверженіе корреспонденцій за подписью свящ. А. Гнѣдовскаго).

нодъ (Исакіевскій, Казанскій соборы). Полы въ алтаряхъ и клиросы подверглись также передѣлкѣ для приведенія въ соотвѣтствіе съ устройствомъ ихъ въ Великороссійскихъ епархіяхъ. Съ итальянской живописью, скрѣпя сердце, пришлось помириться, такъ какъ иначе пришлось бы вынести изъ церквей или переписать вновь большинство иконъ; впрочемъ, гдѣ позволяли средства, тамъ иконы итальянскаго письма удалялись и замѣнялись новыми, претендовавшими на православіе: написанными на золотомъ фонѣ. Такъ, изъ каѳедральнаго собора при ремонтѣ его удалена была икона „Снятіе со креста“, приписываемая Сальватору Розѣ. Она нашла себѣ мѣсто въ Петропавловской церкви, а въ настоящее время, переживъ нѣсколько доморощенныхъ реставрацій, въ результатѣ которыхъ краски растрескались и въ значительной степени осыпались, помѣщена въ Витебскомъ церковно-археологическомъ музеѣ. Наконецъ, и наружный видъ храмовъ стали подвергать измѣненію съ цѣлью придать имъ православный видъ: воздвигались купола (деревянные наружные) тамъ, гдѣ ихъ не было; верхамъ башенъ придавался видъ русскихъ главъ. Конечно, при этомъ получалась дисгармонія и смѣшеніе стилей, а иногда и вопіющія архитектурныя несообразности, когда, напримѣръ куполъ устраивался надъ базиликой, не имѣющей поперечнаго нефа (куполъ въ базиликахъ, какъ говорилось выше, устраивается на пересѣченіи средняго продольнаго и поперечнаго нефовъ), а состоящей только изъ продольныхъ (какъ это, напримѣръ, имѣетъ мѣсто въ Витебской Покровской церкви), или установка его не сообразована съ расположеніемъ пилястровъ, раздѣляющихъ боковые фасады (такъ обстоитъ дѣло въ Витебской Рынковой Воскресенской церкви). Наиболѣе радикальной передѣлкѣ подверглись въ Витебскѣ каѳедральный Николаевскій соборъ и Св. Духовская церковь. Въ первомъ были заложены прежнія широкія окна и устроены новыя маленькія; верхній ярусъ башенъ былъ снятъ; фасады передѣланы. Въ Св. Духовской церкви также передѣланы окна, разобраны двѣ переднія башни и взамѣнъ ихъ построена высокая колокольня въ русскомъ стилѣ; но куполъ оставленъ въ прежнемъ видѣ и плохо согласуется съ фасадами и колокольней.

...Таковъ былъ тонъ, заданный преосвящ. Саввой, въ отноше-

ніи къ мѣстной старинѣ. Немало памятниковъ старины и искусства было погублено и изуродовано. Но зло, причиненное преосвящ. Саввою мѣстной церковной старинѣ не исчерпывается тѣмъ, что сдѣлано непосредственно имъ и по его распоряженію, и въ угоду ему за немногіе годы пребыванія его на Полоцкой каѳедрѣ. Болѣе глубокое зло, дающее себѣ чувствовать и по настоящее время, это духъ **презрѣнія** къ родной старинѣ и духъ узкаго **фанатизма**, внесенный имъ въ среду мѣстнаго духовенства, да и нѣкоторой части мірянъ. Чтобы не утомлять многими примѣрами въ этомъ отношеніи за недавнее сравнительно время, укажу только, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Полоцкаго Николаевскаго собора удалена въ Софійскій высокохудожественная картина приписываемая Сальватору Розѣ, изображающая побіеніе Св. Первомученика Стефана камнями. Причина удаленія та, что чувство ревнителей православія смущалось видомъ мученика, напоминающимъ католическаго ксендза. И вотъ, полное жизни и движенія, способное доставить высокое художественное наслажденіе произведеніе искусства загнано въ заброшенный, холодный и сырой Софійскій соборъ, а, когда и послѣдній будетъ капитально ремонтированъ и станетъ мѣстомъ постояннаго богослуженія, то чувству ревности о православіи будетъ новая забота, куда бы еще загнать эту картину... Припоминаю, какъ лѣтъ 25 назадъ въ томъ же Полоцкомъ Николаевскомъ соборѣ досужіе ревнители отыскали въ одной изъ оставшихся отъ временъ іезуитовъ иконъ ничто иное, какъ изображеніе страждущей Польши, которую обнимаетъ Божія Матерь, а Божественный Младенецъ вручаетъ обручальное кольцо. Что это именно страждущая Польша, въ этомъ особенно убѣждало ревнителей и изображеніе (съ краю) орудій казни (колесованіе). Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ въ этихъ колесахъ усмотрѣли колеса пушечнаго лафета. Казалось, революціонный характеръ иконы не подлежитъ никакому сомнѣнію. Оставалось только удалить соблазнъ, да еще помѣщенный на видномъ мѣстѣ, на лѣвомъ клиросѣ. Однакоже, болѣе спокойное и вдумчивое отношеніе открыло въ этой иконѣ изображеніе Св. великомученицы Екатерины на сюжетъ изъ ея жизни (явленіе Небеснаго Жениха), а изображеніе орудія колесованія находящимся также въ полномъ соотвѣтствіи съ исторіей ея страданій. Икона осталась на своемъ мѣстѣ...

му народу, его быту, языку, поэзіи, къ исторіи родного края и народа и памятникамъ родной старины.

Эта то среда дала Полоцко-Витебскому краю Ксенофонта Говорскаго, М. Л. Веревкина, А. П. Сапунова, Е. Р. Романова, Н. Я. Никифоровскаго, В. К. Стукалича, Д. И. Довгялло и другихъ менѣе извѣстныхъ, а то и вовсе затерявшихся въ безвѣстности тружениковъ по изученію родного края въ области исторіи, археологіи, географіи, этнографіи, языка и народной словесности.

Въ этой же средѣ эти труженики нашли посильное содѣйствіе и сотрудничество, сочувствіе и нравственную поддержку въ своей нелегкой, богатой препятствіями и терніями идейной дѣятельности, казавшейся иногда окружающимъ лицамъ и начальству*) странной, неумѣстной и даже подозрительной въ смыслѣ областного сепаратизма...

И вотъ, бѣлоруссъ, который долгіе годы служилъ въ рукахъ своего полонизованнаго господствующаго класса не болѣе какъ этнографическимъ матеріаломъ для осуществленія культурной польско-католической задачи, который, послѣ крушенія этой задачи и государственнаго, религіознаго и культурнаго объединенія Края съ Россіей, даже въ глазахъ родного брата, именуюшаго себя старшимъ[1]), великорусса, призваннаго въ край послѣ 63 года для занятія всѣхъ болѣе или менѣе отвѣтственныхъ должностей[2]), остался непонятымъ и неоцѣненнымъ, считался,—таково было господствующее мнѣніе,—захудалой и зачахшей вѣтвью русскаго дерева[3]) „слабымъ и хилымъ" народомъ, даже помѣсью съ польскимъ племенемъ, народомъ съ нарѣчіемъ, представляющимъ неудачную смѣсь русскаго языка съ польскимъ, народомъ безъ прошлаго и будущаго[4]), бѣлоруссъ, который и самъ, поддавшись настроенію своихъ новыхъ руководителей,

---

*) Въ этомъ отношеніи мы не мало разсказовъ слышали изъ устъ А. П. Сапунова.

[1]) В. К. Стукаличъ, l. c., стр. 3.

[2]) Ibid, стр. 2.

[3]) Ibid, стр. 4.

[4]) Ibid, стр. 4—6.

нерѣдко впадалъ въ самоотрицаніе, самоосмѣяніе и самооплеваніе[5]), отъ этихъ піонеровъ по изученію Бѣлоруссіи услышалъ впервые, что его народъ является „древнею, самостоятельною и значительною отраслью великаго русскаго племени“, языкъ этого народа, якобы „не правильный и некрасивый“, представляется въ дѣйствительности богатымъ и своеобразнымъ нарѣчіемъ, близкимъ къ русскому литературному языку[6]); что онъ имѣетъ свою поэзію, выразившуюся въ тысячахъ пѣсенъ, заунывныхъ и монотонныхъ, но богатыхъ внутреннимъ содержаніемъ, былинъ, сказокъ, пословицъ, прибаутокъ, свои были и преданія, носящія слѣды глубокой старины; что онъ имѣетъ свою исторію, богатую крупными событіями и драматическими эпизодами, своихъ героевъ, отмѣченныхъ лѣтописцами и воспѣтыхъ въ древне-русскомъ художественномъ эпосѣ (Всеславъ, князь Полоцкій, герой Слова о полку Игоревѣ); что еще въ тѣ времена, когда Московская Русь едва-едва выходила изъ мрака невѣжества, онъ имѣлъ уже своихъ ученыхъ и писателей (Франциcкъ Скорина, уроженецъ Полоцка, Симеонъ Полоцкій); что его города, теперь представляющія-ся гнѣздами чуждаго племени, возникли въ сѣдой, даже доисторической древности (Полоцкъ, Витебскъ и др.) и играли видную роль не только въ русской исторіи, но и въ международныхъ культурныхъ сношеніяхъ (о чемъ свидѣтельствуютъ, напр., такое крупное явленіе, какъ торговля съ Ганзой, и такой историческій фактъ, какъ посѣщеніе Витебска сподвижникомъ Іоанна Гуса-Іеронимомъ Пражскимъ*) а также и въ боевыхъ столкновеніяхъ племенъ и культуръ (борьба съ Литвой, съ Ливонскимъ орденомъ, войны Москвы и Польши); что

[5]) „Очень многіе“, пишетъ В. К. Стукаличъ, „видѣли свое честолюбіе въ томъ чтобы стать возможно дальше отъ массы народа, подвергали осмѣянію очень многое изъ того, чѣмъ жили и что было создано ихъ отцами и дѣдами, свято хранившими свои завѣтныя преданія, свою вѣру и народность въ самыя черныя годины испытаній, когда русская аристократія и русское общество протягивали дружескія руки исторической, клерикально-шляхетской Польшѣ... Ibid, стр. 5.

[6]) Ibid, стр. 3, 4, 5.

*) ..„Всѣ сыновья Ольгерда, пишетъ А. П. Сапуновъ, исповѣдывали православную вѣру; но особенное предпочтеніе православію оказывалъ Свидригайло—„Левъ, за что и былъ любимъ жителями Витебска... Этотъ князь былъ, надо думать, „въ близкихъ сношеніяхъ съ Гуситами. Въ 1413 г., любимый ученикъ Гуса Іеро-

въ безчисленныхъ могильныхъ курганахъ его края хранятся памятники глубокой древности; что его храмы, за своеобразный видъ которыхъ онъ нерѣдко стѣснялся и конфузился («старосвѣтскій, молъ видъ», „старосвѣтчина") представляютъ изъ себя цѣнные памятники мѣстнаго зодчества, иногда отличающіеся высокимъ художественнымъ достоинствомъ, нѣкоторые, правда, немногіе имѣютъ глубокую древность, и одинъ изъ нихъ—Полоцкая Софія даже въ чрезвычайно поэтической формѣ упомянутъ въ знаменитомъ „Словѣ о полку Игоревѣ*), а хранящіеся въ ризницахъ, кладовыхъ, на чердакахъ и въ подвалахъ этихъ храмовъ—иконы, статуи, сосуды, ветхія облаченія и пр., и пр.—представляютъ цѣнный археологическій матеріалъ; услышалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и горячій призывъ уважать и любить свою старину, собирать и охранять слѣды ея въ зданіяхъ, предметахъ религіознаго, общественнаго и домашняго обихода, въ книгахъ и въ живомъ народномъ словѣ.

Отсюда же раздался и голосъ объ открытіи въ Витебскѣ хранилища для памятниковъ церковной старины.

Дальнѣйшія подробности объ этомъ мы заимствуемъ изъ описанія музея, составленнаго Д. И. Довгялло и Н. Я. Никифоровскимъ**).

. . „18 іюля 1892 года б. инспекторъ народныхъ училищъ Витебской губерніи Е. Р. Романовъ подалъ тогдашнему Преосвященному Полоцкому и Витебскому Антонину, записку „объ устройствѣ въ

„нимъ Пражскій былъ, между прочимъ, въ Витебскѣ, гдѣ публично заявлялъ, что вѣра православная „будетъ и есть совершенная, и Русскіе хорошіе христіане"... А. П. Сапуновъ. Рѣка Западная Двина. Витебскъ, 1893 г., стр. 387. Любопытныя подробности объ этомъ пребываніи и объ участіи Іеронима Пражскаго въ православной церковной процессіи, извлеченныя изъ актовъ Констанцскаго собора, см. А. П. Сапуновъ. Витебская Старина, т. 1 стр. 27—28.

*) „Въ Полоцкѣ стольномъ ему позвонили къ заутрени рано
„Въ колокола у Софіи святой, а онъ въ Кіевѣ слышалъ
„Благовѣстъ тотъ"...

Цитируется по вышеупомянутой книгѣ А. П. Сапунова, стр. 408—409.

**) Описаніе предметовъ древности, поступившихъ въ Витебское Епархіальное церковно-археологическое хранилище по ноябрь 1897 года. Вып. 1-й, Витебскъ 1899 г., (отд. оттиски изъ приложеній къ Полоцк. Епарх. Вѣд. 1897, 98 и 99 г.г.

Витебскѣ „мѣстнаго церковнаго хранилища“ для памятниковъ церковной старины*).

„На очередномъ собраніи Свято-Владимирскаго Братства 8 ноя-„бря 1892 года заботливый архипастырь предложилъ осуществить „устройство церковно-археологическаго музея совмѣстно съ народной „читальней. Для помѣщенія музея и читальни онъ предоставлялъ „свободный залъ въ архіерейскомъ домѣ. Предложеніе Владыки было „принято собраніемъ съ братскимъ сочувствіемъ, и Братство просило „инициатора дать сему дѣлу дальнѣйшее движеніе“.

„Утверждая 11 декабря 1892 года проектъ составленной смѣты,

---

*) Приводимъ изъ вышеупомянутаго описанія полный текстъ поданной Е. Р. Романовымъ записки:

„Во многихъ храмахъ Высочайше ввѣренной Вашему Преосвященству епархіи „имѣются памятники церковной старины, представляющіе не только мѣстный, но и „общій церковно-археологическій интересъ, и съ этой стороны заслуживающіе тща-„тельнаго сохраненія отъ уничтоженія временемъ и неопытностью лицъ, ближайшему „наблюденію которыхъ они ввѣрены. Въ числѣ этихъ памятниковъ встрѣчаются, „какъ мнѣ извѣстно, древнія облаченія, нерѣдко изъ холста или пестряди, а иногда „изъ замѣчательныхъ образцовъ древней парчи и шелка; встрѣчаются древніе сосу-„ды: деревянные и оловянные потиры, дискосы, блюда, свѣщники, часто со священ-„ными изображеніями или рѣдкимъ орнаментомъ, рѣзнымъ и живописнымъ; имѣют-„ся древніе металлическіе и деревянные кресты и образа стараго письма: западной „и великорусской школы; старинныя плащаницы; старопечатныя и рукописныя бо-„гослужебныя книги, старинные планы несуществующихъ въ настоящее время хра-„мовъ; древніе колокола, предметы церковной утвари, лубочные вѣнцы и т. п.

„Въ настоящее время предметы эти уже не употребляются при богослуженіи „и, большею частью, хранятся въ кладовыхъ, въ башняхъ колоколенъ и даже въ „сараяхъ, безъ подобающей имъ благоговѣйной бережливости“.

„Въ виду сего и принимая во вниманіе, съ одной стороны, совершенную не-„надобность помянутыхъ предметовъ для церковнаго обихода и неимѣнія средствъ „у причтовъ для содержанія ихъ въ должной сохранности,—а съ другой,—громад-„ную важность ихъ для церковной археологіи, считаю долгомъ обратить на это об-„стоятельство высокопросвѣщенное вниманіе Вашего Преосвященства, на тотъ пред-„метъ, не соблаговолите ли Вы сдѣлать распоряженіе о высылкѣ при этомъ всѣхъ „такихъ предметовъ, неимѣющихъ особенной цѣнности по матеріалу и не составляю-„щихъ мѣстночтимой святыни, въ Витебскъ, гдѣ съ благословенія Вашего Преосвя-„щенства могло бы быть устроено, по примѣру другихъ епархій, мѣстное церковное „хранилище... I. c. стр. 8—9.

„Преосвященный Антонинъ выразилъ желаніе, чтобы члены по устрое-
„нію церковно-археологическаго древлехранилища и завѣдыванію
„онымъ стояли внѣ зависимости отъ проектируемой читальни, вѣда-
„лись съ предметами исключительно музейными. При этомъ Владыка
„назначилъ членами-устроителями древлехранилища г.г. Е. Р. Рома-
„нова, А. П. Сапунова и свящ. В. О. Говорскаго“.

„2 сентября 1893 г., въ присутствіи Преосвященнаго Антонина,
„послѣдовало частное открытіе древлехранилища, съ какового дня
„это учрежденіе можно считать начавшимъ свое бытіе“.

„Къ этому дню г.г. Романовъ и Сапуновъ представили Преосвя-
„щенному проэктъ устава древлехранилища, который съ представле-
„ніемъ Владыки отъ 11 сентября 1893 года, былъ направленъ въ Св.
„Синодъ на утвержденіе“.

„Тѣмъ временемъ, съ разрѣшенія Преосвященнаго Антонина,
„г.г. Романовъ и Сапуновъ начали устроеніе древлехранилища. Они
„посѣтили городскія церкви: Благовѣщенскую, Ильинскую, Петропав-
„ловскую, кладбищенскую Михайловскую и церкви Маркова мона-
„стыря, гдѣ намѣтили предметы, непригодные для текущей церков-
„ной обиходности, но вполнѣ достойные занять мѣсто въ древлехра-
„нилищномъ помѣщеніи. Доставленные въ древлехранилище, отобран-
„ные г.г. Романовымъ и Сапуновымъ предметы размѣщены были
„устроителями въ посильной систематичности“.

27 октября 1895 года послѣдовалъ указъ Св. Синода объ откры-
тіи въ Витебскѣ церковно-археологическаго древлехранилища, съ по-
мѣщеніемъ его въ зданіи архіерейскаго дома, при чемъ народная чи-
тальня, согласно представленію новаго Полоцкаго архипастыря, прео-
священнаго Александра (съ 1894 г.) должна была быть устроена въ
отдѣльномъ наемномъ помѣщеніи. Уставы обоихъ учрежденій были
утверждены.

„Такимъ образомъ, древлехранилище получило все, что санкціо-
„нируетъ его бытіе—бытіе отдѣльнаго отъ читальни, самостоятельна-
„го учрежденія, имѣющаго свой уставъ“.

...„За перемѣщеніемъ г. Романова на службу въ Гродненскую
„губернію, въ январѣ 1895 г., устраиваемое древлехранилище оста
„лось на рукахъ лишь г. Сапунова. По предложенію Преосвященна-

„го Александра Епископа Полоцкаго и Витебскаго, 5 марта 1895 г., „собраніе членовъ Св.-Владимирскаго Братства, въ помощь г. Сапуно- „ву, избрало въ члены комиссіи по завѣдыванію церковно-археологи- „ческимъ древлехранилищемъ слѣдующихъ лицъ: помощника инспек- „тора Витебской духовной семинаріи,—Дм. Ив. Довгялло и учителя „приготовительнаго класса Витебской мужской гимназіи Ник. Як. „Никифоровскаго. Эти два члена занялись составленіемъ каталога и „описанія всѣхъ предметовъ древности, имѣющихся въ древлехрани- „лищѣ, чего до того времени еще не было. Потративъ на это дѣло „не мало времени, означенные же члены въ заботахъ о ростѣ и преу- „спѣяніи древлехранилища, просили Совѣтъ Братства снестись съ „Полоцкой духовной консисторіей, чтобы она циркулярно предложи- „ла духовенству епархіи сообщить: гдѣ и какіе имѣются предметы „древности. И Совѣтъ Братства въ концѣ апрѣля 1897 года отнесся „о томъ въ консисторію".

Въ августѣ мѣсяцѣ 1897 г. А. П. Сапуновъ отказался отъ завѣдыванія древлехранилищемъ за переходомъ на службу въ Москву и на его мѣсто былъ избранъ Братствомъ учитель Витебской мужской гимназіи И. Ю. Сабинъ-Гусъ. Послѣдній изготовилъ нѣсколько фотографическихъ снимковъ съ наиболѣе достопримѣчательныхъ предметовъ древлехранилища*).

Первоначально подъ церковно-археологическій музей отведенъ былъ просторный залъ въ южной части зданія архіерейскаго дома,—нѣкогда залъ засѣданій витебскихъ іезуитовъ. Нѣсколько лѣтъ спустя музей былъ переведенъ въ новое, менѣе удобное и довольно тѣсное помѣщеніе надъ архіерейской церковью, состоящее изъ трехъ небольшихъ комнатъ, гдѣ и помѣщается доселѣ.

Заканчивая историческій очеркъ и общее описаніе помѣщенія древлехранилища (первоначальнаго), почтенные составители дѣлаютъ такое, полное надеждъ, заключительное замѣчаніе.

„Просторъ древлехранилищнаго помѣщенія, свѣтовое его довольство, достатокъ складищной мебели и мебели подспорной, какъ сто- „лы и стулья, дающіе возможность посѣтителю не только отдохнуть,

*) I. c., стр. 9—14.

„но и **заняться**,—сразу ставитъ наше Витебское церковно-археологи-
„ческое древлехранилище на извѣстную высоту, и **если оно займетъ**
„**пока послѣднее мѣсто въ числѣ сродныхъ учрежденій другихъ епархій**,
„**такъ только** пока, **въ виду его совершенно недавняго возникновенія**
„(курсивъ, исключая слова **пока** нашъ)".

„Участливое отношеніе къ древлехранилищу епархіальной власти, дѣятельная помощь епархіальнаго духовенства въ доставленіи „въ древлехранилище имѣющихся въ ихъ приходахъ предметовъ „древности,—вотъ несомнѣнныя, твердыя ручательства за ростъ и „преуспѣяніе нашего юнаго древлехранилища!*).

Увы! и тогда уже почтенные дѣятели по музею могли видѣть дѣйствительное отношеніе къ нему, и, конечно, тѣ упоминанія объ участливомъ отношеніи и пр. были не болѣе, какъ pia desideria, но чего они, вѣроятно, не предвидѣли, такъ это того, что все же музей тогда переживалъ если не золотой, то по крайней мѣрѣ серебряный вѣкъ своего существованія, и что скоро наступитъ желѣзный вѣкъ и вмѣсто ожидаемаго роста состояніе летаргіи въ жизни музея.

Уже вскорѣ послѣ открытія, черезъ годъ, два видно стало, что музей въ глазахъ кого слѣдуетъ является только терпимымъ, въ силу разъ допущенной и уже непоправимой ошибки, зломъ, только обузой, отнимающей лишнее помѣщеніе у недостаточно просторнаго и безъ того архіерейскаго дома.

О расширеніи помѣщеній музея, конечно, и рѣчи быть не могло и не можетъ.

А такъ какъ музей быстро наполнился памятниками старины, то и это уже одно явилось препятствіемъ къ росту этого почтеннаго учрежденія: новыхъ поступленій дѣвать стало некуда.

Къ тому же и Свято-Владимирское Братство скоро охладѣло къ своему дѣтищу, занявшись другими операціями, экономическаго характера.

Если Вы, увидя вблизи архіерейской церкви при входѣ въ архіерейскій дворъ вывѣску «Церковно-археологическій музей», попытаетесь проникнуть въ него въ будни, то послѣ долгихъ мытарствъ и

Ibid. стр. 18.

разспросовъ у встрѣчныхъ обитателей архіерейскаго дома и въ братской лавкѣ, узнаете, что музей открытъ лишь въ праздники, а въ будни въ него никакъ проникнуть нельзя, такъ какъ ключи находятся у завѣдующаго музеемъ, который въ будни поглощенъ педагогической дѣятельностью.

Такимъ образомъ, для Васъ ясно становится, что музей въ настоящей его постановкѣ является только хранилищемъ церковной старины, а не научно-образовательнымъ учрежденіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, проѣзжающій черезъ Витебскъ путешественникъ, можетъ ознакомиться съ памятниками Полоцко-Витебской церковной старины, сгруппированными въ музеѣ, лишь въ томъ случаѣ, если онъ пріѣдетъ въ Витебскъ въ праздничный день или останется ради музея до праздничнаго дня. Представьте же, какъ мало проѣзжихъ лицъ, даже изъ имѣющихъ интересъ къ церковной старинѣ, могутъ посѣтить музей. О научныхъ занятіяхъ въ музеѣ и говорить нечего. Какая же систематичная научная работа возможна въ учрежденіи, которое открывается такъ рѣдко и притомъ на короткое время, когда эта работа требуетъ просиживать многіе часы и цѣлые дни, разбираясь, сравнивая, списывая и срисовыя? Чтобы основательно изучить что-нибудь при такихъ условіяхъ, вѣдь, надо посвятить вмѣсто недѣль—многіе мѣсяцы.

...Какъ бы тамъ ни было, въ праздничный день, въ извѣстные часы, идете Вы посмотрѣть хранилище старины Полоцко-Витебскаго края. Уже самая дверь, ведущая изъ архіерейскаго палисадника въ музей, но болѣе приличная для чернаго хода въ кухню, покажетъ Вамъ сразу, что это учрежденіе не принадлежитъ къ числу пользующихся почетомъ. Пройдя эту дверь, Вы попадаете въ полутемныя, холодныя и не особенно чистыя сѣни съ лѣстницей во второй этажъ. Въ сѣняхъ, на площадкѣ лѣстницы и на верху предъ входомъ въ музей навалены какіе то ящики. Вы узнаете, что это товаръ братской лавки.

Въ самомъ музеѣ иконы, статуи, витрины—покрыты пылью, какъ бы усугубляя впечатлѣніе старины и напоминая „пыль вѣковъ“. Въ зимнее время въ помѣщеніи музея адская стужа.

Отъ почтеннаго завѣдующаго музеемъ Вы узнаете, что онъ яв-

ляется единственнымъ лицомъ, на попеченіи котораго находится музей, что музей не имѣетъ ни одного постояннаго служителя и не пользуется и смѣнной прислугой отъ архіерейскаго дома и отъ братства, что помѣщеніе музея тѣсно и вновь поступающіе предметы, какъ бы мало ихъ ни поступало, не приходится располагать въ опредѣленномъ порядкѣ и на виду.

...Врядъ ли кто теперь, видя настоящее музея, будетъ возлагать надежды на ростъ и процвѣтаніе этого учрежденія въ будущемъ.

.. Съ учрежденіемъ у насъ Ученой Архивной Комиссіи Полоцко-Витебскій край имѣетъ возможность сдѣлать шагъ впередъ въ дѣлѣ изученія и охраненія памятниковъ церковной старины.

Никто не будетъ сомнѣваться, что Архивная Комиссія близко принимаетъ къ сердцу это дѣло, полна самаго горячаго сочувствія къ нему.

Но, чтобы это сочувствіе перешло въ жизнь и дало осязательные результаты, для этого Комиссіи необходимо, во первыхъ, учесть свои наличныя силы и сорганизовать ихъ на дѣло изученія и охраненія памятниковъ церковной старины, а, во вторыхъ, сообразуясь съ реальными условіями, выработать планъ своей работы въ этомъ отношеніи.

Нѣсколько соображеній по этому предмету я позволю себѣ изложить предъ Вами съ цѣлью вызвать обмѣнъ мнѣній, который, конечно, послужитъ къ полному и стройному развитію программы дѣятельности.

...Кто бы что ни говорилъ, среди членовъ Комиссіи нѣтъ недостатка въ свѣдующихъ людяхъ по вопросамъ археологіи вообще, и церковной въ частности и въ особенности.—Но, чтобы эти силы вызвать къ дѣятельности (не единоличной, а комиссіонной), дѣятельности этой придать характеръ постоянной, регулярной и стройной, чтобы Комиссіи не быть иной разъ застигнутой требованіями жизни въ данномъ отношеніи врасплохъ, эти силы необходимо объединить въ видѣ особой секціи или подкомиссіи по изученію и охраненію памятниковъ мѣстной церковной старины. Эта то секція или подкомиссія и была бы тѣмъ постояннымъ органомъ, при помощи котораго Архивная Комиссія могла бы удовлетворять запросамъ, предъявляемымъ

представителями духовнаго вѣдомства и приходовъ, а также частными лицами, имѣющими интересъ къ церковной старинѣ,—съ одной стороны, а съ другой стороны, собирать матеріалы относительно памятниковъ церковной старины края, обрабатывать ихъ, опубликовывать въ текущей печати и спеціальныхъ изданіяхъ; на основаніи собранныхъ данныхъ разрабатывать свои соображенія и входить съ тѣми или другими представленіями къ духовной власти, а также въ соотвѣтствующія научныя и правительственныя инстанціи.

Въ составъ такого спеціальнаго органа должны были бы войти, помимо свѣдущихъ собственно въ церковной археологіи людей, еще и лица съ художественнымъ и техническимъ образованіемъ, а также представители духовнаго вѣдомства изъ числа нашихъ членовъ. О значеніи участія въ церковно-археологической секціи или подкомиссіи такихъ лицъ, думаю, нѣтъ нужды распространяться.

Теперь посмотримъ, что могла бы сдѣлать Комиссія, пользуясь такимъ спеціальнымъ органомъ, на пользу церковной археологіи края.

Прежде всего нужно озаботиться распространіемъ и популяризаціей свѣдѣній по церковной археологіи края и развитіемъ любви и интереса къ ней. Такимъ путемъ, вѣдь, Комиссія получитъ цѣлые кадры сотрудниковъ, съ помощью которыхъ можно сдѣлать гораздо больше, чѣмъ путемъ административныхъ предписаній и мѣръ поощренія и наказанія и детальныхъ программъ и правилъ относительно церковной старины кабинетно-бюрократическаго характера.

Для достиженія указанной цѣли, не довольствуясь самымъ лишь фактомъ открытія у насъ Отдѣленія Московскаго Археологическаго Института, нужно въ достаточной степени представлять руководителямъ Института необходимость введенія въ преподаваніе ряда спеціальныхъ дисциплинъ, нужныхъ для изученія археологіи и археографіи Западнаго Края.

Не вдаваясь въ подробности по этому общему вопросу постановки преподаванія въ Институтѣ, укажу, что для цѣлей церковной археологіи необходимо преподаваніе исторіи Западно-русской церковной архитектуры въ связи и сопоставленіи съ архитектурой Мало-

россіи, Галиціи, Донской области и Католическаго Запада съ одной стороны, Византіи и Великой Руси съ другой, Западно-русской иконографіи и церковной археологіи вообще, исторіи письменности и печатнаго дѣла въ Западной и Юго Западной Руси.

Съ другой стороны, пользуясь наличнымъ матеріаломъ, какъ библіотечнымъ, такъ и въ особенности живымъ, въ видѣ находящихся у всѣхъ на глазахъ памятниковъ церковной старины, Архивная Комиссія могла бы предпринять составленіе, печатаніе и возможно широкое распространеніе въ мѣстномъ обществѣ и въ особенности среди духовенства—общедоступныхъ статей по церковной археологіи края, какъ общаго характера, имѣющихъ цѣлью дать основныя свѣдѣнія и развить интересъ и любовь къ церковной старинѣ, такъ и посвященныхъ вопросамъ церковной археологіи и отдѣльнымъ памятникамъ старины.

Что касается чисто научной дѣятельности по изученію памятниковъ церковной старины, то Комиссія должна озаботиться подробнымъ описаніемъ памятниковъ церковной архитектуры нашего края, разумѣется, выдвинувъ на первый планъ наиболѣе древніе и наиболѣе цѣнные въ художественномъ отношеніи. Для составленія такихъ описаній Комиссія, разумѣется, должна выступить во всеоружіи своихъ научныхъ, художественныхъ и техническихъ силъ. Необходимо изготовленіе возможно большаго количества фотографическихъ снимковъ какъ общаго наружнаго и внутренняго вида зданія, такъ и отдѣльныхъ его частей, и архитектурныхъ и декоративныхъ деталей. Наиболѣе достопримѣчательныя иконы и стѣнопись должны быть сфотографированы и, кромѣ того, сняты на кальку. Не довольствуясь фотографическими снимками зданія, необходимо произвести точные и подробные обмѣры въ длину, ширину и высоту, и на основаніи ихъ составить точные чертежи.

Разумѣется, одновременно съ осмотромъ зданія, члены Комиссіи должны, заручившись на это разрѣшеніемъ епархіальнаго начальства, произвести самый подробный осмотръ библіотеки, архива, сосудовъ, облаченій, иконъ, статуй и прочаго имущества храма, при чемъ нужно помнить, что причты далеко не всегда знаютъ, что у нихъ есть цѣннаго въ археологическомъ и художественномъ отношеніи, а так-

же и то, что иногда можно сдѣлать цѣнныя находки тамъ, гдѣ ихъ меньше всего можно было ожидать. Въ этомъ отношеніи позволю себѣ привести слѣдующій примѣръ. Въ боковушкѣ кладовой одной сельской церкви стоялъ большой книжный шкапъ, занимая все пространство отъ южной до сѣверной стѣны. Разбирая книги въ этомъ шкапу, я обратилъ вниманіе, что глубина этого шкапа не соотвѣтствуетъ длинѣ соотвѣтственныхъ боковыхъ стѣнъ зданія, и, слѣдовательно, шкапъ не вплотную приставленъ къ восточной стѣнѣ, а остается еще довольно значительное пространство. Когда я спросилъ у церковнаго старосты, зачѣмъ это такъ сдѣлано, онъ объяснилъ мнѣ, что туда лѣтъ 30 назадъ бывшій тогда священникъ помѣстилъ рѣзное распятіе. Заинтересовавшись этимъ распятіемъ, я попросилъ одного изъ подвернувшихся крестьянъ забраться за шкапъ черезъ верхъ и попытаться достать распятіе. Тотъ, забравшись, объявляетъ что тутъ, дѣйствительно, есть „распятте" и еще «другій», котораго онъ даже испугался. Что это такое «другій», онъ никакъ не могъ объяснить. Когда мы общими усиліями наклонили шкапъ впередъ, и явилась возможность достать оттуда находившіеся тамъ предметы, то оказалось, что «другій»—довольно хорошей работы статуя Спасителя, которая мною и была доставлена въ Витебскій церковно-археологическій музей...

Съ предметовъ цѣнныхъ должны быть сдѣланы фотографическіе снимки.

Предметамъ цѣннымъ въ археологическомъ отношеніи долженъ быть составленъ каталогъ съ подробнымъ описаніемъ. Копіи съ этого каталога должны быть вручены епархіальному начальству и причтамъ церквей.

Такія описанія наиболѣе древнихъ церквей и цѣнныхъ въ археологическомъ отношеніи предметовъ по мѣрѣ возможности должны быть печатаемы въ приложеніи къ книжкамъ «Полоцко-Витебской Старины».

Для дѣла собственнаго охраненія памятниковъ церковной старины, какъ то—церковныхъ зданій и ихъ обстановки, Архивная Коммиссія можетъ принести посильную пользу постольку, поскольку епархіальное начальство и причты церквей, какъ это нерѣдко имѣло

мѣсто и доселѣ, будутъ обращаться въ Архивную Комиссію съ вопросами, касающимися сноски, передѣлокъ, перестроекъ церковныхъ зданій,—измѣненія ихъ наружнаго вида и замѣны иконостасовъ и прочаго стараго убранства новымъ, подновленія иконъ и стѣнописи. Церковно-археологическая секція получивъ такіе запросы командируетъ на мѣсто одного изъ своихъ компетентныхъ въ дѣлѣ членовъ, а въ исключительно важныхъ случаяхъ выбываетъ и in corpore; на основаніи собранныхъ данныхъ секція даетъ свое заключеніе. Ученая Архивная Комиссія въ нужныхъ случаяхъ отстаиваетъ предъ епархіальнымъ начальствомъ точку зрѣнія и предположенія своего спеціальнаго органа.

Впрочемъ независимо отъ обращеній къ Архивной Комиссіи со стороны Духовнаго Вѣдомства, и сама она, по своей инициативѣ, можетъ содѣйствовать охраненію памятниковъ старины путемъ представленій и ходатайствъ предъ духовной и гражданской властью и путемъ печатнаго слова.

Въ частности, напримѣръ, слѣдовало бы обратиться къ епархіальному начальству съ представленіемъ о необходимости для предохраненія церковныхъ зданій отъ ударовъ молніи снабдить церкви громоотводами, въ особенности такія цѣнныя въ археологическомъ отношеніи, какъ, напримѣръ, Троицкая церковь Маркова монастыря.

...Нечего и говорить, что въ цѣляхъ сохраненія цѣнныхъ въ археологическомъ отношеніи книгъ, облаченій, утварей, иконъ и прочихъ предметовъ церковной обстановки, а также и облегченія научнаго и художественнаго ихъ изученія является настоятельно нужнымъ собирать ихъ въ музеи.

И, разумѣется, Музей Архивной Комиссіи охотно бы раскрылъ свои двери и витрины для нихъ, и многіе изъ духовенства охотно бы доставили многое, зная по опыту, какъ трудно беречь все это въ тѣснотѣ ризницъ и кладовыхъ и избѣжать порчи на чердакахъ и въ подвалахъ. Но... по постановленію высшей духовной власти иконы и древности изъ церквей могутъ быть сдаваемы только въ музеи Духовнаго Вѣдомства, и Архивная Комиссія не имѣетъ права принимать такіе предметы въ свой музей, а экспоненты изъ духовенства за доставку ихъ сюда могутъ нажить серьезныя непріятности. Такимъ

образомъ, для Полоцко-Витебскаго края получается такое положеніе церковно-археологическій музей не можетъ принимать предметы церковной старины за тѣснотою помѣщенія, во всякомъ случаѣ, не имѣетъ возможности, принявъ ихъ, расположить, какъ слѣдуетъ, а музей Архивной Комиссіи и радъ бы принимать, да не смѣетъ. Ergo, предметы церковной старины должны находиться тамъ же, гдѣ доселѣ находились, то есть, въ кладовыхъ, на чердакахъ и въ подвалахъ, и портиться такъ же, какъ доселѣ портились. Въ лучшемъ случаѣ, они могутъ дѣлаться достояніемъ частныхъ лицъ, коллекціонеровъ въ родѣ небезызвѣстнаго минскаго quasi ученаго Татура.

Такому печальному положенію дѣла Архивная Комиссія врядъ ли будетъ въ силахъ пособить.

Скорѣе, быть можетъ, удалось бы исхлопотать разрѣшеніе открыть при Витебскомъ Отдѣленіи Московскаго Археологическаго Института учебный музей для цѣлей преподаванія мѣстной церковной археологіи.

Кстати скажу, что открытіе такого учебнаго музея при Витебской Духовной Семинаріи было бы весьма полезнымъ для будущихъ пастырей церкви. Архивная Комиссія, конечно, могла бы представить по этому предмету свои соображенія духовной власти...

Такимъ путемъ достигнуто было бы двѣ цѣли, образовательная и—сбереженіе хоть небольшой части цѣнныхъ церковно-археологическихъ предметовъ отъ порчи и гибели.

Вотъ, въ существенномъ и все, что составляетъ, на мой взглядъ, задачи Архивной Комиссіи въ дѣлѣ изученія и охраненія памятниковъ церковной старины Полоцко-Витебскаго края.

Въ заключеніе долгомъ считаю выразить мою искреннюю признательность А. П. Сапунову и В. К. Стукаличу, не отказавшимъ мнѣ въ совѣтахъ и указаніяхъ, а также К. А. Змигродскому, любезно принявшему на себя трудъ дать къ моему докладу пояснительные рисунки.

П. Красавицкій.

11 февраля 1912 года.

Витебскъ.

ЛИТЕРАТУРА.

1) Е. Е. Голубинскій. Исторія Русской Церкви. 2-я пол. 1-го тома, 1904 г., стр. 231—237.
2) Изъ воспоминаній о прошломъ. Церковно-Общественный Вѣстникъ за 1879 г., № 14.
3) Свящ. М. И. Красавицкій. Братчина святителя Николая при Витебской Иліинской церкви. Полоцкія Епархіальныя Вѣдомости за 1874 г., № 24.
4) Н. Я. Никифоровскій. Странички изъ недавней старины г. Витебска. Витебскъ, 1899 г.
5) „ „ „ „ и Д. И. Довгялло. Никольская церковь въ Задвинской Слободкѣ м. Бѣшенковичъ, Лепельскаго уѣзда. Витебскъ, 1899 г. (отдѣльн. отт. изъ №№ 3—5 Полоцк. Епарх. Вѣд. за 1899 г.).
6) „ „ „ „ „ „ „ Описаніе предметовъ, поступившихъ въ Витебское Епархіальное церковно-археологическое хранилище по ноябрь 1897 года. Вып. 1-й, Витебскъ, 1899 г. (отд. отт. изъ приложеній къ Полоцк. Еп. Вѣд. за 1897, 98 и 99 г.г.).
7) Е. Орловскій. Судьбы православія въ связи съ исторіею латинства и уніи въ Гродненской губерніи въ XIX столѣтіи. Гродна, 1903 г.
8) А. М. Павлиновъ. Древніе храмы Витебска и Полоцка (1-й т. Трудовъ IX Археологическаго Съѣзда въ Вильнѣ).
9) Полоцкій Епархіальный Съѣздъ (корреспонденціи и опроверженія). Церковно-Общественный Вѣстникъ. за 1880 г., №№ 20,
10) А. П. Сапуновъ. Витебская Старина, т. 1-й. Витебскъ, 1883 г.
11) „ „ „ Памятники временъ древнихъ и новѣйшихъ въ Витебской губерніи. Витебскъ, 1903 г.
12) „ „ „ Рѣка Западная Двина. Витебскъ, 1893 г.

13) Іеромонахъ Сергій (Василевскій). Витебскій Марковъ Свято-Троицкій мужескій монастырь. Полоцкія Еп. Вѣд. за 1887 г.

14) В. К. Стукаличъ. Н. Я. Никифоровскій. Вильна, 1908 г. (отд. отт. изъ „Записокъ Сѣверо-Западнаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, кн. 1-я).

15) В. В. Сусловъ. Матеріалы къ исторіи древней Новгородско-Псковской архитектуры. С.-Петербургъ, 1888 г.

16) „ „ „ Памятники древней деревянной архитектуры въ Южной Россіи (въ кн. Очерки по исторіи древне-русскаго ходчества, С.-Петербургъ, 1889 г.).

17) Прот. Г. Шавельскій Послѣднее возсоединеніе съ православною церковью уніатовъ Бѣлорусской епархіи. С.-Петербургъ, 1910 г.

18) Хроника моей жизни. Автобіографическія записки Высокопреосвященнаго Саввы, Архіепископа Тверского). 3-й и послѣдующіе томы.

19) „Чертежъ“ города Витебска 1664 года. Труды Витебской Ученой Архивной Комиссіи, кн. 1 я. 1910 г.

Спасопреображенскій монастырь въ г. Невелѣ, Витебской губерніи.

Спасопреображенскій Мужской Монастырь находится въ г. Невелѣ, Витебской губ., въ 96 верст. отъ губ. гор. Витебска. Монастырь расположенъ недалеко отъ праваго берега малой рѣки Еменки и занимаетъ видное и ровное мѣсто на городской торговой красной площади, чрезъ которую пролегаетъ шоссейная дорога, соединяющая С.-Петербургъ съ южнымъ краемъ нашего Отечества.

Монастырь возникъ въ концѣ XVII ст., когда сюда къ Церкви въ честь Преображенія Господня были переведены иноки изъ Троицкаго Монастыря, отъ котораго осталась безприходная церковь во имя Св. Троицы, въ 4 верст. отъ г. Невеля, по дорогѣ къ Великимъ-Лукамъ [1]).

Для поясненія этого историческаго указанія считаемъ не лишнимъ коснуться существовавшаго въ г. Невелѣ Православнаго Благовѣщенскаго Братства, стараніемъ котораго Св. Троицкій Монастырь съ малымъ числомъ монаховъ переведенъ въ гор. Невель и монашествующіе водворены при деревянной Церкви въ честь Благовѣщенія Пресв. Богородицы, находившейся на мѣстѣ настоящаго храма Преображенія. Притѣсненія, какъ монаховъ, такъ и жителей православныхъ отъ поляковъ—іезуитовъ было весьма тягостно и побудило поборниковъ православной вѣры соединиться въ братство около Церкви Благовѣщенія Пресв. Богородицы, наименовавъ его Благовѣщенскимъ Братствомъ, которое пожелало вмѣсто сгорѣвшей въ 1720 году деревянной Церкви имѣть каменную Церковь и въ 1725 г. на собственныя средства приступило къ постройкѣ довольно обширнаго каменнаго храма въ честь Преображенія Господня.

Монастырскій храмъ въ честь Преображенія Господня и до сей поры служитъ памятникомъ благочестиваго усердія Невельскаго Благовѣщенскаго Братства.

---

[1]) Монастыри по штатамъ 1764, 1786 и 1795 г.г. т. II. Трудъ В. В. Звѣринскаго, СПБ. 1892 г. стр. 283 и т. III СПБ. 1897 г. стр. 188, также см. Полное Собраніе Историческихъ свѣдѣній о всѣхъ бывшихъ въ древности и нынѣ существующихъ монастыряхъ и примѣч. церквахъ въ Россіи. Состав. А. Ратшинъ. М. 1852 г. стр. 23.— Исторія Росс. Іерархіи. Собран. Амвросіемъ, ч. V, М. 1813 г. стр. 138—140, Географич. Статистич. Словарь Росс. Имперіи. Состав. П. Семеновъ. Т, IV. СПБ. 1873 г. стр. 206. —Безъ Корнилевичъ. Историч. свѣдѣнія о Бѣлоруссіи, стр. 142. Но во всѣхъ вышеупомянутыхъ изданіяхъ весьма отрывочныя свѣдѣнія о Невельскомъ Спасопреображенскомъ Мужскомъ Монастырѣ, такъ что до сей поры не было еще общаго даже краткаго историческаго очерка послѣдовательно составленнаго и доведеннаго до послѣдняго времени.

Монастырскій Храмъ оконченъ постройкою въ 1732 году и 1-го августа того же года освященъ.

Храмъ высотою 8 сажень, въ ширину 6 сажень и въ длину 11 сажень, построенъ продолговатымъ крестомъ, одно-этажный, заканчивающійся вверху восьмигранным каменнымъ куполомъ, который увѣнчанъ малымъ деревяннымъ фонаремъ съ водруженными на немъ главою и желѣзнымъ восьмиконечнымъ крестомъ. Кровля храма шатрообразная желѣзная на два ската; освѣщается храмъ 34 окнами разной величины, въ два свѣта; въ нѣкоторыхъ окнахъ желѣзныя рѣшетки. Храмъ холодный; Св. Алтарь возвышенъ отъ деревяннаго пола тремя ступенями и отдѣляется отъ храма желѣзною рѣшеткою. Алтарь обращенъ къ востоку; за уничтоженіемъ по случаю пожара боковыхъ придѣловъ—однопрестольный. Въ правомъ предъалтаріи помѣщается ризница, а въ лѣвомъ понамарская; престолъ деревянный. Иконостасъ храма прямой, трехъярусный; царскія двери рѣзныя съ изображеніями Благовѣщенія Пресв. Богородицы и Св. Апп. Евангелистовъ. Надъ западною частію храма устроены хоры. Съ южной стороны къ храму въ честь Преображенія Господня во всю длину его пристроенъ теплый храмъ во имя Св. Николая Чудотворца въ высоту 9½ сажен., длину 10 сажен. и ширину 3 сажени; кровля этого храма шатрообразная на одинъ скатъ, къ храму примыкаетъ притворъ храма въ честь Преображенія Господня. Алтарь церкви во имя Св. Николая Чудотв. обращенъ на востокъ. Иконостасъ двухъярусный, простой столярной работы; царскія двери рѣзныя.

На востокъ отъ храма въ честь Преображенія Господня въ 1½ саженяхъ отъ него расположенъ другой каменный холодный храмъ во имя Преподобнаго Нила Столбенскаго съ каменною трехъярусною колокольнею. Храмъ построенъ въ 1811—1825 г.г. на средства Братчиковъ и частныхъ благотворителей при Игуменѣ Боголѣпѣ.

Монастырь съ западной и сѣверной стороны обнесенъ каменною оградою съ тремя воротами. Подъ сводами храма въ честь Преображенія Господня въ заалтарной стѣнѣ погребенъ въ 1752 г. Благотворитель монастыря бургомистръ г. Невеля Симонъ Быховецъ.

Въ настоящее время изъ иконъ и другихъ предметовъ старины сохранились и особенно замѣчательны слѣдующіе:

1) Икона Господа Вседержителя, сидящаго на престолѣ съ предстоящими Ему Богоматерью и Св. Прор. Предтечей и Крестителемъ Господа Іоанномъ, древней кисти, строго византійскаго письма. Икона облечена въ золоченную ризу и стоитъ на горнемъ мѣстѣ въ церкви во имя Св. Николая Чудотворца.

2) Икона Преподобнаго Нила Столбенскаго въ серебряно-вызолоченной ризѣ; вверху оной изображеніе Богоявленія Господня. Эта икона весьма почитается, какъ чудотворная, мѣстными и окрестными жителями г. Невеля. Въ день обрѣтенія мощей Проподобнаго Нила Столбенскаго, 27 мая, ежегодно на поклоненіе этой иконѣ въ обитель собираются въ большомъ числѣ молящіеся и служатъ молебны. Икона, по преданію, перенесена въ монастырь изъ Нило-Столбенской мужской Пустыни, Осташковскаго у., Тверской губ. [2])

3) Икона Преподобнаго Сергія Радонежскаго Чудотворца съ частицею отъ гроба его. Прислана съ свидѣтельствомъ въ благословеніе Невельскому Спасо Преображенскому монастырю намѣстникомъ Троице-Сергіевой Лавры Архимандритомъ Антоніемъ въ 1874 г.—На персяхъ Преподобнаго Сергія имѣется серебрянно-вызолоченный крестъ съ такою же цѣпочкой; въ крестѣ помѣщены части мощей: Преп. Сергія Радонежскаго, Святителя Іоны, Митрополита Московскаго, Св. цѣлителей Космы и Даміана; по надписи на упомянутомъ крестѣ видно, что онъ принадлежалъ Св. Іонѣ и присланъ въ Невель-

---

[2]) Преп. Нилъ Столбенскій преставился 7 декабря 1555 года, а 27 мая 1667 года были обрѣтены мощи Преп. Нила, а съ 1756 года 27 мая установленъ ежегодный Крестный ходъ изъ Нило-Столбенской Пустыни въ у. гор. Осташковъ. Более подробныя свѣдѣнія о Нило-Столбенской пустыни читатель найдетъ на стр. 385—396 книги: городъ Осташковъ (Тверской губ,) и его уѣздъ. Сборникъ Историко-Статистическихъ и Археологическихъ Свѣдѣній состав. И. Ѳ. Токмаковъ съ 161 рисункомъ (in 8° 422 стран.). Считаемъ не лишнимъ сообщить, что въ другихъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества также чествуется память Преп. Нила Столбенскаго; такъ въ Тверской губ. въ у. гор. Ржевѣ и въ посадѣ Погорѣломъ Городищѣ Зубцовскаго у. Тверской губ. (См. стр. 8, Посадъ Погорѣлое Городищѣ. Составилъ И. Ѳ. Токмаковъ. М. 1906 г. in 8° съ 16 рисунками).—Наша первопрестольная столица Москва также празднуетъ издавно день 27 мая обрѣтеніе честныхъ мощей Преп. Нила Столбенскаго. Еще до 1812 г. существовала на Петровкѣ близъ Кузнецкаго моста церковь въ честь Воскресенія Христовн, въ которой былъ придѣлъ во имя Преп. Нила Столбенскаго устроенный въ 1663 году. Въ приходѣ церкви въ честь Успенія Пресв. Богородицы, что на Овражкахъ въ Москвѣ, въ Газетномъ переулкѣ существовало подворье Ниловой Пустыни съ домовой церковью во имя Преп. Нила Столбенскаго съ 1667—1812 г. Въ настоящее время только въ Московскомъ Страстномъ Дѣвичьемъ Монастырѣ сохранился Чудотворный Образъ Преп. Нила Столбенскаго (см. Историко-Статистич. и Археологич. Описаніе Московскаго Страстнаго Дѣвичьяго Монастыря. Составъ. И. Ѳ. Токмаковъ. М. 1897 г. in 8° съ рисунк.).

скій Спасо-Преображенскій Монастырь въ 1875 г. изъ Св. Троицкой Сергіевой Лавры намѣстникомъ Архимандритомъ Антоніемъ.

4) Казанская Икона Божіей Матери, живописнаго письма, въ серебряной ризѣ, украшенная усердіемъ граждан г. Невеля въ память избавленія города въ 1841 году отъ холеры.

5) Небольшой серебряно-вызолоченный крестъ съ частицами животворящаго древа Господня и Свв. мощей Св. Ап. Павла и Св. Великомуч. Варвары.

6) Образъ Успенія Богоматери въ серебряно-вызолоченной ризѣ, мѣрой $5^1/_2$ вершк.$\times 3^1/_4$ вершк., [въ образѣ этомъ нѣкогда находились частицы Свв. мощей Великомуч. Георгія, Великомуч. Димитрія Мироточиваго, Преп. Матроны Солунскія и Преп. Анастасіи Рымныни]. Образъпринесенъ въ даръ обители въ 1865 году коллежск. совѣтн. Евфиміемъ Андреевичемъ Отрошкевичемъ.

Въ настоящее время частей Свв. мощей въ образѣ не имѣется.

7) Старинная Икона Знаменія Богоматери, именуемая Абалацкою [*]) съ предстоящими по сторонамъ Св. Николаемъ Чудотв. и Преп. Маріею Ематскою, мѣрою 1 арш. 1 вершк.$\times 11^1/_2$ вершк.

8) Евангеліе въ $^1/_4$ д. л. печ., въ Москвѣ 1685 года, въ переплетѣ обложенномъ цвѣтнымъ плисомъ; въ серединѣ Распятіе Господне, по угламъ четыре звѣздочки и мѣдныя застежки.

9) Евангеліе въ малый листъ, печ. въ Москвѣ 1694 г., въ переплетѣ, обложенномъ вишневымъ плисомъ; въ серединѣ образъ Господа Вседержителя, сидящаго на престолѣ, гравированный весьма тонкимъ серебромъ; застежки мѣдныя.

Къ числу принадлежавшихъ Невельскому Спасо-Преображенскому монастырю храмовъ былъ отнесенъ Кладбищенскій храмъ во имя Св.

---

[*]) Абалацкая Икона Божіей Матери написана въ 1637 г. при Тобольскомъ Архіепископѣ благочестив. Нектаріи. Писалъ ее Пратодіаконъ Тобольскаго Каѳедральнаго Собора Матѳій, извѣстный, въ первой половинѣ XVII вѣка, въ Сибири, какъ искуссвый иконописецъ. Эта икона получила названіе Абалацкой отъ Абалацкаго села, а теперь (съ 1783 г.) Монастыря въ церкви котораго она находится. На Абалацкой иконѣ Божія Матерь изображена точно такъ же, какъ и на Знаменской, т. е. съ воздѣтыми къ верху руками и съ предвѣчнымъ Младенцемъ на персяхъ; только съ тою разницею, что на Абалацкой по сторонамъ Присно-Дѣвы изображены, съ правой стороны Св. Николай, а съ лѣвой Преподобная Марія Египетская. Доска подлинной Абалацкой Иконы имѣетъ длины аршинъ съ четвертью, а ширины 1 арш. $1^1/_4$ вершк. Особеннаго праздненства и службы въ честь Абалацкой Иконы Богоматери не положено, а празднуется ей 27 ноября въ день Знаменія Пресв. Богородицы (болѣе подробныя свѣдѣнія см. на стр. 552—562 Благодѣянія Богоматери роду христіанскому чрезъ Ея Св. Иконы. М. 1897 г. in 8°).

Влмч. Георгія въ ½ версты отъ монастыря. Храмъ деревянный, одно престольный, длиною 7 сажен., шириною 4 сажен. ½ аршина, крытъ тесомъ, глава обита чешуею, крестъ желѣзный. По благословенію Преосвященнаго Варлаама въ 1812 году произведенъ ремонтъ означенной церкви, закончившійся въ 1817 г. при Архіепископѣ Даніилѣ, который на прошеніи Настоятеля Игумена Боголѣпа о разрѣшеніи освятить Церковь во имя Св. Влмч. Георгія положилъ резолюцію „не объяснено, поколебанъ ли Святой Престолъ: ежели поколебанъ, то освятить Соборне, починоположенію, большимъ освященіемъ, ежели престолъ непоколебанъ, то освятить Церковь малымъ освященіемъ по чиноположенію". [4]) Въ 1837 году Церковь во имя Св. Влмч. Георгія была упразднена. Лѣсъ, изъ котораго она была построена, употребленъ на выжегу кирпича для братскаго корпуса.

Церковь во имя Св. Николая Чудотворца, приписанная къ Монастырю, была построена во первой половинѣ XVII ст. [5]) или въ началѣ XVIII ст.; это видно изъ того, что въ 1702 г. эта Церковь именуется новою. По устройствѣ Спасо-Преображенскаго монастыря и по минованіи въ Церкви во имя Св. Николая Чудотв. собственно для монастыря надобности, эта Церковь была обращена въ приходскую. Въ 1778 году, вмѣсто первоначальной Церкви, была выстроена по благословенію Преосвященнаго Георгія, другая деревянная двухъ-этажная Церковь, съ храмомъ во имя Св. Николая Чудотв. внизу, и въ честь Казанской Иконы Богоматери вверху. Новосозданный храмъ былъ освященъ въ 1778 году по благословенію Архіепископа Иннокентія [6]); чрезъ десять лѣтъ приходъ Церкви во имя Св. Николая Чудотв., состоявшій изъ 52 дворовъ приписанъ былъ къ Городской Церкви въ честь Успенія Пресв. Богородицы и Церковь была передана въ вѣдѣніе Невельскаго монастыря [7]). Въ 1833 г. церковь во имя Св. Николая Чудотв. за ветхостью была разобрана и уже болѣе не возстановлена.

---

[4]) См. Указъ Могилевской Духовной Консисторіи отъ 2 мая 1817 г., за № 864.

[5]) Изъ Описанія Документовъ Архива Западнорусскихъ Уніатскихъ Митрополитовъ 1470—1700 г. т. I. СПБ. 1897 г. in 8° стр. 277 показана Церковь Св. Николая въ 1633 году марта 14 въ спискѣ Универсало Короля Владислава IV о возвращеніи православнымъ ихъ нѣкоторыхъ церквей и монастырей на которые изъявляли свою претензію уніаты.

[6]) Указъ Псковской Духовной Консисторіи 1778 г. отъ 31 января, за № 154.

[7]) См. Предписаніе Архіепископа Иннокентія Игумену Сосипатру 1788 г. отъ 27 марта, за № 91.

Была еще церковь во имя Св. Ап. и Еванг. Іоанна Богослова и эта церковь также за ветхостью, по распоряженію Полоцкаго Епархіальнаго Начальства [8]) при Игуменѣ Амвросіи (Соловьевѣ) разобрана въ 1882 году а Свв. Иконы приняты и размѣщены въ церквахъ Невельскаго монастыря, утварныя же и ризничныя вещи хранятся въ ризницѣ помянутой обители; зданіе разобранной церкви употреблено на отопленіе монастырскихъ церквей—несгораемый же матеріалъ, какъ-то желѣзо, стекло—былъ проданъ.

Въ теченіи двухъ вѣковъ Невельскій Спасо - Преображенскій мужской монастырь претерпѣлъ немало бѣдъ и напастей, пронесшихся надъ священными его главами. Какъ расположенный въ центрѣ городской жизни и дѣятельности, Невельской Спасо - Преображенскій монастырь, по естественному ходу вещей, становился неизмѣннымъ участникомъ всѣхъ отрадныхъ и горестныхъ моментовъ исторической жизни г. Невеля. Вмѣстѣ съ городомъ Св. Обитель въ особенности много и часто страдала отъ опустошительныхъ пожаровъ иногда почти до основанія испепелявшихъ всѣ ея зданія. Такъ мы должны упомянуть о пожарѣ 1885 года, когда и главный и остальные храмы монастыря и иноческія келіи немногочисленнаго братства его сдѣлались жертвою пламени и долго не могли оправиться отъ обрушившагося на нихъ несчастья. Вслѣдъ за бѣдствіемъ 1865 года мы должны указать еще, что въ пожары 12 іюня 1888 г. и 8 августа 1897 г. къ глубокому прискорбію погибли многіе драгоцѣнные историческіе акты. Утрата этихъ древне-письменныхъ памятниковъ тяжела для церковной исторіи Сѣверо-Западнаго края Россіи тѣмъ болѣе, что, какъ намъ извѣстно, Невельскій Спасо-Преображенскій Мужской монастырь никогда не былъ предметомъ особеннаго изслѣдованія людей науки.

Утварью, равно и облаченіями, монастырь располагаетъ въ достаточномъ количествѣ, но замѣчательныхъ вещей не сохранилось. Архивъ и библіотека монастыря по причинѣ частыхъ пожаровъ почти истреблены, древнихъ документовъ не сохранилось.

Недвижимое монастырское имущество состоитъ нынѣ въ слѣдующемъ: а) земля подъ церквами, постройками, огородомъ и садомъ въ количествѣ 1700 кв. сажен., б) фольварокъ Синого въ 3 верст. отъ монастыря, назначенный Невельскому монастырю отъ казны въ 1869 г.;

[8]) См. Указъ Полоцкой Духовной Консисторіи отъ 22 мая 1882 г., за № 2567.

въ этомъ фольваркѣ имѣется 38 дес. лѣса и 122 дес. земли удобной и неудобной; в) часть озера Каратай въ 12 верст. отъ монастыря, г) каменная лавка на базарной площади и д) 11 плацовъ подъ домами разночинцевъ.

Средствами къ существованію монастыря служатъ; а) арендная плата за вышепоказанныя угодія 1175 р., б) 3/0% съ капитала въ 11534 р. заключающагося въ свидѣтельствахъ 4% ренты, в) ежегодно получаемыя отъ казны вспомоществованія 228 р. 40 к. и д) доходъ отъ богослуженія до 400 р.

Число братіи по штату не положено, нынѣ состоитъ на лицо: Игуменъ, три Іеромонаха, два Іеродіакона и 11 послушниковъ.

Среди бѣдствій отъ пожаровъ, непріятельскихъ нашествій и междоусобныхъ смутъ утратилось много древне-письменныхъ и археологическихъ памятниковъ, представлявшихъ не малый интересъ для исторіи Невельской Спасо-Преображенской мужской Обители, и въ числѣ многихъ любопытныхъ документовъ исчезли и бумаги, содержавшія въ себѣ свѣдѣнія о дѣятельности настоятелей помянутаго монастыря, управлявшихъ обителью въ XVII—XVIII ст. Вотъ имена Настоятелей, дошедшія до насъ по тщательнымъ археографическо-библіографическимъ изслѣдованіямъ.

Игуменъ Исаакъ [9]) 1673 г.

Игуменъ Сафроній (Марецкій), при немъ заложенъ каменный храмъ въ честь Преображенія Господня въ 1725 г.

Игуменъ Досиѳей (Рубисъ) 1742 г.

Іеромонахъ Филаретъ 1750 г.

Игуменъ Веніаминъ (Соколовскій) 1768 г.

Игуменъ Іустинъ (Негребецкій) 1775 г.

Игуменъ Маркеллъ 1776 г.

Игуменъ Кириллъ [10]) 1778 г.

---

9) У П. М. Строева, Списки Іерарховъ и Настоятелей Монастырей Россійской Церкви. Изд. Археографической Комиссіи СПБ. 1877 г. стр. 504 показанъ Троицкаго Невельскаго Монастыря Игуменъ ИсаакъАроновъ 1674 г., а на стр. 508 читаемъ: „въ Невлѣ черному попу Кириллу 29 сент. 1670 г. грамотою царскою велѣно построить Монастырь“ (какой ?).

10) Показанъ у П. М. Строева „Списки Іерарховъ и Настоятелей Монастырей Россійской Церкви“. Изд. Археографической Комиссіи СПБ. 1877 г. стр. 506.

Игуменъ Ѳерапонтъ [11]) 1778—1780 г.

Игуменъ Іассонъ 1782 г.

Игуменъ Іосифатъ 1784 г.

Игуменъ Сосифатръ (Потаповъ) 1787 г.

Игуменъ Сергій 1801 г.

Игуменъ Захарій (Полянскій) 1807 г.

Іеромонахъ Илларіонъ 1808 г.

Игуменъ Боголѣпъ 1815 г.

Іеромонахъ Самуилъ 1825 г.

Игуменъ Павелъ (Чичкевичъ) [12]) 1830 г., а позднѣе въ Марковомъ Витебскомъ съ 1832 по 1861 г.

Архимандритъ Меѳодій (Краснопольскій) 1832 г. † 6 сентября 1867 г., погребенъ въ монастырѣ.

Архимандритъ Григорій (Лукашевичъ) 1866 г.

Архимандритъ Тихонъ 1867 г. † 1889 г. декабря, погребенъ въ монастырѣ.

Игуменъ Амвросій (Всудовъ) 1871 г. † 27 августа 1888 г., погребенъ въ монастырѣ.

Игуменъ Амвросій (Соловьевъ) 1880 г.

Архимандритъ Гаманіилъ (Никольскій) 1889 г. † 14 сентября 1900 г., погребенъ въ монастырѣ.

Ахимандритъ Іона съ 1900 г.

Игуменъ Порфирій съ 1902 г.

И. Ѳ. Токмаковъ.

---

[11]) Тамъ-же.

[12]) См. на стр. 503 у П. М. Строева, почему-то у П. М. показано только четыре настоятеля.

Печатано по постановленію Совѣта Витебской Ученой Архивной Коммиссіи (отдѣльные оттиски изъ Трудовъ Коммиссіи).

Предсѣдатель Коммиссіи **В. Кадыгробовъ.**

11 февраля 1911 года.

ГРЮНВАЛЬДСКІЙ БОЙ

и его значеніе для славянъ *).

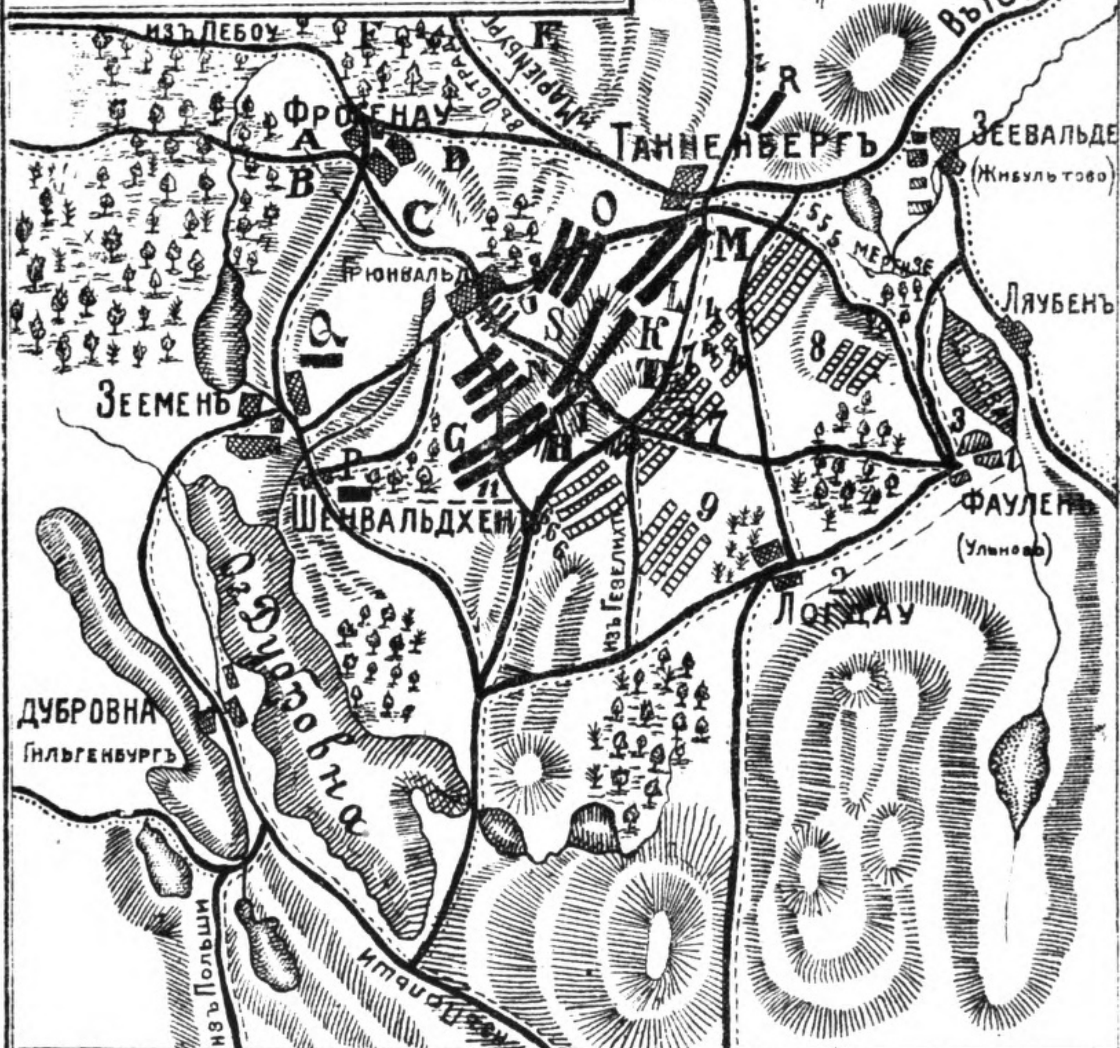
15 іюля сего 1910 года исполнилось ровно 500 лѣтъ, когда близъ Грюнвальда и Танненберга, къ югу отъ Маріенбурга, по словамъ русскихъ лѣтописей, „Бысть побоище королю Ягайлу Олгирдовичю, нарѣченному Владиславу, и великому князю Литовскому Витовту Кестутьевичу съ Нѣмцы, и Пруссы, въ земли ихъ Прусской межи городовъ Дубровна и Острода; и убиша местера, и моршалка, и кумендера, и кундура побиша, и всю силу ихъ Нѣмецкую одолѣша, и грады ихъ нѣмецкія поимаша, токмо три грады не вдашася королю и Витовту“, т. е. на поляхъ нынѣшней восточной Пруссіи общими усиліями Литовскаго княжества и Польскаго королевства было на голову разбито нѣмецкое рыцарское войско. Этотъ историческій фактъ имѣетъ такое огромное значеніе для всѣхъ славянъ вообще и въ частности для насъ, бѣлоруссовъ, что нашей Архивной Комиссіи нельзя обойти молчаніемъ это знаменательное событіе.

*) Источники и пособія: 1) „Битва при Грюнвальдѣ“, Д. И. Довгялло. Вильна 1909 г. 2) „Грюнвальдская битва“. С. Томилинъ. Вильна 1910 г. 3) „Грюнвальдская битва“, Кояловича. СПБ. 1885 г. 4) „Таннебергская битва“, Барбашева. Журн. Мин. Нар. Пр., декабрь 1887 г. 5) „Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ“, П. Д. Брянцева. Вильна 1889 г. 6) „Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи“, Антоновича, т. I. Кіевъ 1885 г. 7) „Grunwald“, M. Offmanski. Warszawa, 1903 г. 8) „Грюнвальдская годовщина“, И. Филевича „Новое Время“ 1911 г. 12321. 9) „Kurjer Warszawski“, Dnia 1 Stycznia 1910 г. 10) „Очеркъ исторіи Литовско-русскаго государства“, проф. М. Любавскій, Москва 1910 г.

Прекрасные результаты славной Грюнвальдской битвы были плодомъ полнаго единенія славянъ, слившихся въ этотъ историческій моментъ въ единое море и сознательно шедшихъ къ одной опредѣленной цѣли.

Грюнвальдская битва была одна изъ тѣхъ битвъ въ исторіи человѣчества, которыя рѣшаютъ судьбу народовъ: слава и сила ордена погибла въ этой битвѣ окончательно; побѣдители прусскихъ племенъ, рыцари, встрѣтили огромное ополченіе со стороны объединенныхъ славянскихъ народовъ восточной Европы и предъ ними оказались недостаточными ни искусство рыцарей, ни ихъ сила и мужество, ни слава непобѣдимости. Рыцарство послѣ Грюнвальдской битвы погибло окончательно. Это былъ такой его разгромъ, послѣ котораго существованіе его становилось уже безцѣльнымъ, невозможнымъ.

Какія же обстоятельства были причиной столкновенія близъ Грюнвальда славянъ и нѣмцевъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ можно только тогда, когда мы припомнимъ, кто семьсотъ лѣтъ слишкомъ тому назадъ жилъ на берегу Балтійскаго моря, по нижнему теченію рѣкъ Западной Двины, Нѣмана, Вислы, Одера и Эльбы, или по-славянски Лабы, и какъ водворились въ названныхъ мѣстахъ нѣмцы. По свидѣтельству европейскихъ ученыхъ, нашихъ русскихъ и главнымъ образомъ нѣмцевъ, здѣсь жили славянскія племена, исчезнувшія нынѣ съ историческаго поприща, и литовское племя пруссы. Всѣ эти племена исповѣдывали язычество. Русскій народъ и русскіе князья, новгородскіе и полоцкіе относились терпимо къ своимъ сосѣдямъ, не обращали вниманія на ихъ бытъ и языческую религію, а довольствовались только незначительною данью, которую приносили имъ туземцы. Скоро въ этотъ край проникли нѣмцы. Въ началѣ XII вѣка на Балтійскомъ морѣ, на о. Готландѣ бременскіе и гамбургскіе купцы завели торговлю съ новгородцами. Въ концѣ же этого столѣтія нѣмецкіе купцы познакомились съ Ливоніей и основали въ ней свои дворы для склада товаровъ. Послѣ этого бременскій архіепископъ, узнавши отъ купцовъ, что въ Ливоніи и сосѣднихъ

1, 2. Обозъ литовской арміи.	A. B. C. D. E. F. — Обозъ крестоновцевъ.
3. Королевская каплица.	G. H. I. K. L. M. — Ихъ боевое расположеніе.
4, 5. Боевое расположеніе литов. арміи	N. O. — Двѣ резервныя колонны.
6, 7. Тоже польской арміи.	P. — Часть для защиты лѣваго крыла.
8, 9. Резервныя колонны.	Q. — Такая же другая.
10, 11. Позднѣйшее положеніе резерв.	R. — Такая же третья для защ. праваго крыла.
	S. — Мѣсто убіенія вел. магистра.
	T. — Шесть дубовъ на холмѣ.
	U. — Послѣдніе резервы крестоносцевъ

съ нею странахъ живутъ язычники, прислалъ сюда для распространенія христіанства августинскаго монаха Мейнгарда, который, по причинѣ раздробленія полоцкаго княжества на мелкіе удѣлы и розни отдѣльныхъ князей этого княжества, основалъ здѣсь нѣмецкую колонію.

Миссіонерскіе труды Мейнгарда не долго сопровождались успѣхомъ. Литовскія племена стали возставать противъ владычества пришельцевъ и ихъ вѣры, которую нѣмцы съ оружіемъ въ рукахъ навязывали имъ. Мейнгардъ скоро умеръ. Въ Ливонію былъ присланъ новый епископъ Альбертъ Буксгевденъ, человѣкъ умный, ловкій, хитрый и въ высшей степени энергичный. Онъ привелъ сюда крестоносное ополченіе, набранное съ благословенія папы, и положилъ въ 1200 году основаніе существующему до сихъ поръ гор. Ригѣ; въ томъ же году онъ основалъ духовно-рыцарскій орденъ, получившій уставъ ордена тампліеровъ и названный орденомъ меченосцевъ, крестоносцами.

Появленіе нѣмцевъ на южномъ побережьи Балтійскаго моря, въ странѣ пруссовъ, является дѣломъ недальновидности одного изъ удѣльныхъ польскихъ князей, герцога Мазовецкаго Конрада, который, въ огражденіе себя отъ опустошительныхъ набѣговъ пруссовъ, призвалъ въ 1225 году изъ Палестины рыцарей. Послѣдніе, основавъ орденъ Тевтонскій, покорили всю страну, обратили пруссовъ въ христіанство и начали съ помощью Конрада германизацію пруссовъ, покрывъ ихъ страну нѣмецкими колоніями и городами.

Въ 1237 году оба ордена соединились вмѣстѣ и стали дружно дѣйствовать противъ литовскихъ племенъ и сосѣднихъ славянъ. Славяне и литовцы, обезпокоенные этими непрошенными сосѣдями, стали вести съ ними борьбу, защищая свою вѣру и народность. Рыцари, крыжаки, заняли даже Псковъ, но князь Новгородскій Александръ Невскій, послѣ блистательной побѣды на льду Чудскаго озера, отнялъ вновь Псковъ и задержалъ дальнѣйшее наступательное движеніе крестоносцевъ на Русь. Тогда рыцари устремили все свое вниманіе на литовскія племена въ области нижняго теченія Нѣмана и Вислы. Созна-

пилъ въ сношенiе съ крестоносцами, принялъ у нихъ крещенiе подъ именемъ Виганда и письменно обязался уступить ордену Жмудь и половину Литвы, если съ его помощью овладѣетъ великимъ княжествомъ, которое готовъ онъ былъ принять въ видѣ лена отъ ордена. Какъ видно, крестоносцы за труды при крестинахъ литовскихъ князей требовали весьма большого вознагражденiя. Наконецъ въ душѣ Витовта заговорили нацiональныя чувства; ему стало неловко, что онъ поступаетъ въ союзъ съ вѣковыми врагами Литвы, что орденъ имѣетъ намѣренiе пользоваться имъ, какъ орудiемъ, для ослабленiя Литвы, а потому охотно согласился примириться съ братомъ, если послѣднiй объявитъ ему секретно, что отдастъ все Трокское княжество ему съ условiемъ прервать сношенiя съ орденомъ и возвратиться въ отечество. Какъ только онъ получилъ отъ брата Ягайло на этотъ счетъ нужныя завѣренiя, такъ измѣннически убилъ нѣсколькихъ рыцарей и, завладѣвъ нѣкоторыми изъ ихъ крѣпостей, открыто перешелъ на сторону Ягайлы.

Внезапная перемѣна въ отношенiяхъ Ягайлы, Витовта и ордена объясняется событiями, происходившими въ Польшѣ. Въ 1385 году изъ Польши Ягайлѣ было сдѣлано предложенiе жениться на польской королевѣ Ядвигѣ и соединить Польшу и Литву. Ягайло рѣшился жениться на королевѣ Ядвигѣ по совѣту съ матерью своею, великою княгинею Iулiанiею, и съ нѣкоторыми братьями—областными князьями, Скиргайломъ, Корибутомъ, Лугвенiемъ и др. Очевидно, что не личные только интересы Ягайла, но и государственные настойчиво рекомендовали такой образъ дѣйствiй. Женившись на Ядвигѣ, онъ долженъ былъ обезпечить Польшѣ союзъ и содѣйствiе своего княжества. Это было весьма важно для обоихъ государствъ Литвы и Польши въ борьбѣ съ рыцарями, которые, овладѣвъ литовскими землями на Балтiйскомъ побережьѣ, овладѣли Польскимъ Поморьемъ, отодвинули Польшу отъ моря и овладѣли торговымъ движенiемъ на Вислѣ, устье которой принадлежало уже ордену. Польша вела съ нѣмцами такую же народную войну, какъ и Литва; у нихъ такимъ образомъ

былъ общій врагъ. Вотъ причина, по которой поляки такъ настойчиво шли на соединеніе съ Литвой.

Но Ягайло поступилъ крайне несправедливо по отношенію къ своему двоюродному брату. Онъ не далъ ему великокняжескаго престола въ Вильнѣ, а отдалъ его своему родному брату Скиргайлѣ. Вѣроятно, лѣнивый и малодушный Ягайло чувствовалъ себя неловко подлѣ дѣятельнаго и предпріимчиваго Витовта. Оскорбленный Витовтъ опять вступилъ въ сношенія съ орденомъ и получилъ отъ него помощь противъ Ягайлы и Скиргайлы. Крестоносцы предприняли нѣсколько опустошительныхъ походовъ противъ Литвы, вошедшей въ составъ Польши. Ягайло, видя полную невозможность одному управиться съ орденомъ, помирился съ Витольдомъ, обѣщалъ ему великое княженіе при условіи расторженія всякаго его соглашенія съ орденомъ. Витольдъ бѣжалъ отъ рыцарей въ Вильну, гдѣ былъ принятъ съ большими почестями. Ягайло и Ядвига прибыли лично въ Литву для примиренія съ Витовтомъ, который получилъ достоинство великаго князя литовскаго на правахъ самостоятельнаго государя. Съ этихъ поръ дружба Ягайлы съ Витовтомъ уже больше не нарушается.

Крестоносцы, возмущенные вѣроломствомъ Витольда, заключили его брата въ тюрьму, отравили двухъ сыновей и распустили въ Европѣ слухъ, что онъ обратился снова въ язычество. Крестоносцы имѣли на своей сторонѣ много союзниковъ даже среди славянъ. Они произвели страшное разложеніе въ славянской средѣ, имѣя друзей и набирая войска въ Помераніи и Силезіи; на ихъ сторонѣ былъ чешскій король Венцеславъ и венгерскій Сигизмундъ, который хотѣлъ продать имъ въ числѣ прочихъ земель Добржинскую землю, принадлежавшую полякамъ. Самъ магистръ пришелъ въ изумленіе отъ дерзости Сигизмунда, желавшаго продать чужую собственность безъ малѣйшаго на то права. Онъ не уклонялся, однакожъ, отъ переговоровъ, лишь бы венгерскій король представилъ какія бы то ни было права на Добржинскую землю. Нашлась возможность представить эти

права, и рыцари заняли названную землю, а жителей заставили принести присягу въ вѣрности ордену. Коронныя сословія, получивъ извѣстіе о занятіи Добржинской земли, отправили строгую декларацію магистру, но декларація эта не имѣла никакого успѣха. Крестоносцы послѣ этого нѣсколько разъ нападали на Литву и Польшу, предавая огню и мечу имущество ни въ чемъ неповинныхъ жителей. Витовтъ сталъ готовить большое войско, чтобы отомстить крестоносцамъ за ихъ опустошенія въ Литвѣ. Но слухъ о татарскомъ нашествіи на Литву заставилъ Витовта заключить съ крестоносцами миръ, по которому имъ уступалась Жмудь навсегда. Договоръ этотъ закончился свиданіемъ Витовта съ магистромъ ордена Конрадомъ Юнгингеномъ на островѣ Салинѣ, въ нижнемъ теченіи Нѣмана. Наступилъ знаменитый для Витольда 1399 годъ, знаменитый и несчастный, ибо повелитель Литвы на берегахъ рѣки Ворсклы былъ разбитъ татарами на голову; онъ лишился почти всего своего войска и сталъ такимъ слабымъ сосѣдомъ, что крестоносцы начали проявлять къ нему свое враждебное отношеніе. Имѣя такого настойчиваго врага въ лицѣ ордена, Литва и Польша 18 января 1401 года въ Вильнѣ подписали первый формальный актъ политической уніи обоихъ государствъ, въ силу которой оба государства обязались помогать другъ другу противъ общихъ враговъ, имѣя въ виду таковыхъ главнымъ образомъ въ лицѣ крестоносцевъ.

Положеніе литовскихъ земель и въ особенности Жмуди, очутившихся подъ началомъ ордена, было настолько тяжелымъ, что жители Жмуди часто поднимали возстаніе противъ крестоносцевъ. Гроссмейстеръ ордена обвинялъ Витольда въ подстрекательствѣ жмудиновъ къ возстанію, а Ягайла въ содѣйствіи своему брату. Витольдъ же обвинялъ крестоносцевъ въ нарушеніи условій договора и въ страшныхъ притѣсненіяхъ Жмуди. Жмудины разослали грамоты по всей Европѣ съ жалобою на орденъ. Въ этихъ грамотахъ они просили выслушать ихъ, угнетенныхъ и измученныхъ орденомъ, который не ищетъ ихъ душъ для Бога, а ищетъ ихъ земель для себя. Словомъ, шла борьба—въ предѣлахъ Литвы—

оружіемъ, а при европейскихъ дворахъ —взаимными обвиненіями. Съ Польшей, кромѣ того, были весьма натянутыя отношенія изъ-за Добржинской земли. Вообще причинъ и поводовъ къ войнѣ было очень много, и обѣ стороны стали дѣятельно слѣдить другъ за другомъ и настойчиво готовиться къ войнѣ. Рыцари разослали свои грамоты по всей Европѣ, приглашая охотниковъ. Въ теченіе цѣлой зимы 1409 года и весны 1410 года прибывали въ Маріенбургъ, столицу тевтонскихъ рыцарей, изъ самыхъ отдаленныхъ странъ Европы гости. Конечно, и Витольдъ не дремалъ: онъ немедленно далъ знать брату своему Ягайлѣ о готовящейся опасности и просилъ свиданія для переговоровъ по сему дѣлу. Въ концѣ осени 1409 года въ Брестѣ оба брата заключили между собою договоръ защищать другъ друга до послѣдней капли крови и составили планъ войны. На совѣщаніяхъ въ Брестѣ между братьями могли присутствовать только самыя довѣренныя лица.

Въ 1410 году, въ концѣ іюня, Ягайло и Витовтъ съ польскими, русскими и литовскими войсками быстро двинулись въ предѣлы Пруссіи и стали лагеремъ между Грюнвальдомъ и Танненбергомъ, потому что сильное ополченіе ордена приближалось къ названному мѣсту. По лѣтописнымъ свидѣтельствамъ, число арміи крестоносцевъ равнялось 90000; тутъ принимали участіе войска германскія, англійскія, шотландскія, шведскія, богемскія, венгерскія, вооруженныя по послѣднему слову тогдашней науки, имѣвшія превосходное воинское устройство и прекрасную многочисленную артиллерію. Предводителемъ орденскаго войска былъ магистръ ордена Ульрихъ фонъ-Юнгингенъ, отличавшійся твердымъ характеромъ и истинно-рыцарскою храбростью. Оффиціальнымъ же предводителемъ славянско-литовскихъ войскъ считался король Ягайло, но фактически всѣмъ распоряжался и первый вступилъ въ бой Витовтъ.

Интереснымъ очень является національный составъ русско-польско-литовскихъ соединенныхъ силъ, участвовавшихъ въ Грюнвальдской битвѣ. Польскій историкъ Нарбутъ считаетъ, что всѣхъ хоруг-

Витебскомъ, Полоцкомъ и трехъ Смоленскихъ и въ войскѣ нѣкоторыхъ княжескихъ фамилій Западной Руси (Мстиславскіе, Лукомльскіе), принимали участіе наши православные бѣлоруссы, чтившіе память преподобной Евфросиніи. Нельзя обойти молчаніемъ также и того, что среди знаменитыхъ участниковъ битвы при Грюнвальдѣ былъ чешскій вождь Янъ Жижка, ратоборецъ за дѣло славянства; кромѣ того, въ литовскомъ войскѣ было 30000 легкой татарской конницы, находившейся подъ начальствомъ одного изъ сыновей Тахтамыша.

Но честь побѣды и истинно-рыцарской храбрости стяжали въ этой битвѣ Смоленскіе полки подъ командою своего доблестнаго вождя Юрія Лугвеньевича, князя Мстиславскаго, приходившагося по отцу внукомъ литовскому князю Ольгерду и по матери (Маріи Дмитріевнѣ) внукомъ Московскому великому князю Дмитрію Ивановичу Донскому.

Чтобы вполнѣуразумѣть выдающуюся доблесть Смоленскихъ полковъ съ княземъ Юріемъ Лугвеньевичемъ, я остановлюсь на описаніи самой битвы и ея подробностей. Описаніе, сдѣлано польскимъ историкомъ Нарбутомъ. Вотъ какъ въ его исторіи говорится объ этомъ: 13 іюля объединенными силами славянъ былъ взятъ городъ Дубровно съ замкомъ Гильгенбургъ и вмѣстѣ съ нимъ большіе запасы, собранные для крестоносцевъ изъ окрестныхъ деревень. Послѣ этого союзники стали бивакомъ на восточномъ берегу озера Дубровна, между деревнями Ульново (Фауленъ) и Логдау. По дорогѣ изъ Любавы къ деревнѣ Фрегенау прибыли крестоносцы и расположились лагеремъ приблизительно въ 10 верстахъ отъ союзныхъ славянскихъ войскъ. Ночь наканунѣ 15 іюля была для крестоносцевъ чрезвычайно неудобной. Лилъ сильный дождь, гремѣлъ страшный громъ, порывистый вѣтеръ опрокинулъ очень много шатровъ въ станѣ. Въ лагерѣ же славянъ была полная противоположность. Ночь была тихая. Блѣдная полная луна свѣтила съ чистыхъ небесъ, и только передъ разсвѣтомъ не разъ набѣгалъ довольно сильный вѣтеръ и препятствовалъ установкѣ походной церкви, въ которой Ягайло могъ прослушать обѣд-

относительно возможности войны, теперь его завѣтная мечта отомстить своимъ исконнымъ врагамъ-крестоносцамъ, исполнялась. Вотъ Витовтъ передъ своими войсками, полный жажды мести и ненависти къ нѣмцамъ, мчится съ простертой повелительно рукой по направленію къ врагамъ; лицо его дышитъ дикой энергіей, сознаніемъ своей силы; его одушевленіе охватило всѣ дружины. Каждый чувствовалъ, что совершается великое дѣло. Передъ славянскими дружинами виднѣлись разнообразно одѣтыя рыцарскія войска въ латахъ и бѣлыхъ плащахъ. Многія изъ нихъ представляли лучшія рыцарскія силы всей Европы, созванныя сюда орденомъ на невиданный пиръ побоища. Витовтъ первый началъ битву. Крестоносцы открыли сраженіе выстрѣлами изъ пушекъ, которыя тогда уже имѣлись въ нѣкоторыхъ арміяхъ; ихъ имѣлъ и Витовтъ во время сраженія съ татарами на р. Ворсклѣ. Но пушечные выстрѣлы тогда, въ виду плохого состоянія артиллеріи, не могли причинить соединеннымъ войскамъ никакого вреда. Имѣли артиллерійскія орудія и поляки, но они берегли ихъ для штурма укрѣпленныхъ замковъ. Когда крестоносцы увидѣли, что ихъ орудія безполезно стрѣляютъ, то приказано было замолчать. Въ этой первой схваткѣ рыцари были далеко оттѣснены отъ первоначальной позиціи. Это было особенно непріятно рыцарямъ, считавшимъ себя лучшими въ мірѣ воинами и одушевленными обще-германской идеей своего превосходства надъ другими народами. Послѣ чуть замѣтнаго замѣшательства, магистръ приказалъ снова броситься въ бой. Враги спускались другъ на друга съ холмовъ и столкнулись въ долинѣ съ такимъ ожесточеніемъ и крикомъ, что земля, казалось, дрогнула отъ дружнаго удара копій по щитамъ и панцырямъ. Черезъ нѣкоторое время копья поломались, началась битва мечами и бердышами, свалугами, шестоперами и дубинами. Звонко раздавались тяжелые удары по рыцарскимъ доспѣхамъ. И только смерть каждаго очищала мѣсто для дальнѣйшаго движенія впередъ. Жестокій, небывалый бой кипѣлъ по всей линіи, съ обѣихъ сторонъ масса убитыхъ, а видимаго успѣха еще не было ни на чьей сторонѣ. Но вотъ пос-

лѣдній, дружный натискъ крестоносцевъ рѣшилъ бой въ одномъ мѣстѣ: рыцари сокрушили храбрыхъ своихъ соперниковъ, прорвали линію литовско-русскихъ полковъ и оттѣснили значительную часть арміи Витовта къ Лаубенскому озеру, а другую часть отбросили къ лѣвому флангу польскихъ войскъ, стоявшихъ въ небольшой рощѣ и не принимавшихъ никакого участія въ битвѣ. Въ этой послѣдней части были исключительно жмудинскія войска, которыя не могли вести долгой, правильной войны, а потому при энергичномъ методическомъ наступленіи нѣмцевъ не выдержали и побѣжали съ поля сраженія. Началась невообразимая паника. Сколько ни старался Литовскій Вождь пріостановить свои дружины, бѣжавшія въ паническомъ страхѣ, по возстановить боевой строй ему не удалось. Бой былъ проигранъ. Значительная часть крестоносцевъ съ радостными кликами погналась за убѣгающими литвинами, поражая ихъ оружіемъ и топча конями, а другая большая сила рыцарей, занялась литовско-русской арміей, отброшенной къ Лаубенскому озеру.

Но тутъ случилось такое обссоятельство, которое привело въ изумленіе орденскія войска. Незначительная часть литовско-русскаго войска, вдругъ выстроилась въ боевой порядокъ и смѣло перешла въ наступленіе, обрушившись во флангъ крестоносцевъ, стремившихся преслѣдовать бѣгущихъ литовцевъ. Это были доблестные смоленскіе полки подъ предводительствомъ своего мужественнаго князя Юрія Лугвеньевича. Странное впечатлѣніе производили воины Смоленскаго князя; очень немногіе изъ нихъ имѣли на головахъ кованныя желѣзныя шапочки и нашейники, а большинство носило поверхъ бѣлыхъ суконныхъ свитокъ бахтерцы, особый видъ домашняго изготовленія брони изъ плотно скрученныхъ и перевитыхъ между собой пеньковыхъ веревокъ. Эти бахтерцы нисколько не защищали воина отъ копій и стрѣлъ, но зато отлично сопротивлялись удару меча и рыцарской сѣкиры. Оружіемъ Смоленскихъ полковъ были обыкновенные дровосѣкные топоры, насаженные на топорище, нѣсколько длиннѣе

употребляемыхъ при рубкѣ дровъ. Обуты смольняне были кто въ лапоть, а кто и безъ всякой обуви. Само собой понятно, что смоленскіе полки были встрѣчены насмѣшками въ польско-литовскомъ лагерѣ; ихъ называли дегтярниками. Такія войска, покрытые тяжелыми веревочными бахтерцами, не годились для наступательныхъ дѣйствій, но гдѣ нужна была непоколебимая стѣна изъ живыхъ тѣлъ, тамъ эти войска составляли неодолимую твердыню. Эти сѣрые герои храбро напали на торжествующихъ уже рыцарей, достигли непріятельскихъ рядовъ и снова завязался бой, повернувшій колесо фортуны славянъ въ другую сторону. Медленно, но зато твердо подвигались впередъ смоленскіе полки; ихъ большіе топоры тяжело поднимались и падали глухо, поражая безъ разбора людей и лошадей. Рыцари, опьяненные первымъ успѣхомъ битвы, съ особой силой ударили на смольнянъ; къ сражавшимся крестоносцамъ присоединились и тѣ, которые были заняты преслѣдованіемъ бѣжавшихъ литовцевъ и жмудинъ. Но сокрушить эту живую твердыню имъ не удалось. За спиною смольнянъ приводило себя и вновь строилось въ боевой порядокъ то русско-литовское войско, которое было только разсѣяно, но не бѣжало въ паническомъ страхѣ. Рыцари видѣли, что имъ необходимо во что бы то ни стало побѣдить смольнянъ. Они сначала не видѣли, что изъ-за лѣса, находящагося вправѣе ихъ, стали выступать стройныя знамена польскаго войска. Это нѣсколько смутило рыцарей, торжествовавшихъ уже побѣду надъ литовцами; но они скоро оправились, построились и съ побѣднымъ гимномъ на устахъ „Христосъ воскресе“ снова бросились съ удвоенною энергіей на поляковъ. Большое королевское знамя съ бѣлымъ орломъ было опрокинуто, и только съ большими усиліями поляки его возстановили. Минута была чрезвычайно опасная для славянъ, такъ какъ рыцари, преслѣдовавшіе литовцевъ, стали возвращаться на помощь своимъ. Но Витовтъ нашелся какъ нельзя лучше. Онъ взялъ нѣсколько полковъ изъ арміи Ягайлы и съ ними ударилъ на возвращавшихся съ погони рыцарей, большая часть которыхъ была перебита и захвачена въ плѣнъ. Всѣ уси-

лія крестоносцевъ теперь были направлены на ядро польской арміи, гдѣ были полки краковскій, сандомирскій, галицкій и др. Самъ великій магистръ принялъ начальство надъ аттакующей колонной и, выстроивъ въ густую массу всѣ свои знамена, двинулся впередъ, чтобы рѣшительнымъ ударомъ раздавить поляковъ. Витовтъ, видѣвшій это намѣреніе рыцарей, выдвинулъ противъ нихъ съ лѣваго фланга польскихъ войскъ нѣсколько полковъ охотниковъ, находившихся за небольшою рощей, чтобы отвлечь силы рыцарей. Но аттака послѣднихъ была такъ настойчива и стремительна, что только численный перевѣсъ, бывшій на сторонѣ славянъ, давалъ возможность противостоять бѣшеной аттакѣ враговъ. Много, конечно, придало бодрости польскому войску личное присутствіе короля Ягайло въ центрѣ своей арміи, хотя такое присутствіе не могло не быть опаснымъ для жизни короля. Сначала крестоносцы не предполагали, что среди польскихъ рыцарей, бывшихъ недалеко отъ нихъ, находится самъ король, такъ какъ королевское знамя было предусмотрительно спущено. Тѣмъ не менѣе нѣсколько рыцарей отдѣлились отъ общей массы нѣмецкихъ рыцарей и хотѣли было перевѣдаться съ блестящимъ королевскимъ конвоемъ, но магистръ, имѣя цѣлью всю польскую армію, скомандовалъ слѣдовать за нимъ по направленію къ центру польской арміи. Большинство рыцарей послушалось и присоединилось къ отряду, но одинъ изъ нихъ, самый значительный, Диппольдъ фонъ-Кикеритцъ изъ Лузаціи, не послушался. Желаніе завладѣть богатымъ вооруженіемъ короля и роскошнымъ убранствомъ его коня заставило его съ поднятымъ копьемъ неблагоразумно броситься на Ягайло, окруженнаго лучшими воинами. Ягайло поднялъ копье и отбилъ ударъ, а находившійся вблизи королевскій секретарь Сбигнѣвъ Олесницкій, державшій въ рукахъ изломанное копье, швырнулъ въ него обломкомъ и сбилъ рыцаря съ коня; король вонзилъ копье въ лобъ рыцаря, а окружающая короля стража разсѣкла дерзкаго нѣмца на части. Ягайло, въ которомъ заговорила кровь его знаменитыхъ предковъ Гедимина и Ольгерда, хотѣлъ было устремиться впередъ, но приближенные удержали его. Ме-

жду тѣмъ рыцари съ особенной настойчивостью стали насѣдать на польское войско, и такимъ образомъ опасность съ головы короля перешла на всю польскую армію. Поляки стали отступать. Королевскій секретарь Сбигнѣвъ-Олесницкій поскакалъ на своемъ конѣ къ командовавшему мазовецкими знаменами, находившимися впереди, Николаю Колбасѣ герба «Наленчъ», чтобы онъ своими войсками прикрылъ отступленіе. Но предводитель мазовецкихъ войскъ отказалъ на томъ основаніи, что крестоносцы, видя уходъ войскъ съ поля битвы, удвоили-бы только мужество. Въ эту критическую минуту Витовтъ вывелъ блестящія наемныя дружины. Онъ зашелъ во флангъ нападавшимъ нѣмецкимъ войскамъи отчасти въ тылъ, и началась новая, послѣдняя битва. Рыцари ударили на новыхъ враговъ, но не могли произвесть своего обычнаго дѣйствія, такъ какъ они были уже утомлены войной, и сомнѣніе въ благопріятномъ исходѣ битвы явилось не у одного рыцаря. Одинъ только великій маршалъ и безумно храбрый Ульрихъ фонъ-Юнгингенъ безстрашно смотрѣлъ въ глаза опасности и неблагоразумно начали войну. Витовтъ былъ всюду: онъ руководилъ наемными дружинами и не оставлялъ своихъ литовско-русскихъ войскъ, которыя не бѣжали съ поля битвы; къ этимъ послѣднимъ стали понемногу приставать тѣ, которые раньше бѣжали послѣ перваго сраженія. Побѣдный гимнъ нѣмцевъ уже умолкъ. Ряды ихъ стали мѣшаться; наступилъ такой безпорядокъ, что нельзя было разслышать команды начальниковъ. Оба крыла крестоносцевъ стали медленно отступать по направленію къ дер. Грюнвальду. гдѣ ихъ окружили татары султана Салладина, зашедшіе въ тылъ непріятеля. Крестоносцы уже у самой деревни были охвачены плотнымъ кольцомъ соединенныхъ силъ, и началась не война, а побоище. Пало много доблестныхъ рыцарей, и въ числѣ ихъ магистръ ордена Ульрихъ фонъ-Юнгингенъ; палъ маршалъ, большая часть командоровъ и братьевъ. Ни одинъ выстрѣлъ изъ лука, ни одинъ ударъ славянъ не пропадали даромъ. Къ довершенію несчастья для рыцарей, мѣстное земское и поморское рыцарство въ тотъ моментъ, когда стало

ясно, что крестоносцы проиграли битву,-или бѣжали съ поля сраженія, или обратили свое оружіе противъ своихъ поработителей. Разсказываютъ. что когда славяне почти окружили нѣмцевъ, начальники и вожди совѣтовали магистру спѣшно отступать, пробиваясь сквозь непріятельскія силы, въ замки, гдѣ и защищаться, но магистръ отвѣтилъ, что онъ не сойдетъ съ того поля битвы, гдѣ не одинъ мужественный рыцарь рядомъ съ нимъ нашелъ смерть. И дѣйствительно, въ полномъ смыслѣ слова оправдалъ свои слова. Битва была окончена вечеромъ взятіемъ лагеря подъ Фрегенау. Тутъ побѣдителямъ достался въ добычу огромный лагерь, большое количество всякаго рода запасовъ, множество разрушительныхъ орудій, цѣпи на плѣнниковъ, цѣпи на барьеры, экипажи, верховыя лошади, сундуки съ деньгами, бочки съ виномъ; словомъ, всего въ огромномъ количествѣ. Грабежъ и своеволіе сопровождали разореніе лагеря.

Такъ окончилась при Грюнвальдѣ битва двухъ народовъ славянъ и нѣмцевъ. Стотысячная нѣмецкая-армія, состоящая изъ испытанныхъ въ военномъ дѣлѣ рыцарей, мужество и вѣрованія которыхъ были созданы для войны, ей одной служили и въ ней одной находили себѣ право, была совершенно уничтожена многочисленною, но слабѣе вооруженною и менѣе устроенною славянскою ратью. Случилось это потому, что нѣмецкое рыцарство, бывшее два вѣкагрозою славянъ, дѣйствовавшихъ всегда разрозненно, встрѣтило со стороны послѣднихъ на этотъ разъ нежелательное для себя единеніе, сознаніе до нѣкоторой степени важности исторической минуты и опредѣленности цѣли. Результаты такого сознанія славянами общности своихъ интересовъ на лицо. Орденъ потерялъ всякое значеніе для славянъ; хотя онъ продолжалъ независимо существовать еще около пятидесяти лѣтъ, но это было жалкое существованіе, потому что среди крестоносцевъ настали междоусобныя распри и возстанія среди подвластныхъ имъ народовъ; все это повело къ утратѣ очень важныхъ орденскихъ владѣній и наконецъ къ ленной зависимости отъ презираемой раньше Польши. Словомъ, стремленіе нѣмцевъ

drang nach Osten нашло свой предѣлъ, и начался славянскій drang nach Westen. „Межи грады Дубровны и Сстрода“ Польша получила свое историческое крещеніе. Взоры всѣхъ обратились на нее. Передъ ней открылась великая историческая перспектива остановить нѣмецкій drang nach Osten и изъ разрозненныхъ частей славянства создать могучее и красивое цѣлое. Прежняя борьба нѣмцевъ и славянъ должна была, казалось, совершенно измѣниться; но случилось не то, чего можно было ожидать. Славяне попрежнему остались разрозненными, а разбитые при Грюнвальдѣ нѣмцы собрались и выросли впослѣдствіи въ могучую Германію. Такія грустныя мысли неизбѣжно являются при воспоминаніи о Грюнвальдской битвѣ и заставляютъ испытывать невольное смущеніе требуя уясненія логической стороны этого явленія. Кажется страннымъ, что когда то обширное славянское море, простиравшее свои заливы до Эльбы, Альпъ и Адріатическаго моря, стало постепенно отодвигать свою береговую линію на востокъ, будучи заносимо нѣмецкими дюнами, внѣдряющимися настойчиво и безпощадно въ славянскія волны.

Успѣхъ внѣдренія германизма подъ прикрытіемъ распространенія христіанства и ганзейскихъ торговыхъ сношеній объясняется тѣмъ, что нѣмецкіе аванпосты были тѣсно связаны съ германскимъ и даже романскимъ міромъ, который тогда былъ проникнутъ горячимъ религіознымъ одушевленіемъ и искреннимъ сознаніемъ, что онъ является единственнымъ представителемъ истиннаго христіанства, что его вожди, папа и императоръ, единственные источники права и власти на землѣ. Того, кто не признавалъ ихъ власти, необходимо было принуждать къ тому силою. „Папы же и императоръ зорко слѣдили за всѣми дѣйствіями крестоносцевъ, доставляли имъ силы и средства и освящали всѣ ихъ шаги своимъ авторитетомъ и благословеніемъ“. Да и теперь, гдѣ только нѣмцы свили свое гнѣздо, они находятъ моральную и матеріальную поддержку со стороны своего отечества. Въ вопросахъ, касающихся пангерманской идеи, всѣ нѣмцы дѣйствуютъ поразительно

единодушно. За предѣлами Германіи нѣтъ ни юнкеровъ, ни соціалъ-демократовъ, ни центра, ни вольномыслящихъ и другихъ партій, а есть только связанные сознаніемъ своей общенаціональной солидарности нѣмцы. У себя дома въ національныхъ вопросахъ Германія всегда выступаетъ какъ единая, цѣлая страна, въ которой нѣтъ мѣста внутреннимъ раздорамъ. Также единодушно сливаются въ этомъ отношеніи всѣ политическія партіи Англіи и Франціи.

Къ сожалѣнію, ничего подобнаго нѣтъ среди славянъ. Сейчасъ же послѣ разгрома ордена подъ Грюнвальдомъ вождь славянъ, польскій король Ягайло, вмѣсто того, чтобы немедленно двинуться съ войсками къ Маріенбургу для окончательнаго уничтоженія орденскихъ силъ, вступилъ въ пререканія и несогласія съ Витовтомъ, который совѣтовалъ разорить столицу крестоносцевъ. Ягайло же легкомысленно сталъ предаваться на полѣ битвы религіознымъ и побѣднымъ подвигамъ въ теченіе трехъ дней и такимъ образомъ упустилъ время для достиженія окончательной цѣли. Когда послѣ этого онъ подступилъ къ Маріенбургу, то уже было поздно, ибо тамъ успѣли приготовиться къ отпору, и Ягайло былъ отбитъ; пришлось заключить миръ, по которому не только былъ признанъ орденъ, но онъ получилъ назадъ всѣ свои земли.

Тѣмъ не менѣе значеніе побѣды при Грюнвальдѣ было громадное. Вѣсть о страшномъ пораженіи рыцарей разнеслась по всей Европѣ, а Польша съ этого времени стала источникомъ надеждъ и упованій всѣхъ западныхъ славянъ. Скоро послѣ 1410 г. чехи предложили польскому королю Ягайлѣ свою корону. Вмѣсто того, чтобы твердыми руками взять эту корону, Ягайло отправилъ посольствокъ императору Сигизмунду съ наивнымъ предложеніемъ отказаться отъ чешской короны, которую тотъ до этого времени носилъ, а къ папѣ—остановить призывъ къ крестовымъ походамъ противъ Чехіи. Само собою разумѣется, что заступничество польскаго короля не имѣло ни малѣйшаго успѣха. Мало того когда вслѣдъ за тѣмъ началась война Польши съ Русью и орденомъ,

то западныя государства открыто стали поддерживать крестоносцевъ. Несмотря на такой горькій опытъ чехи опять, уже въ 1437 году, послѣ признанія Базельскимъ соборомъ утраквистовъ, просили у Польши покровительства, но всемогущее католическое духовенство во главѣ съ краковскимъ епископомъ наложило запрещеніе на попытку славянъ сблизиться другъ съ другомъ.

Во второй половинѣ пятнадцатаго столѣтія при преемникѣ Ягайла Казимирѣ Польша опять начала войну съ орденомъ, послѣ которой онъ призналъ себя польскимъ вассаломъ по Торунскому миру. Между тѣмъ папа подтвердилъ всѣ прежнія права и привиллегіи ордена. Вотъ какъ Польша держала въ своихъ рукахъ славянское знамя! Иначе впрочемъ и быть не могло, потому что въ духовномъ отношеніи она составляла часть западнаго міра и не могла, слѣдовательно, дѣйствовать самобытно и самостоятельно.

Дальнѣйшая политика польскихъ королей по отношенію къ славянству состояла въ созданіи нынѣшней Австріи и отчасти Пруссіи, т. е. тѣхъ нѣмецкихъ государствъ, отъ которыхъ болѣе всего приходится терпѣть славянамъ. Въ началѣ шестнадцатаго столѣтія Австрію стали тѣснить появившіеся тогда на политическомъ горизонтѣ турки. Польша до конца своего существованія безкорыстно напрягала всѣ силы для защиты Австріи отъ турецкой грозы; въ этой, иногда совершенно ненужной, борьбѣ Польша видѣла свое историческое призваніе. Такимъ образомъ славяне собственными руками создали нынѣшнюю свою притѣснительницу Австрію, гдѣ такъ тяжело приходится имъ всѣмъ и гдѣ незначительная сравнительно часть нѣмцевъ угнетаетъ большую половину населенія, принадлежащаго къ славянскому племени.

Такою же нѣжною нянькою оказалась другая славянская страна Россія по отношенію къ Пруссіи, которая одно время (10-го апрѣля 1525 года) давала ленную присягу въ вѣрности Польшѣ при торжественной обстановкѣ на Краковскомъ рынкѣ.

Въ восемнадцатомъ столѣтіи Пруссія не разъ была на краю гибели и спасало ее только заступничество русскихъ государей.

Чѣмъ же отплатили славянамъ за все это нѣмцы? Тѣмъ, что они прошли значительный путь по славянской землѣ, усѣявъ его славянскими трупами и обильно поливъ его славянскою кровью. Они глубоко врѣзались въ славянское тѣло на востокѣ и здѣсь событіями 1242 и 1410 г. г. были остановлены въ своемъ поступательномъ движеніи. Послѣ продолжительной слабости они вновь окрѣпли и съ особенною силою дружно ударили на славянъ, выбравъ линію наименьшаго сопротивленія въ своемъ движеніи drang nach Osten, а именно, черезъ Балканы. Еще не успѣла пройти жгучая боль обиды послѣ неожиданной анексіи Босніи и Герцоговины, какъ зрѣетъ, можетъ быть, уже новый преступный замыселъ противъ славянства, готовится новый ударъ. Развѣ могло быть что-либо подобное, если-бы не вѣковая, губительная, полная непримиримости, неосмысленная рознь славянъ? Теперь, спустя пятьсотъ лѣтъ послѣ знаменитой Грюнвальдской битвы, когда объединившаяся, хотя и не вся, часть великой славянской семьи могла сломить грозную нѣмецкую силу, мы вправѣ сказать, что только при взаимной поддержкѣ славяне могутъ достигнуть своихъ національныхъ стремленій, забывъ старые счеты, обиды и пререканія.

Да будетъ же славная Грюнвальдская битва прообразомъ единенія духа и силы славянъ!

Да будетъ вѣчная память всѣмъ героямъ этой битвы!

Ник. Крачковскій.

Когда разсуждали въ семинаріяхъ объ академіяхъ, то, при упоминаніи о Московской Академіи, говорили всегда и о Василіи Осиповичѣ. Имя его было окружено особымъ ореоломъ; говорили о его ученой славѣ, о его манерѣ говорить, о содержаніи его лекцій и никто никогда не касался его частной жизни; ею не интересовались, съ нею Василія Осиповича не связывали, считая его за его труды выше всего.

Московская Духовная Академія меня привлекала, при моемъ выборѣ учебнаго заведенія, потому, что тамъ я могъ слушать Василія Осиповича.

Желанный моментъ встрѣчи съ Василіемъ Осиповичемъ, наконецъ, для всѣхъ насъ наступилъ приблизительно около половины сентября.

Василій Осиповичъ обыкновенно читалъ студентамъ 2-го курса по понедѣльникамъ и вторникамъ послѣ двѣнадцати часовъ по двѣ получасовыя лекціи въ день. Но его аудиторія не ограничивалась вторымъ курсомъ. На его лекціи ходили студенты всѣхъ курсовъ. Многіе были неизмѣнными его слушателями съ перваго по четвертый курсъ. Другія аудиторіи въ это время были заняты очень немногими студентами, сплошь и рядомъ выборными по очереди дежурными. Профессора не обижались, не выговаривали, такъ какъ хорошо понимали наше увлеченье; сами когда то нѣкоторые изъ нихъ были учениками Василія Осиповича.

Къ началу лекціи первая аудиторія, въ которой читалъ лекціи Василій Осиповичъ, самая большая, была переполнена.

До сихъ поръ сохранилось у меня ясное воспоминаніе встрѣчи съ Василіемъ Осиповичемъ. Въ среднія двери, на которыя мы все время обращали вниманіе, быстро, мелкими шагами вошелъ немного сгорбленный, невысокаго роста, съ сѣдиною въ волосахъ, съ очками въ стальной оправѣ, человѣкъ. Раздались аплодисменты. Онъ слегка наклонился направо и налѣво и поспѣшно вошелъ на каѳедру. Вынулъ изъ портфеля записки, внимательно осмотрѣлъ аудиторію, какъ бы желая опредѣлить, какія требованія могутъ ему предъявить его новые слушатели. Видимо онъ волновался. Началъ лекцію безъ всякихъ вычурненныхъ обращеній, съ указанія того предмета, который

онъ будетъ читать и заявилъ, что въ Академіи онъ читаетъ болѣе полный курсъ, надѣясь на скромность слушателей и на то, что на лекцію не попадутъ неизвѣстные люди.

Предметомъ первой лекціи былъ географическій обзоръ Восточной Европы.

Читалъ Василій Осиповичъ сравнительно тихо, но ясно; рѣчь была безукоризненна, вполнѣ выражала мысль, какую хотѣлъ онъ высказать. Началъ чтеніе онъ по запискѣ, но потомъ увлекся, сошелъ съ каѳедры, начертилъ на доскѣ мѣломъ карту Россіи и уже до конца велъ лекцію, хотя по аудиторіи.

Мы многаго ожидали по разсказамъ нашихъ предшественниковъ отъ лекцій Василія Осиповича, но наше впечатлѣніе превзошло ожиданія. Сухой въ сущности предметъ лекціи Василій Осиповичъ оживилъ, заставилъ насъ забыть непосредственную дѣйствительность, перенестись за нѣсколько вѣковъ и углубиться въ уясненіе естественныхъ условій жизни въ Восточной Европѣ.

По окончаніи лекціи соблюдалось нѣсколько времени молчаніе, всѣ мы чего то ждали, а потомъ раздались оглушительные аплодисменты уходящему въ смущеніи профессору.

Дальнѣйшія лекціи проходили такъ же хорошо, какъ и первая, при многочисленныхъ слушателяхъ. Волненіе Василія Осиповича все больше и больше улегалось.

Василій Осиповичъ читалъ намъ особый курсъ русской исторіи; онъ мало обращалъ вниманія на событія и историческихъ дѣятелей, стараясь уяснить историческую жизнь, доказать, что иною она и не могла быть при тѣхъ условіяхъ—географическихъ, этнографическихъ и экономическихъ, въ какихъ находилось наше государство. Правда онъ иногда останавливался и на историческихъ дѣятеляхъ, выбирая такихъ, за дѣятельностью которыхъ признается обычно только вредъ или такихъ, которые считаются благодѣтелями отечества. Для первыхъ онъ иногда смягчалъ историческій приговоръ, какъ, напримѣръ, для Іоанна Грознаго; для другихъ ослаблялъ славу, какъ, напримѣръ, для Екатерины II.

Характеристики Василій Осиповичъ умѣлъ дѣлать неподражаемо: недаромъ слушатели его съ записокъ ихъ по нѣскольку разъ пере-

читывали и, думаю, многіе изъ нихъ съ удовольствіемъ читаютъ и теперь. Характеристиками такъ интересовались, что на нихъ ходили почти всѣ студенты Академіи. Это можно было сдѣлать потому, что Василій Осиповичъ сообщалъ предметъ своей слѣдующей лекціи. Это было необходимо въ виду особаго плана лекцій. При выясненіи исторической жизни Василію Осиповичу нужна была аудиторія, знакомая съ историческими фактами, которые могли бы служить вѣхами для его лекцій. Поэтому онъ предлагалъ слушателямъ дома прочесть фактическую исторію по учебнику Сергѣя Михайловича Соловьева, указывая страницы.

Я буду огорченъ, если изъ моихъ словъ читатель сдѣлаетъ выводъ, что на лекціи Василія Осиповича мы ходили исключительно для удовольствія выслушать красивую рѣчь, изящныя выраженія. Такая аудиторія, такія отношенія слушателей разстроили бы Василія Осиповича и онъ, я думаю, по свойственной ему откровенности попросилъ бы эстетиковъ не посѣщать его лекцій. Онъ самъ указалъ подробно и ясно безполезность такихъ учебныхъ занятій, когда между учителемъ и ученикомъ устанавливаются отношенія, основанныя на эстетическомъ наслажденіи. Выясняя значенье воспитанія Александра I, онъ замѣтилъ: «Это большое несчастье, когда между ученикомъ и учителемъ образуются отношенія зрителя къ артисту, когда урокъ послѣдняго становится эстетическимъ развлеченіемъ и только".

Характеристики Василія Осиповича привлекали насъ потому, что въ нихъ мы слышали какъ бы разсказы о нашихъ хорошихъ знакомыхъ, будутъ ли то великіе и полезные дѣятели или люди съ преступною волею и порочными наклонностями.

Василій Осиповичъ вообще обладалъ рѣдкимъ даромъ изображенія извѣстной эпохи, такъ что невольно во время его лекцій приходилось переносить себя въ старую обстановку и смотрѣть на умершихъ людей, какъ на своихъ современниковъ. Выгода положенія заключалась только въ томъ, что слушатели замѣчали всѣ ошибки своихъ предшественниковъ, сдѣлавшихся имъ знакомыми и родными благодаря умѣлому разсказу профессора.

Изображая тяжелыя для нашего отечества эпохи, характеризуя вредныхъ дѣятелей, Василій Осиповичъ никогда не раздражался, не

старался выставить ихъ на позоръ, но представляя ихъ непривлекательныя стороны, въ то же время болѣлъ душою такъ, какъ болитъ душею по поводу порочности своихъ дѣтей родитель.

Однимъ словомъ, рѣчь Василія Осиповича отличалась тѣми же достоинствами, какія мы находимъ въ записяхъ нашего перваго лѣтописца: та же изобразительность, та же деликатность въ отношеніяхъ къ людямъ, то же уваженіе человѣческаго достоинства даже въ отношеніи людей порочныхъ. Вотъ почему лекціи Василія Осиповича не могли разстроить юношескаго воображенія, не могли изъ юношей воспитать революціонеровъ. Не даромъ въ одномъ гектографированномъ изданіи лекцій студенты въ срединѣ записали такое чатверостишіе:

„Вы послушайте, ребята,
Что намъ скажетъ дѣдъ:
Велика земля наша, богата,
А порядка въ ней все нѣтъ.

Въ законномъ порядкѣ слушателемъ Василія Осиповича я сдѣлался на второмъ курсѣ, и слушалъ его въ продолженіи 1901—1902 учебнаго года. Нашему курсу выпало рѣдкое счастье: Василій Осиповичъ намъ читалъ не четыре лекціи, какъ это полагается по уставу, а шесть. Были свободны часы, посвященные лекціямъ по патристикѣ, вслѣдствіе заграничной командировки профессора Ивана Васильевича Попова. Мы обритились къ Василію Осиповичу сь просьбою, чтобы онъ въ эти часы читалъ намъ дополнительный курсъ русской исторіи. Результаты получились неожиданные: оказалось, что мы растрогали своимъ обращеніемъ Василія Осиповича. Онъ безъ всякихъ отговорокъ согласился и въ первой же лекціи высказался, что мы его очень обрадовали. Онъ сказалъ: „Я человѣкъ прошлаго столѣтія, случайно попавшій въ нынѣшнее; я думалъ, что не могу своими лекціями, составленными для другого поколѣнія, вполнѣ удовлетворить современную учащуюся молодежь. Вы меня порадовали, Вы мнѣ старику сказали, что я не безполезенъ для васъ, что желаете меня слушать».

Въ виду того, что Василій Осиповичъ читалъ больше лекцій, онъ для нашего курса прочелъ русскую исторію вплоть до царствованія нынѣ благополучно царствующаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Приступая къ характеристикѣ послѣднихъ реформъ Александра II, Василій Осиповичъ насъ предупредилъ, что мы теперь услышимъ отъ него не то, что слышали прежде, что теперь онъ теряетъ силу безпристрастнаго историка, такъ какъ ему придется изобразить жизнь, которая затронула и его, что у него могутъ въ отношеніи дѣятелей быть симпатіи и антипатіи, благодаря близкому знакомству съ ними; что онъ въ данномъ случаѣ предстанетъ предъ нами скорѣе со всею страстностью публициста, чѣмъ ученаго историка. Поэтому мы въ правѣ отнестись къ его рѣчамъ съ большею осторожностью. Такъ безпримѣрно честенъ и щепетиленъ былъ Василій Осиповичъ въ своей ученой дѣятельности.

На второмъ курсѣ намъ пришлось писать семестровое сочиненіе Василію Осиповичу.

Темы даны были такія, которыя требовали самостоятельнаго изученія источниковъ. Трудились мы больше, чѣмъ когда-либо, боясь осрамиться предъ любимымъ учителемъ.

Не могу забыть еще экзамена, произведеннаго Василіемъ Осиповичемъ. На экзаменахъ Василій Осиповичъ былъ очень строгъ, требовалъ отъ студентовъ ясныхъ отвѣтовъ и полнаго усвоенія своего курса. Готовились мы добросовѣстно, несмотря на то, что многіе лекціи прочли еще во время года.

Въ день экзамена всѣ чувствовали большую неловкость, боялись краткой программы, данной намъ Василіемъ Осиповичемъ. Составили мы программу болѣе подробную. Мнѣ было поручено курсомъ переговорить съ Василіемъ Осиповичемъ о дозволеніи отвѣчать по болѣе подробной программѣ. Для этой цѣли я ожидалъ его въ академическомъ саду. Съ тяжелымъ чувствомъ я пошелъ навстрѣчу, появившемуся профессору. Изложилъ кратко просьбу студентовъ, ожидая замѣчанія; но сверхъ всякаго ожиданія получилъ отвѣтъ, что для него все равно, по какой программѣ мы будемъ отвѣчать по краткой или подробной и что кто не знаетъ курса при всякомъ по-

телеграмму, въ которой выразили свои отношенія къ нему, его лекціямъ и ученымъ трудамъ.

Василій Осиповичъ по поводу телеграммы говорилъ съ нами на лекціи со слезами на глазахъ. Онъ сказалъ, что наша телеграмма для него была цѣннѣе всѣхъ привѣтствій и адресовъ, выслушанныхъ имъ въ юбилейный день потому, что онъ снова услышалъ отъ студентовъ Академіи, какъ тридцать лѣтъ назадъ, призывъ къ работѣ и сочувствіе въ исканіи истины. Онъ сказалъ, что Академію онъ очень любитъ и свое положеніе въ ней очень цѣнитъ. Цѣнила его въ то время и Академія, къ его голосу прислушивались и профессора. Мнѣ однажды пришлось разговаривать о Василіѣ Осиповичѣ съ инспекторомъ Академіи, архимандритомъ тогда, теперь викарнымъ Тульскимъ епископомъ, который потомъ, во время своего ректорства въ Академіи, былъ виновникомъ ухода изъ Академіи Василія Осиповича. Онъ говорилъ, что Василій Осиповичъ—крупная величина въ Академіи; пріѣздъ его—праздникъ не только для студентовъ, но и для профессоровъ. Для того, чтобы поговорить съ нимъ и послушать его разсказовъ, въ каждый пріѣздъ его собирались въ профессорскую всѣ профессора вмѣстѣ съ ректоромъ и инспекторомъ. И много онъ разсказывалъ имъ изъ прошлаго; не любилъ только касаться современныхъ политическихъ нестроеній.

Цѣнили Василія Осиповича тѣ изъ начальствующихъ, которые получили воспитаніе въ другихъ Академіяхъ. Хорошо онъ и самъ отзывался объ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Но къ позору Академіи предалъ его и содѣйствовалъ его уходу его ученикъ, когда сдѣлался ректоромъ Академіи, епископъ Евдокимъ (Мещерскій).

Удаленіе Василія Осиповича изъ Академіи—темная страница въ лѣтописяхъ ея исторіи: пришлось уйти тому, кто больше всего любилъ ее.

Василій Осиповичъ своей любви къ Академіи и не скрывалъ и любовь эта была вполнѣ естественна. Василій Осиповичъ считалъ себя своимъ въ ней. Его ученикъ, профессоръ Московской Духовной Академіи Сергѣй Ивановичъ Смирновъ приводитъ важныя въ этомъ

отношеніи слова покойнаго: «Въ одномъ сѣверномъ житіи разсказывается, говорилъ Василій Осиповичъ, какъ старецъ—подвижникъ, войдя въ лѣсъ, за ограду обители, заслушался птички и заснулъ на 300 лѣтъ. Проснувшись, онъ пошелъ къ своему монастырю и не узналъ его: стѣны окрашены въ другой цвѣтъ, новый настоятель, чужая братія... Я былъ счастливѣе этого старца: рано оставивъ духовную школу, долго я скитался вдали отъ нея, но когда въ нее вернулся, я почувствовалъ себя снова живымъ».

Если сдѣлать справку въ біографіи Василія Осиповича, то окажется, что для Академіи Василій Осиповичъ дѣйствительно былъ своимъ.

Василій Осиповичъ происходилъ изъ духовнаго званія. Онъ былъ сыномъ священника Пензенской епархіи. Среднее образованіе получилъ въ Пензенской Духовной Семинаріи, въ которой учился только до богословскаго класса, а затѣмъ перешелъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго Университета, который окончилъ въ 1865 году. Черезъ шесть лѣтъ по окончаніи на его труды и таланты обратили ученые Московской Духовной Академіи и въ 1871 году онъ былъ избранъ приватъ-доцентомъ Московской Духовной Академіи по каѳедрѣ русской гражданской исторіи. Въ 1872 году за свою диссертацію: «Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ» онъ получилъ при Московскомъ университетѣ степень магистра исторіи. Въ 1879 году онъ былъ избранъ доцентомъ по каѳедрѣ русской гражданской исторіи и въ Московскомъ Университетѣ, а въ Академіи получилъ званіе экстраординарнаго профессора. Въ 1882 году послѣ защиты диссертаціи подъ заглавіемъ: «Боярская дума древней Руси», онъ признанъ докторомъ русской исторіи. Въ томъ же году былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ въ Академіи и Университетѣ.

Кромѣ Академіи и Университета Василій Осиповичъ читалъ лекціи въ Александровскомъ военномъ училищѣ (съ 1867 по 1873 г.) и на высшихъ женскихъ курсахъ Герье (съ 1872 по 1888 годъ). Съ осени 1893 года до марта 1895 года преподавалъ политическую исторію Великому Князю Георгію Александровичу. 1901 года Василій Осиповичъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ. И, нако-

нецъ, онъ послѣ Сергѣя Михайловича Соловьева состоялъ предсѣдателемъ Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ.

Съ Академіей связаны его лучшіе годы, въ Академіи положилъ онъ основу тому курсу лекцій, которыя составили ему имя; духовная школа дала ему элементарное образованіе, духовная школа его и выдвинула, отмѣтивъ его дарованія и оцѣнивъ ихъ по достоинству.

Василій Осиповичъ Ключевскій является крупнымъ, несравненнымъ историкомъ нашего отечества. Онъ положилъ начало новой современной исторической школѣ.

Послѣ него, кромѣ мелкихъ статей, разбросанныхъ по журналамъ, остались: «Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ», «Боярская дума древней Руси», «Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ», «Русскій рубль въ XVI—XVII столѣтіи въ отношеніи къ нынѣшнему», «Новооткрытый памятникъ по исторіи раскола», «Происхожденіе крѣпостного права», «Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи», «Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси», «Добрые люди старой Руси», «Два воспитанія», «Воспоминаніе о Н. И. Новиковѣ и его времени», «Евгеній Онѣгинъ и его предки», «Памяти Императора Александра III», «Курсъ русской исторіи» въ IV кн. и др.

И до Василія Осиповича были у насъ историки, изъ которыхъ нѣкоторые оставили даже больше его изслѣдованій.

Ему пришлось выступить въ Московскомъ Университетѣ послѣ знаменитаго Сергѣя Михаиловича Соловьева. Но великія имена не помрачили славы его.

Карамзинъ нарисовалъ намъ изящнымъ языкомъ картину событій, происходившихъ при участіи верховъ общества; онъ далъ намъ исторію правящаго класса; постарался прикрыть грѣхи послѣдняго, а о народѣ, который представляетъ фундаментъ въ государствѣ онъ сказалъ очень мало.

Костомаровъ внесъ въ свои изысканія слишкомъ много чувства, слишкомъ много вниманія онъ обращалъ на изложеніе, придавая ему сплошь и рядомъ беллетристическую форму, но онъ не могъ исчер-

пать всей сущности исторіи, а главное уяснить значеніе центральной Россіи, такъ какъ, происходя съ окраины, онъ не могъ отрѣшиться отъ украинофильскихъ тенденцій.

Въ 29 томахъ исторіи С. М. Соловьева представлена съ крупною эрудиціею почти вся фактическая исторія нашего отечества, но въ ней нѣтъ существеннаго, нѣтъ уясненія событій, установленія причинной зависимости, нѣтъ тщательнаго изслѣдованія условій жизни.

Вотъ краткая характеристика трехъ китовъ нашей исторической науки.

Василій Осиповичъ является историкомъ въ иномъ родѣ. Онъ выдвинулъ низы общества—народъ, до котораго благородный и чистоплотный Карамзинъ побоялся дотронуться. Безстрастно, безъ особой антипатіи и симпатіи къ отдѣльнымъ личностямъ и сословіямъ, онъ слѣдитъ за жизнью всего русскаго народа, медленно, не спѣша, въ точныхъ краткихъ выраженіяхъ, безъ лишнихъ словъ указывая существенные и важные историческіе факторы.

У него нѣтъ ученаго аппарата во многихъ его произведеніяхъ, но вы не скажете, что не внимателенъ онъ къ своимъ предшественникамъ по изслѣдованіямъ или что онъ не видалъ какого-либо важнаго документа. Документальный, часто вполнѣ соотвѣтствующій эпохѣ характеръ имѣютъ всѣ его выраженія въ его произведеніяхъ. Онъ не отрицаетъ значенія трудовъ его предшественниковъ, отдаетъ имъ достойную дань, но онъ дѣлаетъ то, что не сдѣлано тамъ. Предшественники его сложили ячейку соты, онъ въ нихъ вложилъ медъ; предшественники поставили вѣхи, а онъ проторилъ дорогу; предшественники разсказали о событіяхъ и дѣятеляхъ, а онъ уяснилъ причину событій и условія, подъ вліяніемъ которыхъ жили и дѣйствовали наши предки.

Не зачеркнулъ Василій Осиповичъ трудовъ своихъ предшественниковъ, не отнялъ у нихъ вѣнца славы, но занялъ среди нихъ особое мѣсто и надѣлъ на себя корону, равной которой еще не было.

Были у насъ до него историки, но не было философа-историка.

Значеніе его трудовъ, а особенно лекцій такъ велико, что трудно и раскрыть. Василія Осиповича многіе лично не знали, но знали

его лекціи, которыя появлялись въ гектографированныхъ и литографированныхъ изданіяхъ и ими зачитывались, часто съ большею осторожностью, чтобы кто-либо не замѣтилъ. Въ одно время лекціи были запретнымъ чтеніемъ. Пришлось ихъ издать подъ страннымъ заголовкомъ: „Лекціи по зоологіи“.

Въ настоящее время мы не нуждаемся въ нелегальныхъ изданіяхъ, тѣмъ больше, что отъ нихъ отрекся самъ Василій Осиповичъ и для читающей публики предложилъ печатное изданіе.

Василій Осиповичъ былъ очень скроменъ въ оцѣнкѣ своихъ произведеній: онъ себя любилъ называть человѣкомъ прошлаго вѣка, случайно попавшимъ въ нынѣшній, намекая этимъ на то, что современникамъ его произведенія не дадутъ удовлетворенія. Но мнѣ кажется, что за нимъ, при всей его скромности, обезпечено безсмертіе.

При жизни его мы его слушали, переслушивали и заслушивались; его произведенія читали, перечитывали и ими зачитывались.

Наступитъ время и близко уже оно, когда наши потомки будутъ его произведенія учить, переучивать и заучивать.

Николай Богородскій.

ОДА

Его Высокопревосходительству

Господину Генералу Аншефу, Двора Ея ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА дѣйствительному Камергеру, Сенатору и разныхъ орденовъ кавалеру Бѣлорусскому Генералъ-Губернатору

Петру Богдановичу

Пасеку

на посѣщеніе Полоцкаго Главнаго Народнаго училища при случившемся въ ономъ испытаніи 1789-го года Декабря 7-го дня.

Читанная учителемъ Иваномъ Сокольскимъ.

*
* *

О Градъ прекрасной Гориславы
Забудь бореевъ страшный ревъ!
Се правый мужъ, исполненъ славы
Суровость воздуха презревъ,
Приходитъ отъ зыбей Днепровыхъ
Тебѣ щедротъ явити новыхъ.
Приходитъ? нѣтъ; своей душей
Благой правдивыми дѣлами,
Какъ Фебъ блестящими лучами,
Онъ свѣтъ даетъ странѣ твоей.

*
* *

О мужъ Монархиней избранный
Законъ Ея здѣсь сохранять
Позволь намъ свѣтъ твой несказанный
Стихами слабыми вѣщать!
Твоимъ мы блѣскомъ осіянны,
Позволь, да блага ниспосланны
Предъ сонмищемъ симъ возгласимъ!
Впервые зранъ твой созерцая,
Позволь, да пѣснь провозглашая
Тѣмъ нашу искренность явимъ!

*
* *

Чтобы доброты всѣ прославить
Являешь кои ты собой
Довлеетъ долгъ намъ твой представить.
Нещастныхъ прекратити вой,
Сиротъ отъ рукъ избавить сильныхъ
Подати бѣдвымъ благъ обильныхъ,

Всѣ козни испровергнуть злыхъ,
Въ мѣстахъ блаженство сихъ устроить,
Судити, миловать, покоить,
Вотъ дѣло рукъ твоихъ благихъ!

⁂

Изъ всѣхъ лучей тѣхъ свѣтозарныхъ,
Какія мещешь ты на насъ,
Изъ всѣхъ сіяній несказанныхъ,
Превыше всѣхъ есть правды гласъ,
Которымъ злость искореняешь,
Которымъ честность ободряешь
И коимъ къ щастію ведешь.
Твой судъ любезенъ для правдивыхъ;
Но гордыхъ, дерскихъ и кичливыхъ
Ты съ правымъ гнѣвомъ изженешь.

⁂

Какъ новый свѣтъ завоевали
Не милостивою рукой,
Тамъ подчиненны трепетали,
И всякой оставлялъ домъ свой,
Бежавъ ужаснаго Тирана,
Которому власть дарованна
Подъ титломъ славнымъ судіи.
Имъ видъ правителя ужасенъ.
Намъ кажется тотъ домъ прекрасенъ,
Стопы гдѣ шествуютъ твои.

⁂

Съ какимъ восторгомъ ожидали
Въ сей градъ прихода твоего!
Мы часто взоры обращали
На южны страны для того.
Теперь пришли дни вожделенны,
О сколь мы Меценатъ блаженны

Твоимъ приходомъ въ здѣшній край
Среди бореевъ мы жестокихъ
Средь мразовъ и снѣговъ глубокихъ
Въ присудьствіи Твоемъ зримъ рай.

⁂

Се долговременно желая
Счастливый зрѣти твой приходъ,
Стеклися, домы оставляя,
У струй живущи Двинскихъ водъ.
Двина! Почто ты зракъ свой скрыла?
Почто ты мразамъ попустила
Явити силу на себѣ?
Иль зная Пассека ты ходы,
Свои сковала быстры воды,
Чтобъ шествовалъ онъ по тебѣ?

⁂

Въ Аѳинахъ, чтобъ соблюсть законы,
Архонтовъ избрали къ тому,
А чтобъ судить имъ безъ препоны,
Раздали судъ по одному.
Иной былъ Алтарей рачитель,
Другой о бѣдныхъ попечитель,
Иной въ смотреньи градъ имѣлъ,
Другой же управлялъ полками,
Сражаясь съ лютыми врагами
А иной у другихъ былъ дѣлъ.

⁂

Монархиня страны Полночной
Таланты многи зря въ тебѣ,
Чтобъ подданнымъ явить судъ точной,
Избрала, дабы въ сей странѣ
Единъ ты блюлъ Ея уставы
И судъ творилъ въ мѣстахъ сихъ правый;

меня помѣщику даннаго мнѣ отъ Вашего Превосходительства предписанія на счетъ уступки мѣстности для памятника и домика, (которыя мною избраны на лѣвомъ берегу рѣки Лукомки, откуда дѣйствовали наши войска по дорогѣ, идя изъ мѣстечка Чашники на возвышенной покатости къ рѣкѣ Лукомкѣ, показанное на чертежѣ подъ монументомъ № 1, подъ домикъ инвалида № 2;) въ отзывѣ своемъ ко мнѣ владѣлецъ объявилъ согласіе уступить таковыя безъ платежа денегъ навсегда съ тѣмъ чтобы сіи земли не считались казенными, но имѣнію его принадлежали; равно нужный матеріалъ для монумента, какой потрэбуется, данъ имъ будетъ, естьли Правительство приметъ; и особенно при ономъ монументѣ желаетъ выстроить досчатую караульню по приложенному рисунку, а для постояннаго жительства инвалида полъ десятины земли отводитъ недалече сего, въ деревнѣ Смольянцахъ, на которой иждивеніемъ казеннымъ устроить домикъ нужно.

Во вторыхъ Дризинскаго уѣзда при станціи Клястицахъ, близъ которой протекаетъ рѣка Нища, на коей устроена была (: и нынѣ стоитъ:) мельничная плотина и мость черезъ оную, гдѣ (: по распросамъ старожилыхъ людей:) при рейтирадѣ непріятелемъ сожженъ былъ оный мостъ и мельница, по коему резервный батальонъ Павловскаго Гренадерскаго полка переходилъ на другую сторону рѣки Нищи.—Мѣстоположеніе сего мѣста находится въ лощинѣ, въ самомъ селеніи Клястицахъ, отдаленное немного отъ большого тракта; а возвыщенность отъ онаго моста въ паралельномъ видѣ относится на пахотное поле и за отдаленностію таковой не можетъ никакого представить вида на большую почтовую дорогу для проѣзжающихъ; а по симъ невыгодамъ избрано мною мѣсто благовидное, въ томъ-же селеніи Клястицахъ; а именно: избралъ мѣсто для монумента напротивъ станціоннаго почтоваго дома по чертежу № 1-й, и тутъ-же при монументѣ для жительства инвалида домикъ подъ № 2-мъ; отведенное арендаторомъ и Главноуправляющимъ имѣніемъ Г-на Коллежскаго ассесора Сергѣя Павловича Убрія, дворяниномъ Каспером Споnковскимъ подъ-полдесятины земли безъ вознагражденія за оную съ тѣмъ, чтобы оная земля не считалась казенною, но собственно принадлежала къ имѣнію его, Его вѣрителя.—Изъявивъ въ отзывѣ сво-

емъ усердіе истиннаго сына Отечества, жертвуя къ устроенію памятника весь нужный матерьялъ и, буде правительство позволитъ, принимаетъ на себя обязанность на свой счетъ и изъ собственныхъ матерьяловъ выстроить для жительства инвалида домикъ, по данному фасаду съ прочими хозяйственными потребностями; проситъ, если можно помѣстить для караула инвалида, изъ числа имѣемыхъ по имѣнію вѣрителя его, со знакомъ отличія заслуженныхъ нижнихъ чиновъ, уволенныхъ въ безсрочный отпускъ, а нѣкоторые въ совершенную отставку.

Въ третьемъ, при городѣ Полоцкѣ избрано мѣсто на пространствѣ къ сѣверу отъ стеченія дорогъ Санктъ-Петербургской и идущей изъ г. Невеля на углу соединяющихся дорогъ и означено мѣсто по чержежу для памятника подъ № 1-мъ, а далѣе по тракту С.-Петербургскому въ той-же линіи съ монументомъ подъ № 2-мъ для домика инвалида, на землѣ, принадлежащей помѣщику, Полковнику Гласкѣ и по требованію моему, чрезъ Земскаго Исправника, объ уступкѣ земли таковой подъ памятникъ и домикъ для жительства инвалида,— Земскій Исправникъ далъ мнѣ знать, что полковника Гласки не находится дома, но мѣста подъ монументомъ и домика инвалида за долгъ и обязанность почтетъ онъ, Гласко, отвесть навсегда безъ платежа.

Представляя у сего отзывы Г.г. помѣщика Володковича; управляющаго, дворянина Снопковскаго, и Полоцкаго Земскаго Исправника Ленкѣвича, въ подлинникѣ, на благоуваженіе Вашего Превосходительства, равно и чертежи*) мѣстоположенія, гдѣ избраны мною мѣста для монументовъ и домикъ для жительства инвалидовъ, и особо приложенный регистръ цѣнамъ на матерьялы, которые могутъ быть приняты по всѣмъ пунктамъ, назначеннымъ къ управленію сихъ отечественныхъ памятниковъ одною цѣною.

Старшій Землемѣръ Николай Шмидтъ.

---

*) Чертежей мѣстности при Дѣлѣ не имѣется. М. М.

Лепельскаго уѣзда
Помѣщика
Володковича.
Февраля 13-го
1836-го года.
Имѣнія Смольянцы.

Старшему Землемѣру по Витебской Губернской Чертежной Г. Шмидту.

Съ полнымъ удовольствіемъ прочиталъ предъявленное мнѣ Вашимъ Благородіемъ предписаніе Г. Министра Финансовъ и Г. Гражданскаго Губернатора, въ коихъ изображена Высочайшая ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА воля, о сооруженіи чугунныхъ монументовъ на важнѣйшихъ пунктахъ сраженій, бывшихъ въ теченіе войны 1812-го года; въ числѣ семъ и при мѣстечкѣ Чашникахъ, на дорогѣ, идущей въ городъ Сѣнно, близъ рѣки Лукомки, за которую былъ отброшенъ непріятель, неустрашимостью нашихъ войскъ. Пунктъ достопамятнаго сего событія въ самомъ моемъ имѣніи, называемое Смольянцы, по теченію руки Лукомки, на лѣвомъ берегу, при стеченіи дорогъ, изъ городовъ Борисовъ, Сѣнно, и мѣстечекъ Бѣшенковичъ и Чашники, а потому воздвигнуть монументъ по приличію и благовидности можно на дорогѣ, идущей изъ Чашникъ въ городъ Сѣнно, надъ берегомъ Лукомки, не доѣзжая селенія моего Смольянцы недалече корчмы, на возвышенномъ мѣстѣ. Пріятнымъ долгомъ себѣ почитаю, если правительство позволитъ, принять участіе въ знакѣ памятника сей достохвальной побѣды понесенной надъ непріятелемъ обязываюсь отвести мѣсто безъ платежа денегъ подъ чугунный, имѣемый быть монументъ и нужный къ тому матерьялъ отпустить безденежно, такъ равно и устроить досчатую по сему рисунку караульню для инвалида, временно въ ономъ пребывать могущаго; а для построенія постояннаго домика оному инвалиду, отведено отъ меня будетъ полъ-десятины земли при деревнѣ Смольянцахъ,—также безъ платежа съ тѣмъ, однако-жъ, что земля таковая принадлежать должна къ имѣнію моему, но не казенному вѣдомству, на которой домикъ и прочее застроеніе отъ казны отстроить должно будетъ; а я на себя, за неимѣніемъ лѣсныхъ дачъ принять не могу.

Помѣщикъ Лепельскаго уѣзда
Іосифъ Володковичъ.

Арендовнаго Владѣльца и Главноповѣреннаго имѣнія Кляситцы Г-на Коллежскаго Ассесора Убрія. Дворянина Каспара Антона сына Снопковскаго. Февраля „ “ дня, 1836-го года. Имѣніе Кляситцы.

Старшему Землемѣру по Витебской Губернской Чертежной Господину Шмидту.

Предъявленное мнѣ Вашимъ Благородіемъ, отъ Г-на Витебскаго Гражданскаго Губернатора предписаніе въ копіи таковаго жъ Г-на Министра Финансовъ, изъ которыхъ, усматривая что по Высочайшей ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА волѣ предположено на важнѣйшихъ пунктахъ сраженій бывшихъ въ теченіи войны 1812-го года въ томъ числѣ по Витебской губерніи четырехъ; изъ каковыхъ, первый долженъ быть воздвигнутъ, при деревнѣ Кляситцахъ, на возвышеніи, близъ рѣки Нищи, съ котораго резервный батальонъ Павловскаго Гренадерскаго полка двинулся къ мосту, зажженному непріятелями, каковое мѣстоположеніе при деревнѣ Кляситцѣ во владѣніи состоитъ вѣрителя моего, Коллежскаго Ассесора Сергѣя Павловича Убрія и по удостовѣреніи старожилыхъ людей мостъ сей состоитъ въ деревнѣ Клястицахъ, а потому воздвигнуть монументъ таковой должно по благовидности и приличію, при большой почтовой, тутъ-же состоящей дорогѣ, не далѣе почтовой станціи Кляситцы, при стеченіи дорогъ, идущихъ изъ города Невеля и Себежа въ Г. Полоцкъ, гдѣ въ той-же деревнѣ Кляситцахъ можно выстроить домикъ для жительства инвалида, и затѣмъ полъ-десятины земли безъ платежа аренды вѣрителю моему, съ тѣмъ, чтобы земля сія не считалась казенною, но къ имѣнію вѣрителя моего принадлежала; въ прочемъ на счетъ выбора мѣста предаю Вашему разсмотрѣнію, объявляя при томъ, что съ усердія къ Царю и Отечеству, какъ вѣритель мой Коллежскій Ассесоръ Убрій, равно-же, пылая ревностію видѣть сей отечественный памятникъ, воздвигнутый на землѣ вѣрителя моего въ знакъ непобѣдимыхъ войскъ нашихъ, въ достопамятныхъ событіяхъ, въ 1812-мъ году, если правительствомъ дозволено мнѣ будетъ, принять на себя обязанность и пожертвованія, дать весь нужный къ сему памятнику матерьялъ и, по прилагаемому у сего рисунку, или какой данъ бу-

детъ выстроить на свой счетъ домикъ съ амбарчикомъ и позади хлѣвкомъ для жительства инвалида съ тѣмъ, дабы для караула онаго монумента инвалидъ былъ съ имѣнія моего вѣрителя изъ нижнихъ чиновъ, каковые въ имѣніи ономъ со знаками отличія по службѣ находятся.

Гаспаръ Снопковскій.

Цѣны матерьяламъ нужнымъ къ устроенію Отечественныхъ памятниковъ на важнѣйшихъ пунктахъ бывшихъ въ 1812-мъ году сраженій по Витебской губерніи, именно при городахъ Витебску, Полоцку, мѣстечкѣ Чашникахъ и селеніи Клястицахъ. Составлена 1836-го года.

Какіе матерьялы съ доставкою на мѣсто.	Руб.	Коп.
Бревенъ сосновыхъ толщиною отъ 4-хъ до 5 в. пог. саж.	1	—
Досокъ „ „ „ 1-го до 2-хъ дм. пог. саж.	—	40
Дикаго камня кубическая сажень	40	—
Кирпича 1000	30	—
Извести негашеной четверть	7	50
Песку кубическая сажень	20	—
Глины	25	—
Моху возъ	—	60
Гонту копа	—	50
Гонталей копа	—	20
Пудъ желѣза въ мелкой обработкѣ	14	—
Полоснаго желѣза пудъ	6	—
Кузнецу въ день за работу . . . . , .	2	50
Плотнику	2	50
Столяру	3	—
Каменьщику или печнику	3	—
Чернорабочему въ день	1	—

Старшій Землемѣръ Николай Шмидтъ.

Полоцкаго Земскаго Исправника. № 123. Февраля 18 дня, 1836-го года.

Витебской Губернской Чертежной Господину Старшему Землемѣру Шмидту.

На отношеніе Вашего Высокоблагородія отъ 17-го сего февраля за № 12-мъ имѣю честь увѣдомить: что Помѣщикъ Г. Подполковникъ Августъ Гласко нынѣ отсутственъ изъ своего дома и изъ здѣшняго уѣзда; за прибытіемъ коего не премину взять отзывъ на счетъ уступки полъ-десятины земли подъ монументъ и домикъ—но какъ я увѣренъ о усерственности Г. Подполковника Гласки къ Престолу полагаю что охотно безъ платежа пожертвуетъ такое количество земли.

Исправникъ Ленкевичъ.

М. Ю. Витебскаго Губернскаго Землемѣра. № 58. Марта 11-го дня. 1836-го года.

Его Превосходительству Господину Витебскому Гражданскому Губернатору Тайному Совѣтнику и Кавалеру Николаю Ивановичу Шредеру.

Рапортъ.

Во исполненіе предписанія Вашего Превосходительства отъ 12-го февраля сего года за № 249-мъ мнѣ даннаго о избраніи мѣста самаго благовиднаго и возвышеннаго, имѣющаго при томъ какъ можно болѣе открытый видъ изъ большой дороги и отъ города для сооруженія, по Высочайшей ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА волѣ, изображенной въ препровожденномъ ко мнѣ спискѣ съ отношенія Его Сіятельства Г. Министра Финансовъ къ Вашему Превосходительству, чугуннаго монумента на поворотѣ дороги, идущей изъ Лепеля въ Витебскъ, на коемъ войска наши опрокинули Превосходнаго въ силахъ непріятеля въ теченіе войны 1812-го года составленіи плана тому мѣсту, съ подробнымъ объясненіемъ окрестныхъ мѣстъ, дорогъ и рѣкъ и присовокупленіемъ при томъ важнѣйшихъ свѣдѣній на счетъ матерьяловъ, мастеровыхъ и работниковъ, я по достовѣрномъ дознаніи отъ старожилыхъ витебскихъ обывателей и какъ мнѣ самому извѣстно достопамятное событіе

1812-го года вблизи Витебска, гдѣ войска наши опрокинули превосходнаго въ силахъ непріятеля, избралъ приличное мѣсто на сооруженіе онаго памятника и составивъ тому мѣсту планъ съ подробнымъ, на ономъ, поясненіемъ требуемыхъ свѣдѣній и въ которыхъ мѣстахъ остановились войска наши и непріятельскія, гдѣ и опрокинуты остались послѣднія, честь имѣю почтеннѣйше таковой на благоуваженіе Вашему Превосходительству представить, съ такимъ, по соображенію моему, присовокупленіемъ что хотя и слѣдовало-бы сказанный монументъ поставить на самомъ пунктѣ сраженія, гдѣ былъ опрокинутъ непріятель надъ рѣкой Лучесою, какъ видно на планѣ*) подъ знакомъ, литерою № означенномъ; но какъ оное мѣсто находится отъ города и публичной дороги, и напротивъ при партикулярной дорогѣ, на которомъ не столько будетъ видѣнъ Монументъ, то я избралъ на сей предметъ мѣсто въ небольшомъ разстояніи, какъ отъ пункта сраженія, такъ и вблизи города Витебска, при шоссейной дорогѣ чрезъ Витебскъ въ городъ Оршу, котораго показанъ знакъ подъ литерою М. на землѣ имѣнія Лукишекъ, помѣщицы Стемпковской.—и донести при томъ, что о сей землѣ я отнесся письмомъ февраля 28-го ч. за № 54, посредствомъ Витебскаго Земскаго Суда, къ заставному владѣльцу имѣнія того Коссову, но отвѣта еще не получилъ, касательно-же цѣнъ на матерьялы и прочее, согласно требованію Его Сіятельства Г. Министра Финансовъ, прилагаю при семъ вѣдомость, доставленную мнѣ изъ Витебской Городской Полиціи.

Губернскій Землемѣръ Антонъ Мазалевскій.

Цѣны матерьяламъ, нужнымъ для постройки отечественнаго памятника при городѣ Витебскѣ. Составлено 1836-го года.

Какіе матерьялы съ доставкою на мѣсто.	Руб.	Коп.
Кирпича краснаго тысяча	30	—
„ желѣзняка	50	—
Песку кубичеткая сажень	13	—
Извести негашеной четверть	4	80

*) NB. Плана при дѣлѣ не имѣется. М. М.

	Руб.	Коп.
Плитняка въ продажѣ не имѣется, а въ лѣтнее время когда въ рѣкѣ Двинѣ уменьшится совершенно вода, то можно оной достать сажень . . .	60	—
Глины чистой кубическая сажень	40	—
Дикаго камня кубич. саж. на мѣстѣ . . .	30	—
И за доставку онаго въ разстояніи 1-й версты . .	30	—
Бревенъ сосновыхъ отъ 5-ти до 6-ти вершковъ погонная сажень	1	20
Бревенъ еловыхъ отъ 5-ти до 6-ти верш. погн. саж.	1	—
Досокъ еловыхъ отъ 5-ти до 6-ти верш. погн. саж.	—	55
Моху возъ	—	60
Гонту копа	—	50
Гонталей копа	—	14
Пудъ желѣза въ мелкой обработкѣ . . .	12	—
Пудъ полоснаго желѣза	5	25
Кузнецу въ день за работу	3	75
Плотнику	3	—
Чернорабочему	1	20
Столяру	3	75
Каменьщику или печнику	3	50

Полицеймейстеръ Гриневъ.

Г. Полоцкому Земскому Исправнику.

20-го марта, 1836-го года.

Старшій, по Витебской Губернской Чертежной, Землемѣръ Шмидтъ, представляя мнѣ при рапортѣ отъ 8-го сего марта планъ избранному имъ мѣсту для построенія вблизи города Полоцка монумента, въ память 1812-го года, присовокупилъ, что по ненахожденію во время бытности его въ Полоцкѣ, Помѣщика, подполковника Гласки, въ имѣніи коего предполагается таковое устройство, въ домѣ; не могъ онъ, землемѣръ, взять отъ Г-на Гласки отзыва на счетъ уступки съ полъ-десятины земли для памятника и караульни.

Поручаю В. Высокоблагородію истребовать отъ Г. Подполковника Гласки отзыва: согласенъ-ли онъ уступить для изъясненной надобно-

сти полъ-десятины земли въ извѣстномъ Вамъ мѣстѣ, или потребуетъ за то платы и сколько именно и таковой мнѣ представить неукоснительно.

М. Ю.
Витебскаго
Губернскаго
Землемѣра
№ 69
Марта 20-го дня
1836-го года.

Исправляющему должность Гражданскаго Губернатора Господину Вице-Губернатору и Кавалеру.

Рапортъ.

Вслѣдствіе предписанія Г. Витебскаго Гражданскаго Губернатора, о назначеніи мѣстъ подъ постройку чугунныхъ монументовъ на главныхъ пунктахъ бывшаго сраженія 1812-го года, согласно Высочайшей волѣ Государя Императора, я объ уступкѣ мѣста, принадлежащаго къ имѣнію, Лукишкамъ, относился къ Помѣщику Титулярному Совѣтнику Вацлаву Коссову отъ 28-го истекшаго февраля и потомъ требовалъ его отвѣта посредствомъ здѣшняго Земскаго Суда отъ 11 го сего марта; но не получая и по сіе время отъ Г. Коссова отзыва, кромѣ росписки въ пріемѣ имъ перваго моего конверта, не могу исполнить предписанія Г. Гражданскаго Губернатора, требуемаго скорѣйшаго дѣйствія.

Почему Ваше Высокородіе покорнѣйше прошу предпринять свои мѣры, дабы помѣщикъ Коссовъ немедленно меня увѣдомилъ, ибо за нимъ остается неисполненнымъ дѣло, производящееся по Высочайшему повелѣнію.

Губернскій Землемѣръ Антонъ Мазалевскій.

Его Высокоблагородію Господину Витебскому Губернскому Землемѣру Мазалевскому.

Заставного владѣльца имѣнія Лукишекъ, Помѣщика Титулярнаго Совѣтника и Кавалера
Вацлава Коссова.

Донесеніе.

Ваше Высокоблагородіе благоволите требовать отъ меня, дабы я безденежно или съ означеніемъ цѣны за деньги согласился усту-

пить участокъ земли изъ 1200 квадратныхъ саженей, состоящій по шоссейной дорогѣ близъ города Витебска для сооруженія по Высочайшей волѣ Памятника какъ на пунктѣ бывшаго въ 1812-го году достопамятнаго побѣдоносныхъ войскъ нашихъ сраженія.

Я, зная важность таковаго Вашего Высокоблагородія, ко мнѣ учиненнаго отзыва охотно-бы и безденежно согласился-бы уступить въ предположеніи Вашемъ сей маловажный для такой великой въ Потомствѣ памяти участокъ земли, ежели-бы имѣнія Лукишекъ и земель окрестныхъ около города Витебска былъ я настоящимъ вѣчнымъ владѣльцемъ, но какъ таковое имѣніе и земля состоятъ только въ заставномъ моемъ владѣніи и я не вправѣ желаемое мною въ таковомъ, требуемомъ предметѣ сдѣлать пожертвованіе, то благоволите отнестить о семъ къ настоящей владѣтельницѣ Г-жѣ, изъ князей, Любомірской Стемпковской, имѣющей постоянное жительство Кіевской губерніи Овручскаго уѣзда, въ имѣніи своемъ Волчковѣ, или ея повѣренному супругу Ея Г-ну Стемпковскому, въ Могилевской губерніи въ имѣніе Сѣрокорощню.

Вацлавъ Коссовъ.

Марта 18-го дня;
1836-го года.

№ 478.
15-го Апрѣля,
1836-го года.

Г. Министру Финансовъ.

Почтеннѣйшее предписаніе Вашего Сіятельства отъ 31-го Генваря с. г., относительно сооруженія по Высочайшему ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повелѣнію въ Витебской губерніи четырехъ монументовъ, я имѣлъ честь получить 7-го февраля; и тогда-же предписалъ Витебскому Губернскому и Старшему по Чертежной Землемѣрамъ отправиться на мѣста, гдѣ предположено устроить таковые; первому при городѣ Витебскѣ, а послѣднему въ остальные три пункта, возложивъ на нихъ во 1-хъ снять на планъ мѣста и самыя окрестности, на коихъ означенные монументы должны быть поставлены; во 2-хъ открыть способы, посредствомъ коихъ дешевѣйшими цѣнами можно получить съ доставкою на мѣста нужные матерьялы, какъ для фундаментовъ, такъ и для предполагаемаго при каждомъ, особаго домика для жительства инвалида и въ 3-хъ, войти

въ сношеніе съ владѣльцами объ уступкѣ нужнаго для сей надобности въ каждомъ мѣстѣ небольшого участка земли.

Чиновники сіи исполнили таковое порученіе мое, при донесеніяхъ за №№ 25-мъ и 28-мъ въ копіяхъ при семъ прилагаемыхъ представили ко мнѣ: планы мѣстамъ и окрестностямъ оныхъ, на которыхъ предположено поставить вышеозначенные монументы, справки о цѣнахъ на матерьялы, какіе для сихъ работъ необходимы и фасадъ домишкамъ, имѣющимъ построиться жительства инвалидовъ. Изъ бумагъ сихъ, Ваше Сіятельство благоусмотрѣть изволите, что помѣщикъ Володковичъ и Главноуправляющій помѣщика Убрія, дворянинъ Снопковскій, на землѣ коихъ предположено поставить первые два монумента, безъ всякаго возмездія уступаютъ нужное для сей надобности количество земли съ тѣмъ только, чтобы оная не называлась казенною, но принадлежала къ ихъ имѣнію; и со всею готовностію принимаютъ на себя также безплатно доставить нужный для фундамента подъ памятникъ матерьялъ и построить собственнымъ коштомъ домики для инвалидовъ по прилагаемому при семъ фасаду. Кромѣ того Г. Володковичъ жертвуетъ полъ-десятины земли на огородъ для инвалида, а дворянинъ Снопковскій проситъ, если можно помѣстить въ Смотрители къ монументу изъ числа находящихся въ имѣніи Коллежскаго Ассесора Убри заслуженныхъ и украшенныхъ знаками отличія нижнихъ военныхъ чиновъ, уволенныхъ въ безсрочный отпускъ, или совершенно въ отставку.

Что же касается до участка земли, на которыхъ должны быть поставлены близъ г. Полоцка и Витебска монументы, то хотя отъ владѣльца первой, помѣщика, подполковника Гласки, за отлучкою его изъ губерніи не истребовано еще свѣдѣнія, но по увѣренію мѣстнаго земскаго исправника, чиновникъ сей за особенное для сего удовольствіе почтетъ уступить нужный участокъ земли подъ монументъ и домикъ для инвалида, навсегда безплатно; а монументъ, предполагаемый къ сооруженію близъ Витебска, долженъ быть построенъ на землѣ помѣщика Стемпковскаго; но, какъ онъ имѣетъ постоянное жительство въ другихъ помѣстьяхъ, то по прибытіи его сюда, ожидаемаго въ скоромъ времени, отобрано будетъ и отъ него

нужное на счетъ уступки земли при г. Витебскѣ для сего предмета свѣдѣніе.

Донося о всемъ вышеписанномъ Вашему Сіятельству и поднося у сего планы мѣстности съ пунктами, назначенными для возведенія монументовъ, а также справку о цѣнахъ на метерьялы и кромѣ караульными домиками, на благоразсмотрѣніе и разрѣшеніе, я долгомъ считаю присовокупить при семъ, что въ обоихъ сихъ городахъ, какъ явствуетъ изъ исторіи войны 1812-го года и свѣжей памяти мѣстныхъ жителей, происходили весьма кровопролитныя битвы, окончившіяся на мѣстахъ, въ Высочайшемъ повелѣніи упомянутыхъ, и на планахъ земли показанныхъ, что мѣста сіи, хотя въ близкомъ разстояніи обоихъ городовъ, но въ такихъ пунктахъ, что весьма немногими могутъ быть замѣчены; а тѣмъ самымъ останутся для многихъ въ безъизвѣстности; и посему простительно желать, чтобы памятники доблестей Русскихъ Воиновъ и достопамятной войны 1812-го года, сооружаемые въ честь участвовавшихъ въ оной и во славу Россіи, сколь возможно, въ особенности въ семъ краю, сдѣлались извѣстными юношеству, готовящемуся къ службѣ, то я полагалъ-бы устроить въ самомъ городѣ Полоцкѣ на площади, предъ кадетскимъ корпусомъ, гдѣ понынѣ еще отрываются обломки гранатъ и гдѣ одно ядро въ самой стѣнѣ*) бывшаго Іезуитскаго монастыря, обращеннаго нынѣ въ кадетскій корпусъ, служитъ неоспоримымъ доказательствомъ бывшаго тамъ сраженія. А въ Витебскѣ также соорудить таковой на большой площади передъ почтовой станціей, служащей плацъ-параднымъ мѣстомъ для квартирующихъ войскъ. Издержки на сооруженіе фундаментовъ для сихъ двухъ памятниковъ съ усердіемъ обыватели сихъ городовъ примутъ на себя, а въ построеніи домиковъ для инвалидовъ при сихъ монументахъ не будетъ уже настоять надсбность, ибо они могутъ быть охраняемы мѣстными Городскими Полиціями.

Къ сему предположенію моему имѣю честь представить для усмотрѣнія и скопировку Городскихъ площадей въ Полоцкѣ и Витебскѣ.

---

*) Ядро 1812-го года и понынѣ сохранено въ стѣнѣ Полоцкаго корпуса, въ коридорѣ, противъ окна, черезъ которое оно ворвалось. Ядро обрамлено мѣдной полоской съ отмѣткой „1812-го года“.— 8/VI—1911 года. М. М.

Г. Министру Финансовъ.

20-го Апрѣля,
1836-го года.
№ 506.

Слѣдующія къ донесенію моему отъ 15-го Апрѣля за № 478-мъ Отчеты о цѣнахъ на матерьялы для сооруженія монументовъ въ память 1812-го года, имѣю честь представить при семъ Вашему Сіятельству.

Господину Витебскому Гражданскому Губернатору, Тайному Совѣтнику и Кавалеру.

Полоцкаго Земскаго
Исправника.
№ 300.
Апрѣля 18-го дня.
1836-го года.
Г. Полотскъ.

Рапортъ.

Исправляющій должность Вашего Превосходительства, Господинъ Вице-Губернаторъ и Кавалеръ предложеніемъ отъ 20-го марта за №381-мъ, предписать мнѣ изволилъ вытребовать отъ Г-на Подполковника Гласки отзывъ, на уступъ полдесятины земли близъ города Полотска отъ имѣнія его для построенія монумента въ Память 1812-го года. Вслѣдствіе чего, за прибытіемъ его, Подполковника Гласки въ имѣніе свое, вытребованный отъ него отзывъ, при семъ честь имѣю почтеннѣйше на благоуваженіе Вашего Превосходительства представить.

Земскій Исправникъ Ленкевичъ.

Г. Министру Финансовъ.

Апрѣля 30-го,
1836-го года.
№ 563-й.

Въ дополненіе донесенія моего отъ 15-го Апрѣля за № 478-мъ имѣю честь представить при семъ отзывъ*) Полотскаго уѣзда помѣщика Подполковника Гласки о согласіи его на уступку безплатно полдесятины земли для построенія монумента въ память 1812-го года.

---

*) Копіи съ отзыва Подполковника, помѣщика Гласки при дѣлѣ не имѣется.
М. М.

Входящій № 317.

Къ свѣдѣнію. Получ. мая 15/1836.

Министерство Финансовъ.
Канцелярія.
Отдѣленіе 1.
Столъ 4.
11-го Маія 1836.
№ 2096.

Объ оказаніи содѣйствія отправленному для избранія мѣстъ подъ памятники войны 1812-го года, Г. Подполковнику Яковлеву.

Господину Витебскому Гражданскому Губернатору.

Вашему Превосходительству извѣстно изъ отношенія моего отъ 31-го прошедшаго Генваря за № 546-мъ что по Высочайшему ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА повелѣнію, предполагается соорудить чугунные монументы на важнѣйшихъ пунктахъ сраженій, бывшихъ въ теченіе войны 1812-го года, и между прочимъ четыре таковыхъ Витебской губерніи: одинъ Дрисскаго уѣзда при деревнѣ Клястицахъ, другой при городѣ Полоцкѣ, третій Лепельскаго уѣзда при мѣстечкѣ Чашникахъ и четвертый близъ города Витебска; для избранія же для сего на предположенныхъ мѣстахъ приличнѣйшихъ пунктовъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, командируется нынѣ Генеральнаго штаба Г. Подполковникъ Яковлевъ. Снабдивъ на сей конецъ Г. Яковлева надлежащимъ наставленіемъ, я съ тѣмъ вмѣстѣ обращаюсь къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшею просьбою оказать въ нужныхъ случаяхъ сему штабъ-офицеру, по возложенному на него порученію, всякое, возможное съ Вашей стороны, содѣйствіе и пособіе, давъ на сей конецъ приказаніе Градскимъ и Земскимъ Полиціямъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ сооруженіе памятниковъ предназначается.

Министръ Финансовъ
Генералъ отъ Инфантеріи Гр. Канкринъ.
Директоръ Княжевичъ.

Полиціямъ:

Городскимъ:

Витебской № 790.
Полоцкой „ 792.

Земскимъ:

Витебской № 791.
Полоцкій „ 793.
Лепельской „ 795.
Дриссенской „ 794.

25-мая 1836-го года.

По Высочайшему повелѣнію предполагается соорудить чугунные монументы на важнѣйшихъ пунктахъ сраженій, бывшихъ въ теченіи войны 1812-го года и между прочимъ одинъ изъ таковыхъ при... (**сдѣсь прописать о мѣстѣ**) для избранія въ семъ случаѣ на предположенныхъ мѣстахъ приличнѣйшихъ пунктовъ съ Высочайшаго-же Его Величества разрѣшенія командированъ нынѣ Генеральнаго Штаба Г. Подполковникъ Яковлевъ.

Получивъ о семъ отъ Г. министра финансовъ увѣдомленіе, я предписываю оной Полиціи (**или Земскому Суду**) по прибытіи Г. Подполковника Яковлева и обращенія съ какими либо требованіями къ вамъ, относящимися къ возложенному на него порученію, исполненія оныхъ со всевозможною скоростію и удовлетворительностію, а мнѣ о послѣдствіяхъ донесть въ тоже время.

Черновая. Г. г. Полицемейстерамъ:

Витебскому 954; Полотскому 953.

Земск. Исправникамъ:

Лепельскому 955; и Дриссенскому 956.

3-го Іюня; 1836-го г.—Командированный по Высочайшему повелѣнію для избранія мѣстъ подъ по строеніе монументовъ въ память отечественной войны 1812-го года, Генеральнаго Штаба Подполковникъ Яковлевъ, отъ 18-го сего іюня увѣдомилъ меня, что опредѣлено имъ для изъясненнаго предмета, далѣе (**прописать изъ отношенія**) которое—указано имъ Подполковникомъ и поставленъ тамъ деревянный знакъ, обкопанный землею съ дерномъ.

Предписываю Вашему Высокоблагородію упомянутый знакъ, впредь до постановленія тамъ монумента принять въ вѣдѣніе Полиціи для наблюденія за совершенною цѣлостью.

Господину Витебскому Гражданскому Губернатору.

Во исполненіе извѣстной Вашему Превосходительству Высочайшей воли, избралъ я мѣста и поставилъ на нихъ знаки для точнѣйшаго опредѣленія тѣхъ пунктовъ, на коихъ предполагается воздвигнуть памятники въ воспоминаніе Отечественной Войны 1812-го года.

Первое мѣсто избрано въ самомъ городѣ Витебскѣ, на площадкѣ противъ почтоваго двора и показано Г. Полицеймейстеру города.

Второе въ городѣ Полотскѣ на площади противъ собора и кадетскаго корпуса. Мѣсто сіе показано Г. Полицеймейстеру города, равно какъ и первое.

Третье, выѣхавъ изъ города, въ самомъ развальи дорогъ, идущихъ на С. Петербургъ и г. Невель, посрединѣ французскаго редута.

Четвертое, близъ м. Чашниковъ, ѣдучи оттуда во дворъ Смольянцы, на правой рукѣ отъ дороги, въ 7-ми саженяхъ отъ нея; не переходя ручья. Мѣсто показано Управляющему имѣніемъ Смолянцами Г. Володковича, К. О Михайловскому, писарю того-же имѣнія А. М. Корсаку и пятисотскому въ Чашникахъ, Константину Лозовскому.

Пятое мѣсто избрано при селѣ Клясицахъ на высотѣ, близъ Уніатской церкви и показано Уніатскому священнику Дементію Конюшевскому; Управителю имѣнія Г-на Убри О. С. Чижевскому и сотскому Франкѣ Бурачевскому. На всѣхъ этихъ мѣстахъ поставлены бревна; въ деревняхъ длинныя, а въ городахъ не высокіе обрубки и обсыпаны землей и одѣты дерномъ

Доводя о семъ до свѣдѣнія Вашего Превосходительства, прошу предписать Земской Полиціи тѣхъ мѣстъ, равно какъ и Г. г. Полицеймейстерамъ Г. г. Витебска и Полотска принять сіи Знаки въ свое вѣдѣніе и наблюденіе впредь до постановленія на нихъ памятниковъ.

За бревна и работу въ селеніяхъ мною заплачено, сходно съ требованіемъ крестьянъ.

Генеральнаго Штаба
Полковникъ Яковлевъ 6-й.

№ 145
18-го Іюня; 1836.

Г. Вильно.

Витебскаго
Полицеймейстера.
№ 740.
Іюня, 5-го Дня;
1836-го года.

Витебскому Господину Гражданскому Губернатору и Кавалеру.

Рапортъ.

Во исполненіе предписанія Вашего Превосходительства отъ 3-го сего Іюня за № 954-мъ послѣдовавшаго, честь имѣю почтеннѣйше донести, что для наблюденія въ цѣлости избраннаго Полковникомъ

Яковлевымъ мѣста подъ построеніе монументовъ въ память Отечественной войны 1812-го года на площади, противъ почтоваго двора, гдѣ поставленъ деревянный знакъ, обкопанный землей и дерномъ, я предписалъ первой части города.

За Полицеймейстера Частный Приставъ Масленицкій.

---

*) Копіи документовъ извлечены изъ Архива 9 іюня 1911 г. *М. Мельникова.*

---

*) Аналогичное Дѣло: „О сооруженіи монумента въ Смоленскѣ въ память 1812-го года" извлечено мной изъ Вит. Губ. Архива 20-го іюля 1911 года. Оно препровождено Смоленской Ученой Архивной Коммиссіи, въ копіи. *М. М.*

МАТЕРІАЛЫ

для исторіи Отечественной Войны 1812 года, извлеченные изъ Витебскаго Губернскаго Архива.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ трудѣ моемъ по Витебскому Губернскому Архиву я привожу цѣликомъ Высочайшій Манифестъ и Указы; предписанія Бѣлорусскаго Военнаго Губернатора, герцога Александра Виртембергскаго; я пишу выборки изъ Сенатскихъ указовъ и помѣщаю протоколы по дѣлу нѣсколькихъ военноплѣнныхъ.

Маршруты войскъ мною взяты изъ рапортовъ Городничихъ, Нижнихъ Земскихъ Судовъ и Полицеймейстеровъ. Изъ экономіи мѣста рапорты напечатаны петитомъ и съ сокращеніями, ввиду однообразія ихъ формы. Съ цѣлію избѣжать повторенія формальной стороны актовъ—„постановленія разо-„слать указы: г.г. губернаторамъ, повѣтовымъ маршаламъ, „магистратамъ, городничимъ обще съ Думами, городскимъ и „земскимъ полиціямъ, Нижнимъ Земскимъ Судамъ, ключъ-вой-„тамъ, а министрамъ, Сенату и Сvноду дать о нихъ вѣдѣнія“. Эту обычную форму предписаній я совершенно опускаю.

При приведеніи мною актовъ полностію я нашла не лишнимъ помѣстить и подписи лицъ, скрѣпившихъ ихъ; быть

можетъ потомки героевъ, или же скромныхъ участниковъ жизни отошедшаго отъ насъ столѣтія поинтересуются дѣлами своихъ предковъ и порадуются имъ, вспоминая ту пользу, которую они по мѣрѣ силъ несли своему отечеству. Всѣ дѣла инженерныхъ работъ, касающихся улучшенія путей сообщенія: шоссейныхъ дорогъ и рѣчныхъ или другихъ водныхъ переправъ, я нашла возможнымъ исключить. Распоряженія о нихъ относятся къ 1811-му и даже 1810-му году и служатъ лишь свидѣтельствомъ того, что работы эти, будучи окончены къ 1812-му году, до извѣстной степени гарантировали свободное и легкое передвиженіе войскъ, командъ, провіанта и раненыхъ въ послѣдующее военное время. Всѣ эти дѣла собраны въ одной 16-й связкѣ и всѣ ограничиваются приглашеніемъ инженеровъ и посылкой рабочихъ къ Ригѣ по Динабургскому тракту. Заботы о путяхъ сообщенія даютъ поводъ думать, что многія неисправности и замедленія въ исполненіи указовъ и мѣстныхъ предписаній происходили не отъ дурныхъ дорогъ, а отъ другихъ причинъ, неизбѣжныхъ при такомъ исключительномъ положеніи губерніи, какъ перспектива встрѣтиться съ полчищами непріятеля.

Психологическая же сторона губерніи Витебской 1812-го года несомнѣнно обрисовывается достаточно ярко изъ изложеннаго мною ниже.

Дѣйствительный Членъ Витебской
Ученой Архивной Комиссіи *М. Мельникова.*

16 Марта 1911 г.

Витебскъ.

Витебскій Губернскій Архивъ.

1812-ый годъ.

Дѣла, касающіяся нашествія непріятеля. — Докладъ Общему Собранію Витебской Ученой Архивной Комиссіи.

ЧАСТЬ I-ая.

Дѣла великой эпохи Русской земли 1812 года сохранились только въ бумагахъ Губернскаго Правленія. Между ними попадаются и дѣла по дворянской опекѣ и указы административные магистратамъ и земскимъ судамъ, но есть и указы, вызванные исключительно военнымъ временемъ...

Такъ какъ цѣлью моего труда была реставрація въ памяти соотечественниковъ и мѣстныхъ обывателей моментовъ надвигавшагося столкновенія мирнаго жителя съ грознымъ врагомъ, то и выборки, сдѣланныя мною, должны отвѣчать исключительно этому назначенію.

Я считаю необходимымъ доложить тѣмъ членамъ Архивной Комиссіи, которые поинтересовались бы прочесть подлинные документы, что порядкомъ записи ихъ руководиться трудно. Всѣхъ связокъ 1812 года 16-ть, *) но хронологическое расположеніе дѣлъ ихъ, въ общемъ, хотя и соотвѣтствуетъ об-

*) Много дѣлъ Витебскаго Архива расхищено французами; объ этомъ смотрѣть: часть III-ья, „Дѣло объ Архивѣ".

ратному повышенію ихъ нумераціи, въ деталяхъ же №№ перемѣшаны; есть между ними утраченные, есть и повторные. Сохранились всѣ они для такого давняго времени превосходно и неразборчивыхъ почерковъ попадается очень немного.

Это все, что касается внѣшности. По содержанію своему свѣдѣнія шестнадцати связокъ въ указахъ для войскъ, прямыхъ распоряженій по передвиженію войскъ не даютъ. Распоряженія сводятся къ поставкамъ провіанта; къ набору рекрутъ; доставкѣ лошадей и одно дѣло (св. 4-я д. № 169) о назначеніи новыхъ почтовыхъ трактовъ и дѣла объ ополченіи.

По обширности районовъ, на которые простирались Высочайшіе указы, дѣла раздѣляются на общія, каковы назначенія главнокомандующихъ и министровъ и частныя, т. е. мѣстныя, города Витебска и Витебской губерніи.

Изъ общихъ указовъ первое мѣсто, безъ сомнѣнія, надо отвести Высочайшему Манифесту. Несмотря на то, что Манифестъ 12-го года общеизвѣстенъ, я должна на него обратить вниманіе, какъ на документъ, данный 6-го Іюля 1812-го года въ лагерѣ подъ городомъ Полоцкомъ; слѣдовательно имѣющій важное значеніе для Витебской губерніи. Онъ помѣщенъ въ 5-ой связкѣ за № 373-мъ

„дѣло озаглавлено такъ: (Полная копія). „По указу Правительствующаго Сената—съ экземплярами о сборѣ внутри Государства новыхъ силъ, которыя составляютъ вторую ограду въ подкрѣпленіе первой и защиту храмовъ и о протчемъ. 4-го октября, 1812-го года.

На 2-хъ листахъ.

Какъ видно, помѣчено дѣло въ Губерн. Витебскомъ Правленіи Октябремъ 4-мъ; обложка его очень потертая и грязная. 4-й Октябрь, день поступленія бумаги изъ Сената; доказатель-

ство того, что за непріятельскими войсками Высочайшій указъ въ Витебскъ не попалъ во время.

Далѣе идетъ: Листъ І-й.

№ 219.—4-е окт. 1812-го года.

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго изъ Правительствующаго Сената Витебскому Губернскому Правленію.

Правительствующій Сенатъ слушали Высочайшій Его Величества **Манифестъ**, состоявшійся въ 6-й день сего Іюля—**О СБОРѢ** внутри Государства новыхъ силъ, которыя составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой и защиту **домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ сословій** состояній духовныхъ и мірскихъ общимъ ополченіемъ содѣйствовать къ **отраженію непріятеля**, съ предоставленіемъ для первоначальнаго составленія предназначаемыхъ силъ—во всѣхъ губерніяхъ дворянству—сводить поставляемыхъ ими для защиты отечества людей, избирая изъ среды самихъ себя начальника надъ оными.

Приказали: сей Высочайшій Е. И. Вел. Манифестъ объявить всенародно, для чего напечатать въ сенатской типографіи подробное онаго число экземпляровъ и разослать съ нарочными курьерами къ гражданскимъ губернаторамъ во всѣ Губернскія Правленія предписать имъ, чтобы содѣйствовали всѣми зависящими отъ мѣстнаго начальства способами къ немедленному приведенію въ исполненіе изъявленной въ томъ манифестѣ Высочайшей Его Императорскаго Величества воли и о томъ къ Губернаторамъ и въ Правленія съ приложеніемъ таковыхъ экземпляровъ послать указы, каковые экземпляры при указахъ же для исполненія и свѣдѣнія разослать городничимъ и полиціямъ. Помянутыхъ же манифестовъ, прилагается при семъ сто экземпляровъ: (іюля 10-го дня, 1812-го года).

Подлинный подписали: Оберъ-Секретарь Илья Федоровъ; секретарь Хоржевскій; Повытчикъ Голядухинъ.

По 1-му департаменту.

Докладывано; 18-го Генваря, 1813 года.

Дата $\frac{18}{1813}$ новое указаніе на запозданіе доклада уже самому Губернскому Витебскому Правленію.

Манифестъ 1812-го года.

Второй листъ (2-ой) занятъ уже самимъ манифестомъ въ печатномъ „приложеніи".

Божіею Милостію
МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ
Императоръ, Самодержецъ Всероссійскій
и прочая и прочая и прочая.

Непріятель вступилъ въ предѣлы НАШИ и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь силою и соблазномъ потрясть спокойствіе Великой сей Державы.—Онъ положилъ въ умѣ своемъ злобное намѣреніе разрушить славу ея и благоденствіе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ и местію въ устахъ несетъ онъ вѣчныя для ней цѣпи и оковы. МЫ, призвавъ на помощь Бога, постановляемъ въ преграду ему войска НАШИ, кипящія мужествомъ попрать, опрокинуть его и то, что останется неистребленнаго, согнать съ лица земли НАШЕЙ. МЫ полагаемъ на силу и крѣпость ихъ твердую надежду; но не можемъ и не должны скрывать отъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, что собранныя имъ разнодержавныя силы велики и что отважность его требуетъ неусыпнаго противъ нея бодрствованія.—Сего ради при всей твердой надеждѣ на храброе НАШЕ воинство полагаемъ МЫ за необходимо нужное собрать внутри Государства новыя силы, которыя нанося новый ужасъ врагу, составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ.

МЫ уже воззвали къ первопрестольному Граду НАШЕМУ, Москвѣ, а нынѣ взываемъ ко всѣмъ НАШИМЪ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ, состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ НАМИ единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній.—Да найдетъ онъ на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ.—Да встрѣтитъ онъ 1) въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго; 2) въ каждомъ духовномъ Палицына; 3) въ каждомъ гражданинѣ Минина.

Благородное дворянское сословіе! Ты во всѣ времена было Спасителемъ Отечества; Святѣйшій Сѵнодъ и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали Благодать на славу Россіи; народъ Русской! Храброе потомство храбрыхъ Славянъ! ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ; со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ.

Для первоначальнаго составленія предназначенныхъ силъ предоставляется во всѣхъ губерніяхъ дворянству сводить поставляемыхъ ими для защиты отечества людей, избирая изъ среды самихъ себя начальника надъ оными и давая о числѣ ихъ знать въ Москву, гдѣ избранъ будетъ Главный надъ всѣми предводитель.

Въ лагерѣ близъ Полоцка; 1812-го года Іюля, 6-го дня.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано тако:

АЛЕКСАНДРЪ.

М. П.
Мѣсто печати.

Печатанъ въ С.-Петербургѣ при Сенатѣ.— Іюля 10-го 1812 года.

О томъ, что указы изъ Сената и мѣстныя инструкціи не доходили по мѣсту назначенія своего къ указанному сроку и что препятствіемъ къ тому была близость непріятельскихъ войскъ, видно изъ слѣдующихъ дѣлъ уже спеціально мѣстнаго значенія.—(Связка 2-ая, дѣло № 79).

Бѣлорусскій военный губернаторъ Его Королевское Высочество герцогъ Александръ Виртембергскій въ отношеніи своемъ отъ **4-го Іюля 1812-го года** извѣстилъ гражданскаго губернатора, что „Его Императорское Величество позволилъ ему находиться **при арміи**, нынѣ „расположенной къ военному дѣйствію, въ свитѣ Его Величества, на „такомъ же положеніи, какъ позволено и принцу Ольденбургскому „съ сохраненіемъ начальственнаго управленія ввѣренными ему губерніями“.